

Правительство Забайкальского края
Министерство образования и науки Забайкальского края
Дальневосточное отделение Российской академии наук
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
Забайкальский государственный университет
Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова
Забайкальское отделение Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»

300 лет научных исследований в Забайкалье

Материалы международной научной конференции

16–20 сентября 2024 г.
г. Чита

Чита
ЗабГУ
2024

УДК 082
ББК я54
Т 681

Утверждено к печати организационным комитетом
международной научной конференции

Рецензенты

А. Д. Цыбиктаров, д-р ист. наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
А. В. Харинский, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Редакционная коллегия

А. В. Константинов (отв. редактор), д-р ист. наук, И. И. Разгильдеева (отв. редактор),
канд. ист. наук, М. В. Константинов, д-р ист. наук, Е. В. Ковычев, канд. ист. наук,
П. В. Мороз, канд. ист. наук, О. А. Яремчук, канд. ист. наук, Н. О. Викулова

300 лет научных исследований в Забайкалье : материалы междуна-
Т 681 родной научной конференции / Забайкальский государственный универси-
тет ; ответственные редакторы А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева. –
Чита: ЗабГУ, 2024. – 156 с.
ISBN 978-5-9293-3314-9

В сборнике представлены материалы докладов международной научной конферен-
ции «300 лет научных исследований в Забайкалье», проходившей 16–20 сентября 2024 г.
в г. Чите Забайкальского края. В статьях отражены результаты историографических,
археологических, этнологических, геолого-минералогических, палеоэкологических иссле-
дований, проведенных как ведущими специалистами, так и молодыми учеными на терри-
тории Евразии. Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер.

Издание предназначено для археологов, геологов, историков, ученых других специ-
альностей, а также для всех интересующихся археологией.

УДК 082
ББК я54

ISBN 978-5-9293-3314-9

© Забайкальский государственный
университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

РАЗДЕЛ 1

Алкин С. В., Смоляков Р. В. К 70-летию Шилкинского маршрута экспедиции А. П. Окладникова 1954 года	6
Пержаков С. Н., Сулова О. В. Первые этапы археологических исследований в Верхоленье – от первых академических экспедиций до ВСОРГО (краткий исторический обзор)	12
Плотников Ю. А. Юлиус Клапрот о российско-китайских взаимоотношениях в XVIII – начале XIX века	18
Рахматуллина О. Р. Роль внутренней организации Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в систематизации археологических исследований региона	23
Силушкина Э. А. Вклад экспедиции Д. Г. Мессершмидта в изучение пещер России	28

РАЗДЕЛ 2

Васильев С. А. Палеолитические памятники Южно-Минусинской котловины: 130 лет изучения	40
Власенко Д. Е. Предварительное определение техники скола по материалам палеолитического слоя стоянки Усть-Менза-14	46
Дьяконов В. М., Степанов М. В. Техничко-технологический анализ керамики раннего неолита Якутии (по материалам Средней Лены и Алдана)	53
Жукова Л. Н. Костяные остроконечники особого типа в арсенале древнего населения Восточной Сибири и современных юкагиров (начало XXI века)	59
Константинов М. В., Константинов А. В. Террасовая археология Забайкалья	65
Маслодудо С. В. Каменные структуры палеолитических слоев поселения Усть-Менза-2	69
Мещерин М. Н. Афонтова Гора V: четверть века изучения и сохранения культурного слоя	73
Разгильдеева И. И., Акимова Е. В., Новосельцева В. М., Клементьев А. М. Планиграфический анализ комплекса палеолитических материалов юго-западного участка стоянки Афонтова Гора IV (Овражная)	77
Рыжов Ю. В., Голубцов В. А., Смирнов М. В., Кононов Ю. М., Курбанов Р. Н. Хронология этапов врезания и заполнения долин временных водотоков на правом берегу р. Селенги во второй половине сартанского криохрона (МИС 2) и голоцене по данным ОСЛ и радиоуглеродного датирования	87
Рыжов Ю. В., Смирнов М. В. Почвенно-седиментационная последовательность и археологические находки по данным изучения покровного генетического комплекса отложений пятой надпойменной террасы р. Селенги (разрез Дэбэн, Селенгинское среднегорье)	95
Тетенькин А. В. Изучение адаптации людей к условиям конца Последнего ледникового максимума на основе исследований стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме	100

Уланов И. В. К вопросу о хуннском влиянии в Южном Приангарье	104
Чеха А. Н. Каменные индустрии эпохи неолита-палеометалла на территории Северного Приангарья по материалам памятников в устье реки Кутарей: особенности, хронология, аналогии	110
Юргенсон Г. А., Мороз П. В. К вопросу о природе кремней в индустриях палеолита	115
Ячменёв О. Ю. Антропоморфные изображения в наскальном искусстве Забайкальского края	121
Ожерельев Д. В., Мамиров Т. Б. Общие вопросы культурной атрибуции верхнепалеолитических индустрий Северного Тянь-Шаня (Казахстан)	128

РАЗДЕЛ 3

Комиссаров С. А. Археология Фуюй (Пуё): старые проблемы и новые задачи	138
Коровушкин Д. Г. Азиатская Россия и Китай: из прошлого в будущее	141
Монгуш А. В. Некоторые аспекты изучения религиозной жизни населения Тувы в середине 1940-х – начале 1950-х годов	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

2024 год в Забайкальском крае объявлен Годом науки в связи с двумя знаковыми датами – 300-летием первой научной экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Забайкалье и 300-летием Российской академии наук. Первая научная экспедиция была осуществлена немецким учёным Даниилом Готлибом Мессершмидтом, приглашённым на русскую службу Петром I. Из Петербурга он отправился в Сибирь в 1720 г. ещё до создания академии, а в 1724 г. достиг Забайкалья, где пробыл более года (с 3 марта 1724 г. по 30 марта 1725 г.), и первый дал его научное описание. Будучи врачом по специальности, Д. Г. Мессершмидт проводил комплексные исследования – природные и исторические. Он побывал в Удинске, Селенгинске, Шакше, Читинске (откуда сплавился на плотах по Ингоде и Шилке), Нерчинске, в Аргунском остроге, на озерах Далай-Нор и Бальзино. Вернувшись в Читинск 25 января 1725 г., учёный отметил сильное землетрясение. Отсюда началось возвращение в Петербург, куда он вернулся в 1727 г. Все последующие годы XVIII в. прошли в Забайкалье под знаком академических экспедиций.

Мы высоко оцениваем научный подвиг первого исследователя Забайкалья, его труды – отправная точка в изучении края. Международная конференция «300 лет научных исследований в Забайкалье», как и реализация многочисленных мероприятий в рамках Года науки, проходит при поддержке Правительства Забайкальского края и Губернатора Забайкальского края А. М. Осипова.

По итогам конференции выпускается сборник, в рамках которого представлены материалы участников научной конференции. В первом блоке статей рассмотрена история исследований, во втором и третьем – результаты историографических, археологических, этнологических, геолого-минералогических, палеоэкологических исследований, проведённых как ведущими специалистами, так и молодыми учёными.

РАЗДЕЛ 1

УДК 902:908

К 70-летию Шилкинского маршрута экспедиции А. П. Окладникова 1954 года

Сергей Владимирович Алкин¹, Роман Викторович Смоляков²

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия

² Читинский техникум железнодорожного транспорта
Забайкальского института железнодорожного транспорта, г. Чита, Россия

¹ alkin-s@yandex.ru, ² Amasarez@mail.ru

В текущем году исполняется 70 лет Дальневосточной экспедиции (ДВЭ) под руководством А. П. Окладникова на реке Шилка в Забайкалье. Масштабные разведывательные исследования и раскопки, проведенные в ходе экспедиции в среднем и нижнем течении бассейна р. Шилка, позволили получить новые данные по этногенетической истории населения региона, который ранее был «белым пятном» на археологической карте Сибири и Дальнего Востока. В ходе археологических поисков были обнаружены новые археологические памятники различных типов и хронологических эпох. Впервые для этого региона Забайкалья сформирована источниковая база для изучения древней и средневековой эпохи. На основе данных экспедиции 1954 г. с наступлением нового тысячелетия были продолжены исследования, что позволило получить данные для изучения процесса культурной адаптации групп мохэ – переселенцев из Среднего Приамурья на новой для них территории, характеризующейся природно-климатическими особенностями и инокультурной средой. Культурная принадлежность переселенцев определяется прежде всего составом керамической коллекции, где отчетливо выделяется керамика троицкого типа археологической культуры мохэ. Материал изученных археологических памятников характеризует процесс культурно-хозяйственной адаптации троицких мохэ в новой для них среде, демонстрирует контакты с местным населением. На восточное направление связей прибывшего населения указывают особенности его хозяйственно-культурного типа, а также использование новых для региона технологий строительства жилья и укреплений. Роль ФЭЭ трудно переоценить. Сама экспедиция и ее первый полевой сезон 1954 г. сыграли решающую роль в изучении древней и средневековой истории Забайкалья и Дальнего Востока. Прделана огромная работа, в ходе которой сформировались сибирская и дальневосточная школы отечественных археологов. По сути, 1954 год ознаменовал начало истории современного археологического изучения Восточного Забайкалья и Приамурья.

Ключевые слова: Забайкалье, река Шилка, археология, Дальневосточная археологическая экспедиция (ДВАЭ), каменный век, средневековье, фортификация, крепость, жилище, культура мохэ, миграция

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта НИР «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022–0004)».

70th Anniversary of the Shilkinsky Route of the Far Eastern Expedition of A. P. Okladnikov (1954)

Sergey V. Alkin¹, Roman V. Smolyakov²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

²*Chita College of Railway Transport of the Trans-Baikal Institute of Railway Transport, Chita, Russia*

¹ alkin-s@yandex.ru, ² Amasarez@mail.ru

The current year is the 70th anniversary of the Far Eastern Expedition (FEE) led by A. P. Okladnikov on the Shilka River in Transbaikalia. Large-scale reconnaissance research and excavations conducted during the expedition in the middle and lower reaches of the Shilka River basin allowed us to obtain new data on the ethnogenetic history of the population of the region, which was previously a “blank spot” on the archaeological map of Siberia and the Far East. During the archaeological search, new archaeological sites of various types and chronological epoch were discovered. For the first time, a source base for studying ancient and medieval epoch was formed for this region of Transbaikalia. Based on the data from 1954’s expedition, after the onset of the new millennium, research was continued, which made it possible to obtain data for studying the process of cultural adaptation of Mohe groups – migrants from the Middle Amur region in a new area for them, characterized by natural and climatic features and a foreign cultural environment. The cultural affiliation of the migrants is determined primarily by the composition of the ceramic collection, where the Troitsky-type ceramics of the Mohe archaeological culture are clearly distinguished. The material of the studied archaeological sites characterizes the process of cultural and economic adaptation of the Troitsky Mohe in a new environment for them, demonstrates contacts with the local population. The eastern direction of the connections of the arriving population is indicated by the features of its economic and cultural type, as well as the use of housing and fortification construction technologies that were new to the region. The role of the FEE is difficult to overestimate. The expedition itself and its first field season of 1954 played a decisive role in the study of the ancient and medieval history of Transbaikalia and the Far East. A huge amount of work was done, during which Siberian and Far Eastern schools of Russian archaeologists were formed. In essence, 1954 marked the beginning of the history of modern archaeological study of Eastern Transbaikalia and the Amur Region.

Keywords: *Transbaikal region, Shilka river, Archaeology, Far Eastern Archaeological Expedition (FEE), Stone Age, Middle Ages, fortification, fortress, dwelling, Mohe culture, migration*

Acknowledgments: *the article was prepared as part of the research project “Diversity and continuity in the development of cultures during the Stone, Paleometal and Middle Ages in the Far Eastern and Pacific regions of Eurasia (FWZG-2022–0004).”*

Бассейн р. Шилка является составной частью Амурского бассейна, который занимает огромную территорию в Северо-Восточной Азии, которая отличается уникальным сочетанием природных сообществ в связанных воедино географических условиях и закономерно вмещает в себя огромное число археологических памятников. Не являются исключением берега Шилки и её притоков. Наиболее ранние сведения об археологических комплексах эпохи средневековья – укрепленных поселениях в среднем и нижнем течении реки – опубликовали забайкальские краеведы в начале XX в. [10]. Первые археологические коллекции из погребений, имевших достаточно чёткую географическую привязку в районе г. Сретенска, были описаны В. Я. Толмачёвым [18].

Однако вплоть до середины XX в., когда археологический поиск в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке нашей страны получил мощный толчок в связи с планами строительства крупных гидроэлектростанций, бассейн р. Шилка продолжал оставаться «белым пятном» на археологической карте Забайкалья.

В конце 1940-х гг. началась подготовка к созданию специализированной археологической экспедиции для изучения районов Восточной Сибири (в границах Читинской области), сопредельного Приамурья и Приморья. Дальневосточная археологическая экспедиция (ДВАЭ) была сформирована по распоряжению № 85 Института истории материальной культуры Академии наук СССР от 18 июня 1953 г. на базе его Ленинградского отделения. Сроки, ме-

сто и состав экспедиции утверждены приказом № 79 от 26 июня 1953 г. по ЛО ИИМК АН СССР. Возглавил экспедицию А. П. Окладников, на тот момент занимавший должность заведующего сектором палеолита этого института [3].

На следующий год Амурский отряд ДВАЭ начал работы в Читинской области. Целью их являлся поиск и определение культурно-хронологической характеристики археологических памятников в западной части бассейна р. Амур, а именно на р. Шилка.

Источниковой базой для изучения работ экспедиции 1954 г. являются: археологическая коллекция (в фондах ИАЭТ СО РАН; насчитывает 186 фрагментов керамики, 495 каменных артефактов, 136 экз. костных остатков), фотокопии рукописных полевых дневников А. П. Окладникова и В. Е. Ларичева. Кроме того, В. Е. Ларичевым был опубликован отчёт, подготовленный в Полевой комитет Института археологии АН СССР [14].

Перед ДВАЭ были поставлены задачи – сформировать полное представление о прошлом народов Дальнего Востока, определить истоки их культуры в целом, проследить взаимосвязи археологических культур. На основе поставленных задач было решено проводить работы одновременно в нескольких районах Забайкалья и Дальнего Востока. По этой причине в составе ДВАЭ было образовано несколько отрядов: первый отряд вёл разведочные работы в бассейне Амура, второй – в Приморском крае, третий – на юге Сахалина. Таким образом, исследования территории Верхнего Амура проводились Амурским разведывательным отрядом. Молодые археологи-лаборанты, принимавшие участие в экспедиции: Э. В. Шавкунов, В. Е. Ларичев, Ю. И. Завитухин, Н. Л. Тимофеев, М. И. Рижский, Ю. В. Сазонов и заместитель начальника экспедиции Н. Н. Забелин в дальнейшем стали костяком нескольких региональных археологических школ.

Работа экспедиции началась в июле 1954 г. раскопками на Титовской сопке в Чите. Но основная цель исследований Амурского отряда ДВАЭ в границах Читинской области заключалась в разведывательном сплаве по р. Шилка до слияния её с р. Аргунь. Необходимо было выяс-

нить характер памятников на этой территории, после чего проследить их связь с памятниками по берегам р. Амур [Там же, с. 5]. Маршрут шилкинского этапа экспедиции начался в с. Шилкинский Завод (21 июля). Там было изучено средневековое городище. Однако наиболее известным в науке является памятник Шилкинская пещера, открытый в 1952 г. местным жителем топографом И. П. Шабалиным, где затем А. П. Окладников провёл комплексные исследования [13].

Далее было проведено тщательное обследование территории в окрестностях современных населённых пунктов на р. Шилка с отдельными разной протяжённости маршрутами по притокам этой реки (в основном левобережным). В результате, например, в районе с. Усть-Карск были обнаружены не только поселенческие и погребальные археологические объекты, датировавшиеся А. П. Окладниковым от неолитического времени до эпохи средневековья, но и впервые обследованы два петроглифических комплекса – писаницы на реках Кара и Джалинда. При этом информация о памятниках была получена от местного населения, тогда как, например, Джалинда была известна краоведам ещё в конце XIX в. [19, с. 421–422].

Сплывавшись вниз по Шилке при обследовании правого берега напротив д. Лужанки отрядом было обнаружено поселение, где проведены первые работы по раскопкам западин средневековых жилищ типа полуземлянки, которые ранее на территории Забайкалья не исследовались, в то время как подобные уже были известны на Дальнем Востоке и на сопредельной территории Китая.

Весьма продуктивными оказались подъемные сборы у с. Верхние Куларки. А с городища на горе Витчиха на правом берегу Шилки против этого села фактически началось изучение системы укрепленных поселений (городищ), первые описания которых были даны забайкальскими краоведами горным инженером А. Н. Банщиковым и полковником П. П. Орловым в 1915 г. Затем разведывательные шурфы, а также раскопы над западинами отдельных жилищ были заложены на горных городищах у с. Усть-Чёрная и на Чудейском утёсе (левобережный приток Шилки р. Чёрная). Иссле-

дователи описали систему фортификационных сооружений на этих объектах.

Иной тип укрепленного поселения, приуроченного к невысокой речной террасе, был открыт на правом берегу Шилки в пади Проезжая. Кроме укрепленных городищ экспедицией на всём протяжении маршрута были выявлены поселения с малым числом полуземлянок без явных следов защитных сооружений.

Среди археологических объектов других эпох необходимо отметить пункт сбора Кудикан с архаичным палеолитического облика подъемным материалом, многослойный (неолит-эпоха бронзы) памятник Тонтока, писаницу при устье р. Средне-Шайкино, разновременные стоянки в устьях небольших левобережных притоков Мошегда, Часовая, Аникино, Гришкино и др. вплоть до устья р. Амазар. Далее отряд продолжил работу на р. Амур.

Работы ДВАЭ в её первый полевой сезон отличались широкомасштабностью как в географическом, так и в хронологическом отношении, заложив фундамент для дальнейших исследований. Хотя затем последовал длительный перерыв в систематических археологических работах на участке среднего и нижнего течения Шилки, результаты разведывательных работ ДВАЭ 1954 г. были использованы как для популяризации археологических знаний о Забайкалье [17], так и для первых попыток определить место шилкинских материалов эпохи Средневековья в развитии этнокультурной ситуации в Верхнем и Среднем Приамурье.

Обнаружение на Шилке «керамики амурского типа» позволило А. П. Окладникову предположить, что в I тыс. н. э. одна из групп амурских мохэ мигрировала из Приамурья, поднявшись вверх по течению р. Шилка в сопредельные районы Забайкалья. Что затем в основном подтвердила Е. И. Деревянко, сравнив шилкинские материалы и материалы с тех памятников, оставленных тунгусоязычными мохэ, которые она изучала в Амурской области [8; 9].

Во время разведки 1954 г. была сформирована коллекция разнообразного археологического материала, включающая фрагменты керамики, артефакты из камня, кости и металлов, зооархеологические находки. Долгое время коллекция остава-

лась неизученной и хранилась в фондах ИАЭТ СО РАН, пока не была обнаружена одним из авторов в начале 2010-х гг. Попытка систематического анализа коллекции была осуществлена В. Е. Вальченко в ходе подготовки ею магистерской диссертации (защищена в НГУ в 2019 г.) [5–7].

Амурский отряд ДВАЭ покинул пределы Читинской области 8 августа 1954 г. Никто из участников сплава более в эти районы не возвращался. Из-за ухудшения отношений Советского Союза с Китаем проекты по строительству гидроэлектростанций на пограничных реках были остановлены. На долгие годы работа археологов в труднодоступном районе на границе Забайкалья, Приамурья и Китая была практически прекращена. Отряды ДВАЭ решали исследовательские задачи на Амуре и в Приморье. Отметим, однако работы А. И. Мазина (г. Новосибирск) в начале 1980-х гг. на писаницах Кара, Джалинда и Средне-Шайкино [11; 12].

Ситуация кардинально изменилась после публикации отчёта А. П. Окладникова и В. Е. Ларичева [14]. Рекогносцировочные маршруты по рекам Шилка и Чёрная (2004, 2006 гг., экспедиция ЧОКМ, в которых принимал участие один из авторов), а затем систематические в течении шести полевых сезонов стационарные раскопки Усть-Чёрнинского городища (с 2007 г. ИАЭТ СОРАН и ЧОКМ-ЗККМ) положили начало новому этапу археологического изучения региона. На одном из средневековых поселений, открытых в 1954 г. в 2008–2009 гг. проводил раскопки отряд ВААЭ ЗабГПУ под руководством Е. В. Ковычева. К изучению Шилкинских писаниц с 2019 г. приступил сотрудник ИА РАН А. С. Пахунов [15; 16].

В настоящее время по программе НИР ИАЭТ СО РАН продолжаются работы по изучению динамики этнокультурного развития в бассейне р. Шилка в древности и раннем средневековье. В них начиная с 2011 г. принимают участие члены краеведческо-туристического клуба Читинского техникума железнодорожного транспорта Забайкальского института железнодорожного транспорта. Вместе с ними отряд ИАЭТ совершил несколько сплавов по Шилке, повторяющих маршрут Амурского отряда ДВАЭ 1954 г. (2014, 2015, 2024). В 2024 г. он был пройден по Шилке практиче-

ски до границы Забайкальского края и Амурской области. Работы осуществлялись при поддержке Администрации края в рамках мероприятий Года науки.

В ходе этих исследований проводится не только мониторинг состояния объектов археологического наследия, обнаруженных в ходе работ экспедиции под руководством А. П. Окладникова, но и поиск новых памятников. Среди них вновь обнаружены и введены в научный оборот местонахождения эпохи палеолита, многослойные (неолит – эпоха палеометалла) стоянки, новые горные и прибрежные поселения в составе Шилкинской системы средневековых городищ, включая яркий комплекс памятников в районе с. Горбица [2].

Широкомасштабные разведывательные исследования и раскопки, проводившиеся последние без малого 20 лет в бассейне среднего и нижнего течения р. Шилка позволили получить новые данные по этногенетической истории населения региона, который ранее на многие десятилетия выпал из зоны внимания археологов. Впервые для этого региона Забайкалья сформирована источниковая база для изучения процесса культурной адаптации групп мохэ – мигрантов из Среднего Приамурья в новом для них районе, характеризующимся особенностями природно-климатического характера и инокультурным окружением [1].

Культурная принадлежность мигрантов определяется, прежде всего, составом керамической коллекции, где чётко выделяется керамический комплекс троического типа мохэской археологической культуры. В ходе изучения городищ выявлены новые для региона технологии жилищного (использование полуземлянок на стационарных поселениях) и фортификационного строительства. На восточное направление связей прибывшего населения указывают также особенности его хозяйственно-культурного типа. С троических мохэ начинается история земледелия просяного типа в Приамурье, его же они приносят на Шилку. В то же время полученные материалы указывают на смену приоритета в земледелии,

когда на первое место, вероятно, выходит выращивание посевной гречихи. Набор домашних животных у населения шилкинских городищ имеет прямые аналогии в хозяйстве троической группы мохэской культуры в Среднем Приамурье. Вещественный материал изученных памятников характеризует процесс культурной и хозяйственной адаптации троических мохэ в новом для них окружении, демонстрирует контакты с местным населением.

Комплекс материалов, полученных в ходе изучения укрепленных поселений в среднем и нижнем течении р. Шилка т. о. свидетельствует в пользу гипотезы о том, что на определённом этапе развития мохэской археологической культуры Среднего Приамурья, который хронологически относится к концу I – началу II тыс. н. э., началось продвижение части её носителей в западном от основного ареала направлении. В районах верхнего течения Амура – на Шилке и её притоках – они вступили в контакт с аборигенным населением (монголоязычные шивэй), которое очевидно сопротивлялось экспансии. Это потребовало от мигрантов устройства укрепленных поселений на труднодоступных утёсах, возведения сложных фортификационных сооружений, налаживания системы сигнальной коммуникации, а также применения всего культурно-хозяйственного комплекса в качестве стратегии адаптации. Добавим, что предположительно мохэский компонент выявлен также в составе петроглифических памятников изучаемого района.

Роль ДВАЭ, которой в текущем году исполняется 70 лет, трудно переоценить. Сама экспедиция и её первый полевой сезон 1954 г. сыграли определяющую роль в изучении древней и средневековой истории Забайкалья и Дальнего Востока. За годы существования экспедиции была проделана огромная работа, в ходе которой формировались сибирские и дальневосточные школы российских археологов. А в 1954 г. по существу начался отсчет истории современного археологического изучения Восточного Забайкалья и Приамурья.

Список литературы

1. Алкин С. В. Средневековая археология Восточного Забайкалья (Верхнее Приамурье) – западное направление распространения культуры ранних тунгусо-маньчжур (мохэ): результаты

десяти лет изучения // II International Academic Conference on Balhae's Network: The Eastern and Western Networks of Balhae and Middle Age Archaeology of Amur River Basin. Buyeo: Institute of Northern Region Cultural Heritage NUCh, 2019. P. 111–129.

2. Алкин С. В., Смоляков Р. В. Горбиченское городище на р. Шилке в Забайкальском крае // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 1. С. 25–32.

3. Болдырева Н. Л. Организация исследований по истории, археологии и этнографии на Дальнем Востоке России в 1950–1970-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2010. Т. 9, № 5. С. 41–45.

4. Вальченко В. Е. Роль работ Дальневосточной археологической экспедиции А. П. Окладникова в бассейне реки Шилка в 1954 году // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Российской (с международным участием) археол.-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (РАЭСК-LVIII). Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 70–72.

5. Вальченко В. Е. Анализ орнамента керамики коллекции 1954 г. с территории Восточного Забайкалья // Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2019: Археология. Новосибирск, 2019. С. 69–70.

6. Вальченко В. Е. Шилкинская керамическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г.: анализ и интерпретация // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 162–163.

7. Вальченко В. Е. Зооархеологическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г. с реки Шилка // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 198–199.

8. Деревянко Е. И. Мэхэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.

9. Деревянко Е. И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита: ЧГПИ, 1972. С. 81–89.

10. З. Н. Древние «городки» // Вестник Азии. Харбин. 1915. № 35–36. С. 89–91.

11. Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1994. 241 с.

12. Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.

13. Окладников А. П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1: Древние культуры Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 5–71.

14. Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: АмГУ, 1999. Вып. 2. С. 4–29.

15. Пахунов А. С., Алкин С. В., Илюшечкин В. С. Изучение писаницы на реке Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ, 2019. Т. XXV. С. 549–555.

16. Пахунов А. С., Алкин С. В. Результаты изучения пигментов писаниц среднего и нижнего течения реки Шилка в Забайкальском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ, 2020. Т. XXVI. С. 565–570.

17. Рижский М. И. Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье. Чита: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 172 с.

18. Толмачёв В. Я. Предметы «костяного века» из Восточной Сибири // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. 2. С. 334–338.

19. Черкасов А. А. Записки сибирского охотника. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 484 с.

Информация об авторах

Алкин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, alkin-s@yandex.ru

Смоляков Роман Викторович, преподаватель, Читинский техникум железнодорожного транспорта Забайкальского института железнодорожного транспорта, г. Чита, Россия, Amasarez@mail.ru

Information about the authors

Alkin Sergey V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, alkin-s@yandex.ru

Smolyako Roman V., teacher Chita College of Railway Transport of the Trans-Baikal Institute of Railway Transport, Chita, Russia, Amasarez@mail.ru

УДК 902(571.5)

**Первые этапы археологических исследований в Верхоленье –
от первых академических экспедиций до ВСОРГО
(краткий исторический обзор)**

Сергей Николаевич Пержаков¹, Оксана Васильевна Сулова²

¹ ООО «Раритет», г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

¹s.perzhakov@yandex.ru, ²oksanamovchan888@mail.ru

В статье рассматриваются этапы археологического изучения обширной территории Верхней Лены (Верхоленья). Хронологические рамки первого этапа (XVIII в. – по 1920 г.) охватывают время первых открытий и систематизации археологических знаний. Второй этап (1920–1989) стал периодом расцвета планомерных комплексных поисков по выявлению всего хронологического спектра от палеолита до современности. Третий этап относится к постсоветскому периоду (1990–2023) – периоду расцвета промышленно-хозяйственной археологии. Особое внимание уделено первому этапу, который состоит из двух периодов. Первый период – академический (период первых академических экспедиций Г. Ф. Миллера), второй – период становления Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО) в Иркутске. Дается краткий исторический обзор результатов мероприятий, имеющих большое значение для археологии в целом и для Прибайкалья в частности. Рассматривается влияние исследований в Верхнеленском регионе на формирование системы сохранения и охраны археологического наследия в Иркутской области.

Ключевые слова: Верхняя Лена, Верхоленье, Сибирь, Прибайкалье, Иркутск, ВСОРГО, археология, экспедиции, наследие, Г. Ф. Миллер, Б. Е. Петри

**The First Stages of Archaeological Research in Verkholenye – from the First
Academic Expeditions to VSORGO (A Brief Historical Review)**

Sergey N. Perzhakov¹, Oksana V. Suslova²

¹ Rarity LLC, Irkutsk, Russia; ² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

¹s.perzhakov@yandex.ru, ²oksanamovchan888@mail.ru

The article discusses the stages of the archaeological study of the vast area of the Upper Lena (Verkholenye). The chronological framework of the first stage (XVIII century to 1920) covers the time of the first discoveries and systematization of archaeological knowledge. The second stage (1920–1989) was the heyday of planned complex searches to identify the entire chronological spectrum from the Paleolithic to the present. The third stage belongs to the post-Soviet period (1990–2023) – the heyday of industrial and economic archaeology. Special attention is paid to the first stage, which consists of two periods. The first period was Academic (the period of the first academic expeditions of G. F. Miller) and the second period of the formation of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society (VSORGO) in Irkutsk. A brief historical overview of the results of activities of great importance for archaeology in general and for the Baikal region in particular is given. The influence of research in the Upper Lena region on the formation of the system of preservation and protection of archaeological heritage in the Irkutsk region is considered.

Keywords: Upper Lena, Verkholenye, Siberia, Baikal region, Irkutsk, VSORGO, archeology, expeditions, heritage, G. F. Miller, B. E. Petri

Введение. Сибирь, или Северная Азия, – огромная территория на востоке России, включает пространства от Урала до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до границ с Китаем, Монголией и Казахстаном. Этот регион России обладает богатейшим культурно-историческим наследием.

Первая академическая «История Сибири» Г. Ф. Миллера на русском языке вы-

шла в свет 274 года назад, в ней был отражен колоссальный архивный материал по древней истории, собранный участниками Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) (см. рисунок). Полная подготовка этого труда оформилась только в Советское время. Академическое издание «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера в трёх томах было подготовлено Институтом этнологии и антропологии им. Миклухи-Ма-

кляя. В 1968, 1969 гг. в свет вышла пяти-томное издание «Истории Сибири» под редакцией академика А. П. Окладникова и члена-корреспондента В. И. Шункова. Почти с полвека спустя Институтом Археологии СО АН РФ подготовлен новый формат (4 тома) «История Сибири» под редакцией коллектива авторов института археологии и этнографии СО РАН в 2022 г. [3].

Историческая традиционность в изучении первых археологических открытий в обширном регионе – Верхоленье, уходит корнями в первую половину XVIII в. В историографии «Ленских древностей» сформировалось три основных этапа в изучении археологических памятников. Мы постарались дать краткий экскурс первоначальных этапов археологического изучения Ленского края и показать главные научные достижения.

Первый, досоветский этап самый продолжительный с середины XVIII в. по 1920 г. – охватывает время первых открытий и систематизации археологических знаний на территориях Верхней Лены. Но и этот этап неоднозначный. В нём выделены два периода – собственно первый «Академический» и период, который начался с момента организации в 1851 г. в Иркутске Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО) до 1920 г.

Далее выделяется второй этап, самый плодотворный советский период (1920–1989), это расцвет плановых комплексных поисков на выявление всего хронологического спектра от палеолита до этнографической современности, как силами центральных, так и местных институтов.

Третий этап исследований относится к постсоветскому времени (1990–2023) – расцвет промышленно-хозяйственной «инженерной» археологии, направленный на выявление и сохранение археологических территорий в зонах активного освоения северных районов Иркутской области, в общем, и верхнего течения р. Лены в частности.

Согласно тематическим рамкам конференции мы рассматриваем лишь историю исследований Верхоленьского региона первого этапа. Верхняя Лена – участок реки длиной 1 250 км от истока до устья р. Витим, самого крупного притока р. Лены,

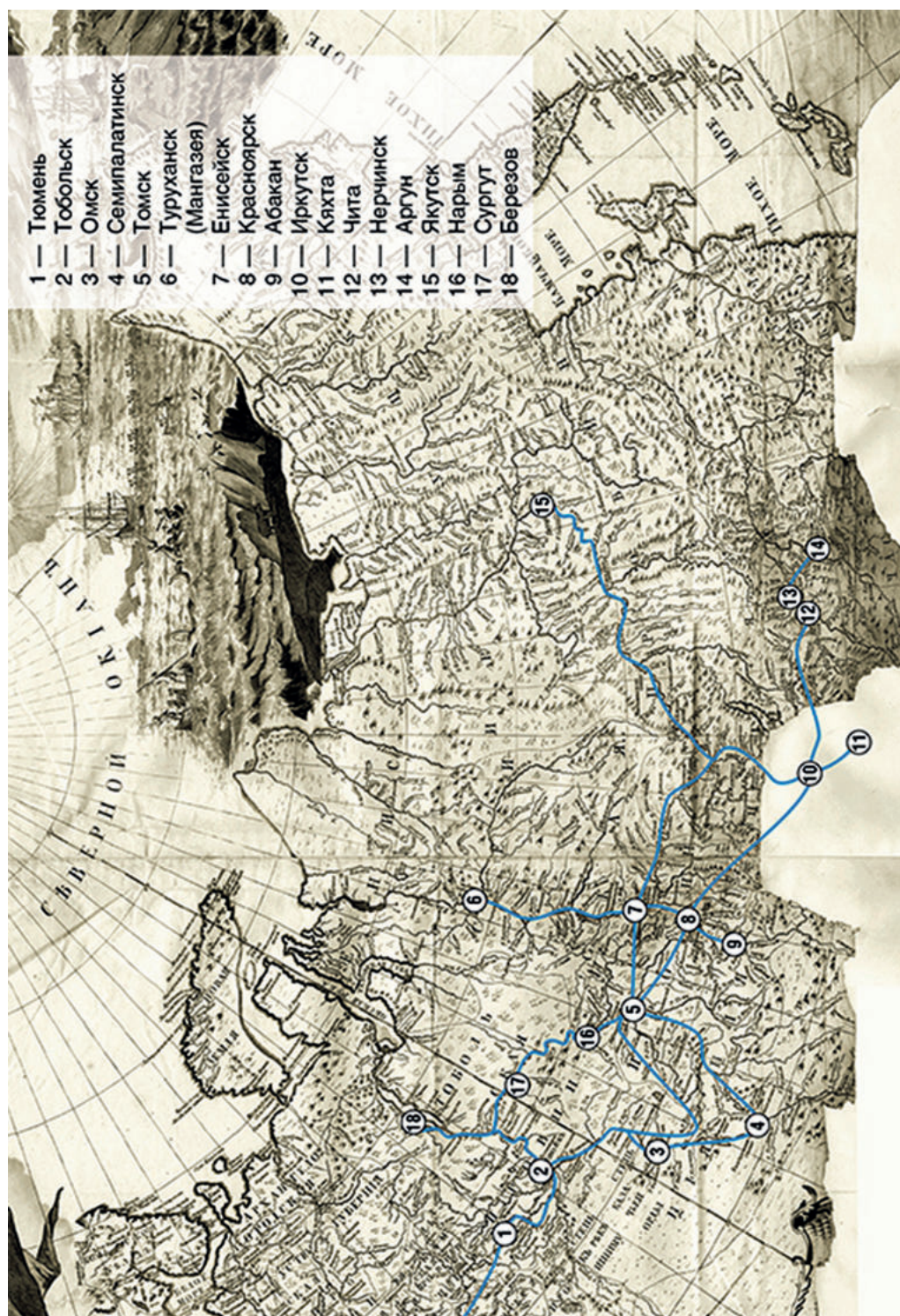
в верхнем её течении. Рассматриваемый регион географически расположен между 500–600 с. ш. и 1040–1130 в. д.

Термин «Верхняя Лена» как понятие геоморфологическое, применяется в специальной литературе уже с конца XIX в. Кто первый определил верхнее течение р. Лены, сказать сейчас трудно. В. А. Обручев в своей работе «Древние палеозойские осадочные породы долины р. Лены между ст. Качугской и Витимской» в главе, посвященной истории геологического исследования долины Верхней Лены приводит реестр из 45 работ и статей, в которых верхний отрезок р. Лены ограничивался устьем р. Витим [7, с. 7–38]. Понятие «Верхняя Лена» включает в себя часть юго-востока Средне-Сибирского плоскогорья и сочетает в себе районы с различными геоморфологическими, природно-ландшафтными характеристиками. Участок верхнего течения р. Лены проходит по северным районам Иркутской области и южной части территории Республики Саха (Якутия).

За последние 300 лет накоплена достоверная информация по различным отделам археологии, и в разной степени изученности, представлена в научной литературе, как в России, так и за рубежом.

Первые сведения, «антиквариаты», исследования в досоветский период (середина XVIII в. – 1920 гг.). Первое упоминание об археологических находках из районов Верхней Лены относится к 1740 году. В инструкции Г. Ф. Миллера, составленной для адъютанта И. Ф. Фишера, указывалось на «секиры древних, или так называемые громовые стрелы, да каменные наконечники стрел и долота, сделанные из агатов и яшмы. Недавно такие вещи нашли в Киренском остроге на берегу Лены при копании земли...» [9, с. 18]. Собственно, первооткрывателями сибирских, в том числе и Ленских, древностей было местное дорусское и старожильческое русское население. Как бы не воспринималось происхождение и назначение остатков древности, но они были известны местному населению, а часть из них стала известна и ученому миру уже на заре становления науки [1, с. 16].

300 лет научных исследований в Забайкалье

Великая Северная экспедиция Г. Ф. Миллера (на карте указаны города, которые посетил Г. Ф. Миллер)

Сведения, перешедшие от сибирских первопоселенцев, были использованы в научных материалах участниками первых научных экспедиций – Д. Г. Мессершмидтом, Г. Ф. Миллером, И. Г. Гmeliном [4, с. 12]. Они первыми дали возможную в то время, научную интерпретацию остаткам древнейшей истории населения Сибири, полученным в результате проведенных исследований. В состав Второй Камчатской экспедиции входили известнейшие учёные того времени И. Г. Гмелин – натуралист, Д. Кройер – астроном, И. Х. Беркман и И. В. Люрсениус – художники и др. [12, с. 3]. Последний по настоянию Г. Ф. Миллера сделал первые рисунки Шишкинской писаницы [5, с. 9].

Герард Фридрих Миллер, не будучи археологом, добросовестно зафиксировал факты и сведения о наличии остатков древностей на Лене. Но он не мог оценить по достоинству их историческое значение. В этом сказалась его активная приверженность норманизму и слабая в то время разработка общих вопросов древнейшей истории и особенно археологии [1, с. 18]. Например, Миллер не придал достойного значения Шишкинской писанице, не определил её возраст и считал, что данный памятник не имеет научной ценности. Однако не зафиксировать дошедшие до него сведения о наличии каменных орудий в районе г. Киренска на верхней Лене он не мог.

«Громовые стрелы», как писали тогда первые исследователи, и другие археологические предметы не воспринимались местным населением, как дело рук человеческих. Определение их «памятниками культуры» древнего населения края производилось, по мере ознакомления с этими артефактами учеными. В этом плане заслугой участников официальных научных экспедиций середины XVIII в. является первая фиксация остатков древней культуры и интерпретация известных ранее и обнаруженных ими находок как памятников древнейшей истории населения Сибири. Несмотря на малочисленность фактического материала, была предпринята первая попытка периодизации обнаруженных древних следов первых насельников. На основе технико-типологических данных

были выделены памятники, отражающие бронзовый и железный периоды развития местных «сообществ» и указано на наличие каменных орудий, принадлежавших к более раннему времени.

Таким образом, еще в конце XVIII в. прогрессивные ученые на базе данных Сибирской археологии в разной мере четко и определенно высказали суждение о наличии трех взаимосвязанных последовательных культурно-исторических периодов человеческой истории. И это произошло на много раньше окончательного признания в Европе трехчленного деления древнейшей истории по Мортилье [6, с. 30].

С окончанием Академического этапа первых экспедиций во второй половине XVIII в. о Ленских древностях основательно забыли, сведения на долго осели в академических архивах. Случайные единичные, фрагментарные археологические находки из различных районов долины Лены попадали в руки любителей или людей, впервые познакомившихся с ними. Исключительно малый объем и фрагментарность фактических данных не позволяли поставить вопрос об их научной значимости, не допускали даже предварительных сколько-нибудь обоснованных определений их возраста. За весь начальный этап ни один специалист-археолог не занимался местными древностями. Исключение составляет И. Д. Черский – геолог, достаточно знакомый с археологией, но это уже происходило во времена активной работы ВСОРГО. Но в сферу его внимания попали лишь единичные находки каменных изделий в окрестностях д. Марковой (Усть-Кутский район Иркутской области) [1, с. 18]. Иркутский архиепископ Нил изучал не только местные религии, но и геологию, и историю. В 1849 г. во время поездки по р. Лене в с. Мухтуя он приобрел шлифованный каменный топор у местного купца [8, с. 283], и таких фактов с каждым десятилетием становилось всё больше.

Археологический материал в редких случаях попадал в Иркутский музей, основанный в 1782 г. по инициативе губернатора Ф. Клички. Однако намечается положительная тенденция, когда в 1851 г. создается Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества в Иркутске. В

ведение Географического общества музеем был передан в 1854 г. В 1879 г. музей пострадал в пожаре. В 1883 г. заложено новое здание, которое станет визитной карточкой ВСОРГО, вплоть до 1920 г. Ученые ВСОРГО, как и участники первых академических Сибирских экспедиций, получали необходимую информацию, а потом и сами археологические находки от местного населения. Например, сообщение управляющего почтовой частью Восточной Сибири Шаверновского о находках «от Киренска до Олекминска», было прокомментировано известным русским археологом графом А. С. Уваровым как «первое неоспоримое доказательство из местности, о которой не имелось еще никаких сведений по данному вопросу». В 1884 г. управляющий почтовой частью Восточной Сибири Шаверновский в пределах верхней и средней Лены между Киренском и Олекминском открыл следы каменного века. Иван Дементьевич (Доминикович) Черский в 1886 г. собрал на левом берегу Лены ниже д. Марковой каменные орудия [9, с. 37].

Находки древних орудий, которые так впечатлили графа А. С. Уварова, способствовали принятию в 1889 г. указа об охране археологических памятников. Это был первый серьезный шаг на пути к становлению системы охраны археологического наследия. Ученым ВСОРГО предстояло не только исследовать памятники, но разработать систему мер по сохранению объектов. Однако в конце XIX в. заметен спад археологических открытий в том числе в Верхоленье [13, с. 13]. В 1913 г. известный археолог Б. Э. Петри совершил поездку в районы верхней Лены на оз. Очауль (Качугский р-н) и в с. Тутура (Жигаловский р-н), но деятельность его в этом случае ограничилась исключительно этнографическим обследованием и не преследовала археологических целей [1, с. 17].

«Дедушка сибирской археологии» М. П. Овчинников (народник, археолог, этнограф, архивист), так ласково его назвал Б. Э. Петри, «приобщился» к археологии во время отбывания политической ссылки на р. Лене. Здесь, в районе Олекминска, им обнаружено первое древнее погребение в долине Лены и следы неолитиче-

ских поселений с каменными орудиями и керамикой. В 1914 г. выезжая в город Киренск на средства Губернской архивной комиссии, выявил в окрестностях города несколько памятников каменного века [10, с. 104].

В 1916 г. по заданию ВСОРГО верховья Лены посетил С. А. Григорьев. Он обследовал устья рек Тутуры, Илги, Орлинги. Во всех этих пунктах, а также в промежутке между ними, были встречены каменные орудия, преимущественно, нефритовые топорики. В районе с. Малая Воробьевка и Кундуй он отметил наскальные рисунки. В том же году А. Таировым в 50 верстах от п. Качуг близ улуса Имыхнутский в 2–3 км к северо-востоку от о. Очауль на горе «Сосновой» найден нефритовый топорик [2]. В середине 1920-х гг. в Иркутский музей ВСОРГО от А. В. Попова поступили древние предметы, найденные жителями Киренского уезда в 1915–1921 гг. Еще одна коллекция (Киренский район, пашня у кладбища ниже Готовской пристани (ныне – пристань Киренской РЭБ при устье р. Телячихи) содержит 66 предметов: отщепы, обломки микропластинок и т. д. Примерно, это же место посетил М. П. Овчинников в 1914 г. [10, с. 104].

В 1920 г. для систематизации полученных данных и для предотвращения разрушений археологических объектов в ходе сбора местными жителями «древностей» была создана Археологическая комиссия (при активном участии Б. Э. Петри). В ее состав входили многие деятели ВСОРГО, в том числе принимавшие участие в Ленских исследованиях С. А. Григорьев, М. П. Овчинников, А. В. Попов. Одной из задач археологической комиссии была разработка инструкций по охране и описанию памятников доисторического прошлого Сибири [13, с. 13].

Итоги археологических исследований со дня образования Восточно-Сибирского Императорского ОРГО, а впоследствии ВСОРГО хорошо отражены в Очерке палеоэтнологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет, с 1851 по 1925 г. [11, с. 43]. Этот изначальный этап своеобразен по способам исследования, по составу и объему полученного фактического материала, по профессиональной подго-

товленности открывателей и в то же время обычен для начала многих научных изысканий того времени.

Заключение. Первые этапы историко-археологических исследований Ленского края характеризуются первоначальным накоплением обширного «банка» данных разнохарактерного плана. Герард Фридрих Миллер, не будучи археологом, добросовестно зафиксировал факты и сведения о наличии остатков древностей на Лене. Он не мог оценить по достоинству их историческое значение. Но это не помешало немецкому историку на русской службе лично ознакомиться с петроглифами верхней Лены и частично зафиксировать их с помощью художника И. В. Люрсениуса. Однако, не обнаружив «буквенных начертаний» на языке, известном ученым, Г. Миллер не придал писаницам достойного значения и считал, что данные памятники не имеют научной ценности [1, с. 20].

Доставшаяся в наследство от первоначального этапа исключительно слабая исследованность района поставила перед археологами следующих этапов первоочередную, основополагающую по значению, задачу общей рекогносцировки с целью выявления местонахождений археологических остатков и их сохранению. В задачи последующих учёных-археологов входило проведение сплошного обследования долины р. Лены. Выявлявшиеся остатки материальной культуры включались в научный оборот и положили начало формированию археологической источниковедческой базы крупного даже по сибирским масштабам региона. Работы, проведенные в годы первых Академических экспедиций, были основой для изысканий последующих этапов. Исследования необъятных просторов Сибири продолжаются, накапливаются новые данные по всем отделам древней истории Сибири, из этого круга не выходит и Верхоленье.

Список литературы

1. Аксёнов М. П. Палеолит и мезолит верхней Лены. Иркутск: ИрГТУ, 2009. 370 с.
2. Зубков В. С. Неолит и бронзовый век Верхней Лены (история исследования и проблемы изучения) // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. Иркутск, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 194–200.
3. История Сибири. Т. 1: Каменный и бронзовый век / отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с.
4. Мартынов А. И. История изучения древнейшего прошлого Сибири // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С. 9–33.
5. Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница: история и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. Иркутск: ИЗК СО РАН, 2011. Т. 1. 426 с.
6. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973. 355 с.
7. Обручев В. А. Древнепалеозойские осадочные породы долины р. Лены между станциями Качугской и Витимской // Записки ВСОРГО. 1892. Т. 2, вып. 1. С. 7–38.
8. Окладников А. П. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950. Вып. 2. С. 279–283.
9. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950. Ч. 1, 2. 412 с.
10. Петри Б. Э. М. П. Овчинников как археолог // Сибирские огни. 1922. № 4. С. 99–104.
11. Попов А. В. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет его существования // Известия ВСОГОРГО. Т. L: Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за семьдесят пять лет. 1851–1926. Юбилейный сборник. Иркутск, 1927. Вып. 1. С. 43–59.
12. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 227 с.
13. Шободоев Е. Б., Душкина Т. История охраны памятников в Иркутской области // Земля Иркутская. Иркутск, 1994. С. 11–16.

Информация об авторах

Пержаков Сергей Николаевич, научный сотрудник, ООО «Раритет», г. Иркутск, Россия, s.perzhakov@yandex.ru

Суслова Оксана Васильевна, аспирант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, oksanamovchan888@mail.ru

Information about the authors

Perzhakov Sergey N., researcher, Rarity LLC, Irkutsk, Russia, s.perzhakov@yandex.ru

Suslova Oksana V., graduate student, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, oksanamovchan888@mail.ru

УДК 93/94(470+571)(510)

**Юлиус Клапрот о российско-китайских взаимоотношениях
в XVIII – начале XIX века**

Юрий Анатольевич Плотников

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Россия
kimak1969@mail.ru*

В период своей работы в Российской академии наук известный полиглот-востоковед Юлий Клапрот (1783–1835) входил в состав неудавшегося посольства графа Ю. А. Головкина в Пекин. Собранные во время своих путешествий материалы Клапрот опубликовал в ряде статей, напечатанных в Париже в 1824–1828 гг. Эти публикации в основном касаются истории установления российско-китайской границы по Буринскому и Кяхтинскому договорам и состояния приграничной торговли. В частности, они включают французский перевод Кяхтинского договора 1728 г. с оригинального маньчжурского текста и главу Большой цинской энциклопедии, посвященную России, с китайского.

Ключевые слова: Юлий Клапрот, Буринский и Кяхтинский договоры, русско-китайская торговля

**Julius Klaproth about Russian-chinese Relations in XVIII –
Beginning XIX Century**

Yuri Anatolyevich Plotnikov

*Institute Archaeology and Ethnography, of the Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
kimak1969@mail.ru*

During his tenure in the Russian Academy of Sciences, the famous polyglot orientalist Julius Klaproth (1783–1835) was a part of Count Yu. A. Golovkin's failed embassy to Beijing. Klaproth published the materials gathered during his travels in a number of articles printed in Paris in 1824–1828. These publications mainly concern the history of demarcating the Russian-Chinese border according to Bura and Kyakhta treaties and the state of the trans-border trade. In particular, they include the French translation of the 1728 Kyakhta Treaty from the original Manchu text and the Russia-related chapter of Great Qing Encyclopedia from the Chinese version.

Keywords: Julius Klaproth, Bura and Kyakhta treaties, Russian – Chinese trade

Сын выдающегося химика Мартина Генриха Клапрота (1743–1817), открывателя элементов циркония, урана и титана, вопреки всем родительским усилиям по отцовским стопам не пошёл. С юных лет Генрих Юлиус (1783–1835) был охвачен страстью к изучению языков, преимущественно восточных. Заработав к началу века признанную репутацию полиглота, молодой человек получил приглашение поступить на службу в Российскую Императорскую Академию наук адъюнктом. Надеюсь, по примеру других иностранцев, сделать в России карьеру, на что не мог рассчитывать в Пруссии, Юлиус прибыл в Санкт-Пе-

тербург во время подготовки грандиозного посольства в Китай и был включён в число его без малого 300 участников ещё до назначения посланника, графа Ю. А. Головкина. Выехав из столицы весной 1805 года, через Казань, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Омск, Томск, Красноярск Клапрот прибыл в Иркутск, откуда начал совершать экскурсии для изучения языков и быта сибирских народов, собирал лингвистический материал для классификации языков, впоследствии изложенной в его самом известном произведении “Asia poliglotta” (1823). Осенью 1805 г. посольство собралось в Иркутске, откуда отправилось в Кях-

ту, где было задержано переговорами о церемониях до конца года. Здесь Клапрот занимался изучением монгольского и маньчжурского языков, собирал материал для словарей. Тронувшееся, наконец, к зиме с места посольство графа Ю. А. Головкина добралось до Урги, откуда в связи с последовавшим из Пекина запретом на дальнейшее путешествие было вынуждено вернуться в Кяхту в марте 1806 г. В поступивших из Академии наук новых инструкциях Клапроту было предложено продолжить исследования в Сибири, во время которых он доехал от Кяхты до Усть-Каме-ногорска. В 1807 году Клапрот вернулся в Санкт-Петербург, где был возведён в звание экстраординарного академика. За сибирскую экспедицию Александр I высочайше пожаловал Клапроту пенсию в 300 руб. В 1807–1808 гг. Клапрот совершил экспедицию на Кавказ, отчёты о которой были опубликованы на немецком и французском языках, получив широкую известность в Европе. В 1811 г. Академия командировала Клапрота в Берлин «для изготовления на дереве по собственным его рисункам нужные китайские и манджурские слова в числе около 9000». Клапрот воспользовался командировкой, чтобы навсегда оставить Россию. 12 августа 1812 г. невозвращенец был исключён «с бесславием» из Академии наук, однако император утвердил это решение только 18 апреля 1817 г. Впрочем, и в Берлине он не смог устроиться по своему желанию и в 1815 г. переехал в Париж, где вступил в «Азиатское общество» и стал одним из трёх основателей (наряду с Сен-Мартеном и Абель-Ремюза) авторитетнейшего востоковедного издания «*Journal Asiatique*». Такова в самых общих чертах биография этого «гражданина мира».

В российской науке сформировалось весьма сдержанное отношение к самой персоне Клапрота и его творческому наследию. Наряду с «громадной учёностью» автора отмечается его небеспристрастие в оценке трудов других исследователей. «Несмотря на способности к изучению языков и усиленные занятия ими из Клапрота не выработался первоклассный ориенталист, быть может потому, что он брался за языки самые разнообразные по

составу и строю, и до всего доходил самоучкой, — писал Н. И. Веселовский [2, с. 729]. «Обязанный большинством своих сведений и материалов России, он, однако, ничем не выразил ей своей благодарности. Клапрот постоянно вёл полемику с о. Иакинфом (Бичуриным), которому уступал в знаниях китайского языка, но пред которым имел преимущество в критическом таланте» [Там же]. Справедливость, тем не менее, требует отметить, что, не вдаваясь в нюансы перевода отдельных китайских оборотов, в основном и самом принципиальном пункте споров Клапрот был безусловно прав: тугю и хойху китайских источников были тюрками, а никак не монголами, каковыми их считал о. Иакинф.

Работы, восходящие к сибирскому периоду деятельности Клапрота, включены в его собрание сочинений «*Mémoires relatifs à l'Asie*», выходившее в Париже в трёх томах с 1824 по 1828 г. Две из них целиком посвящены теме взаимоотношений «империй Орос и Цин», известной автору отнюдь не понаслышке.

Статья «О русско-китайской границе» [8] впервые в мировой историографии (книга Н. Н. Бантыш-Каменского, законченная в 1772 г., увидела свет только 110 лет спустя [1]) описывает историю заключения Буринского (1727) и Кяхтинского (1728) трактатов. Характеристика обоих договоров выделяется на общем историографическом фоне (см. подробный обзор в книге В. С. Мясникова [6]). Как правило, ранние работы по данному вопросу, как российские, так и китайские, предпочитали делать акцент на уступках своей стороны, упрекая противоположную в коварных замыслах. Клапрот рассматривает эти трактаты как пример достижения взаимовыгодного компромисса, не затушёвывая при этом реальных сложностей переговоров и подчёркивая дипломатический талант руководителя российской делегации иллирийского графа Саввы Владиславича: «Китайцы выдвинули чрезмерные претензии, требуя даже все земли, расположенные к югу от Байкала. Однако граф Савва своей твёрдостью достиг того, что вынудил их отказаться от большей части этих требований, и трудная работа по установ-

лению огромной демаркационной линии между двумя самыми большими в мире империями завершились самым дружественным образом [9].

Пересказав положения прелиминарного Буринского трактата, Клапрот приводит географические ориентиры всех 63 пограничных знаков от Кяхты на восток и 24 знаков от Кяхты на запад, указанных в протоколах о разграничении 1727 г. и расстояния между ними (значительную часть этих пунктов можно найти на карте, приложенной к книге З. Матусовского «Географическое обозрение Китайской империи») [5]. Затем даётся собственный перевод всех 11 статей Кяхтинского договора с маньчжурского оригинала (поскольку русский и латинский переводы, по мнению автора, во многих местах не точны) и перевод статьи 10, полностью заменённой при пересмотре и реформировании договора в 1767 г. Таким образом, работа Клапрота, соединяющая публикацию официальных документов с путевыми записками очевидца, с полным правом может считаться дополнительным первоисточником.

Весьма познавательно описание Кяхты и Маймачэна по состоянию на 1806 г., выведенное пером любознательного наблюдателя (объём настоящей заметки не позволяет цитировать его сколь-нибудь подробно).

Общее мнение Клапрота о состоянии российско-китайской торговли довольно скептическое: «Цель, которая была поставлена при учреждении коммерческого депо в Кяхте, выполнена полностью; но совершенно упущена в Цурухайту на Аргуни, потому что положение этого последнего места исключительно неудобно. Русские negociанты могут перевозить свои товары водой до 26 вёрст от Кяхты. Эта перевозка осуществляется по Селенге до деревни Усть-Кяхта около ручья того же названия, который имеет свой исток к северу от холма Кяхта. Дорога на Цурухайту, напротив, проходит по крутым горам, которые делают его весьма утомительным и тяжёлым. Китайцы привозят туда мало товаров. Теперь они отправляются туда в июне месяце из города Нон или Наун. Высший маньчжурский офицер и его свита их сопровождают. Этот офицер, в то же время, имеет задачу инспекти-

ровать часть границы, направленной вдоль Амура и Аргуни. Товары, которые китайцы туда привозят – это чай в брикетах, по-китайски *Tchouan tcha*, по-русски *кирпичной чай*, курительный табак, грубые хлопковые ткани, белые и синие (*даба*), некоторое количество шёлковых тканей, сшитых шёлковых изделий и разные другие безделицы, употребляемые как русскими, так и монголами. Они обменивают эти статьи на скот, скорняжные изделия, овчины, русские кожи, обыкновенный войлок и вещи такого рода. *Китайцы производят эту торговлю только ради поддержания договора.*

Согласно тому же договору, русские имеют право каждые три года отправлять караван в Пекин. Однако этим разрешением пользуются не часто, и с 1727 года отправившись только шесть, а именно: в 1727–1728 году, 1732, 1736–1737, 1741, 1746 и 1755 годах. Эти караваны принесли весьма незначительную выгоду русской коммерции. Именно по этой причине императрица Екатерина II своим указом от 10 августа (старого стиля) 1762 года запретила всякую отправку караванов в Китай за счёт правительства. В то же время она оставила частникам торговлю в Кяхте, каковая там значительно процветала, сделав бесполезными караваны в Пекин» [8].

«Русская торговля в Кяхте намного менее значительна, чем обычно считается. Цена всех товаров, которые здесь обмениваются, редко превышает сумму двадцать четыре миллиона франков в год, и часто поднимается только до шести миллионов. С тех пор как американцы и англичане привезли большое количество своих пушных товаров в Кантон, русские меха находят меньше сбыта в Кяхте. Чтобы восполнить этот дефицит в годовом балансе, туда отправляют много сукна среднего качества, которое прежде целиком покупали в Силезии, но в настоящее время частично производят в России» [Там же].

Вторая статья – «Описание России, переведённое с китайского» [9, с. 81–114] – является непосредственным продолжением первой. Во «Введении» Клапрот рассуждает об одной специфической особенности китайской дипломатии.

«После чтения договора, заключённого в 1728 г. между Китаем и Россией, кото-

рый не содержит ничего унижительного для последней, было бы ошибочным предположить, что эта держава рассматривается первой как равная себе. В самом протоколе не находится ничего, что могло бы позволить предположить, что Китай присваивает себе превосходство над Россией; но прочитав теперь описание этой империи, извлечённое из маньчжурской официальной географии, увидим, что царская монархия рассматривается как государство, подчинённое правителю Срединной империи. Даже пути, по которым должно принимать послов и *русскую дань*, указаны по китайским правилам.

Согласно представлениям, принятым в Китае, *любая иностранная держава, приславшая сюда посольство, признаёт факт подчинения императору.*

В китайском языке этот акт подчинения обозначается словами *lai tchao* «прибыть засвидетельствовать почтение». Это выражение обычно применяется только к первому посольству одного и того же народа, для следующих используются слова *lai koung* «прибыть принести дань». Проработав китайские анналы, увидим, что в 166 г. н. э. римский император Антонин отправил посольство, представившее дань Хуан ди из династии Хань, что в 284 г. некое другое доставило её в Цзинь, и что те же самые вещи имели место в 637 и 719 гг. Обнаружим, что Испания подчинена с 1576 г., Голландия – с 1653 г., а папа – с 1725 г.

В пояснении к карте мира, опубликованной в 1794 г. в Пекине, читаем: «В пятьдесят восьмой год Цянь-лун (1793) англичане, которые находятся на северо-западной оконечности мира и которые в древние времена никогда не проникали в Китай, пересекли два океана, чтобы *прибыть засвидетельствовать почтение императору*». Второе английское посольство в имперских анналах будет трактоваться как *принесение дани*.

Таким образом, видно, что отправление посольства есть знак подчинения, и что подарки, которые оно приносит, рассматриваются как вещь, причитающаяся императору. Они поэтому называются *koung* «дань». *Koung* – это, в общем, всё, что подданный предоставляет своему природному господину.

Я хорошо знаю, что многие полагают, что в интересах политических или коммерческих можно было бы закрыть глаза на вызывающее тщеславие китайцев, лишь бы посольство выполнило поставленную задачу. Можно было бы попытаться примкнуть к этому мнению, если бы не тот постоянный факт, что никогда посольство в Китай не может достичь поставленной цели. Китайцы, напротив, ведут переговоры с послами иностранных держав, рассматривая их как людей, прибывших от лица их владыки, чтобы выразить его почтение и представить дань, подобающую Его величеству.

Твёрдо установленная и неизменная манера вести переговоры с китайским правительством заключается в передаче требующих обсуждения вопросов в письменном виде губернатору той провинции, куда причалили. Тот пересылает их в Пекин в Лифаньюань (Коллегию иностранных дел), которая никогда не манкирует ответом на них. Но нет примера, чтобы китайцы вели переговоры с послом, если он не является во главе армии. Маньчжуры сделали некоторые уступки России, потому что в те времена опасались её, и потому что предвидели, что коммерция на границах Сибири и русские караваны, отправляющиеся в Пекин, принесут блага монголам Халхи, разрушенной долгими войнами с Галданом Олётским. В других условиях и в другие времена пекинский двор, быть может, не стал бы таким обходительным.

Самая бесполезная вещь, следовательно, отправлять посольства в Китай, потому что они не могут добиться цели и только ставят европейские правительства в уничижительное положение. Выполняют или не выполняют послы предписанные законами Небесной империи церемонии, это не имеет никакого значения. Вред, который можно причинить желанием отказаться подчиниться требованию девяти коленопреклонений перед императором на троне, уже причинён самим фактом прибытием миссии» [9, с. 81–85].

В XIX в. традиционная имперская «политика великодержавного самообмана» (выражение ак. В. М. Мясникова) не выдержала столкновения с реальностью и очень дорого обошлась китайскому народу.

В основной части статьи даётся *полный* перевод раздела о России (Олосы) из «Дайцин итунчжи» («Общее описание империи Дайцин») [9, с. 85–114]. *Сокращённый* перевод этого текста на русский язык увидит свет почти через полтора столетия [4, с. 280–287].

Ещё раз тема российско-китайских пограничных взаимоотношений всплывает в ходе многолетней дискуссии Ю. Клапрота с ак. И. Я. Шмидтом об уйгурском языке. Отстаивая несомненно правильную точку зрения на принадлежность уйгурского языка тюркской группе (в противовес И. Я. Шмидту, который считал его «тангутским», что для него было равносильно тибетскому), Клапрот, наряду с указаниями средневековых письменных источников широко пользовался собственными полевыми материалами, в частности, словариком из 84 уйгурских слов, составленном им в 1806 г. в Усть-Каменогорске. Информатором Клапрота был старик по имени Ташлак, уроженец Турфана. И. Я. Шмидт усомнился в подлинности этих сведений: «Г-н Клапрот мог бы дать некоторые разъяснения по поводу пребывания этого обитателя Турфана в Усть-Каменогорске, пребывание коего там было запрещено договором» [11, с. 122]. Ответ «критического таланта» не замедлил явиться: «Г-н Шмидт пытается бросить сомнение на аутентичность моей работы... Это указывает на полное незнание со стороны г-на Шмидта всего, что делается на русско-китайской границе. Он

не знает, следовательно, что ежегодно из Семипалатинска и Усть-Каменогорска выходят многочисленные русские караваны в Кульджу и другие города, расположенные на реке Или в Китайской Джунгарии; что русские купцы ходят в Кашгар и Яркенд, и что они даже простирают свои коммерческие интересы вплоть до Ладака в западном Тибете. Точно та же в Семипалатинск и Усть-Каменогорск приходят караваны из Кульджи и других мест, находящихся под китайским владычеством. Г-н Шмидт не читает, следовательно, русских журналов, которые часто дают весьма пространственные заметки о путешествиях всех этих караванов» [10, с. 305].

Ак. И. Я. Шмидт, со всей очевидностью, не читал «Сибирского вестника», иначе, скорее всего, среди многочисленных путевых заметок ему попался бы и материал «О новых постановлениях для управления Сибири» [7, с. 3], где ясным кириллическим шрифтом написано: «Сношения с Монголией основаны на трактатах, сношения через Киргизскую степь имеют другие основания». О каких «основаниях» идёт речь, можно узнать как раз из путевых заметок: «Российские товары, состоящие более в сукнах и кожах, доставляются в сии города не иначе как от имени киргизских султанов» [3, ч. 8, с. 102–103]. Договорному регулированию приграничная торговля в Кульдже и Чугучаке подверглась только в 1851 г. Но к этой истории Ю. Клапрот уже не имеет никакого касательства.

Список литературы

1. Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1882. 565 с.
2. Веселовский Н. И. Клапрот. Русский биографический словарь. Т. VIII. Ибак – Ключарев. СПб.: Тип. Глав. управления уделов, 1897. 756 с.
3. Дневные записки переводчика Путимцева в проезде его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно в 1811 году // Сибирский вестник. СПб.: 1819. Ч. 7. С. 29–96. Ч. 8. С. 97–122.
4. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во Вост. лит., 1961. 392 с.
5. Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1888. 558 с.
6. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XIX вв.). Хабаровск: Хабаровская краевая тип., 1997. 544 с.
7. О новых постановлениях для управления Сибири // Сибирский вестник. СПб.: 1822. Ч. 19. С. 1–28.

8. Klaproth J. De la frontière russe et chinoise. Notes recueillis pendant un voyage en Sibérie en 1806 // Mémoires relatifs à l'Asie contenant recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris: Imp.-Lib. de la SociétéAsiatique, 1824. P. 1–80.

9. Klaproth J. Description de la Russie, traduit du chinoise // Mémoires relatifs à l'Asie contenant recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris: Imp.-Lib. de la SociétéAsiatique, 1824. P. 81–115.

10. Klaproth J. Observations critique sur la Recherches relatives à l'histoire politique et religieuse de l'intérieur de l'Asie, publiées par M. J.-J. Schmidt, à St.-Pétersbourg // Mémoires relatifs l'Asie contenant recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. T. II. Paris: Imp.-Lib. de la SociétéAsiatique, 1826. P. 301–410.

11. Schmidt I. J. Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgechichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. Sankt-Petersburg: Karl Krat, 1824. 287 p.

Информация об авторе

Плотников Юрий Анатольевич, ведущий специалист, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, kimak1969@mail.ru

Information about the author

Plotnikov Yuri A., leading specialist, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, kimak1969@mail.ru

УДК 902

Роль внутренней организации Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в систематизации археологических исследований региона

Олеся Рустамовна Рахматуллина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
olesyayavus@bk.ru

Археология Восточной Сибири, выросшая из академических экспедиций XVIII в., окончательно оформилась в самостоятельное научное направление лишь во второй половине XIX в., после открытия в Иркутске Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Четкая внутренняя организация ВСОИРГО находит отражение в стабильном финансировании, возможности хранения и публикации материалов непосредственно в Иркутске, наличии удобной площадки для обмена мнениями и опытом по вопросам региональных особенностей местной археологии. ВСОИРГО как научно-исследовательское объединение интеллигенции и образованной части восточносибирского общества стало основой того, что окончательно оформилось лишь в 20-е гг. XX в. Иркутская школа археологии и определила вектор дальнейшего развития археологической науки в регионе. Заложенные благодаря четко организованной деятельности отдела основы научного изучения археологических памятников и культур оказали существенное влияние на развитие археологии в Иркутске в дальнейшем.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, археология, ВСОИРГО, Иркутское генерал-губернаторство, финансирование ВСОИРГО, Известия ВСОИРГО, Записки ВСОИРГО

The Role of the Internal Organization of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the Systematization of Archaeological Research in the Region

Olesya R. Rakhmatullina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
olesyayavus@bk.ru

The archeology of Eastern Siberia, growing out of academic expeditions of the 18th century, finally took shape into an independent scientific movement only in the second half of the 19th century, after the opening of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in Irkutsk. The clear internal organization of VSOIRGO is reflected in stable funding, the possibility of storing and

publishing materials directly in Irkutsk, and the presence of a convenient platform for the exchange of opinions and experience on issues of regional features of local archeology. VSOIRGO as a scientific research association of the intelligentsia and the educated part of East Siberian society became the foundation of what finally took shape only in the 20s. XX century Irkutsk school of archeology and determined the vector for the further development of archaeological science in the region. The foundations for the scientific study of archaeological monuments and cultures, laid thanks to the well-organized activities of the Department, had a significant impact on the development of archeology in Irkutsk in the future.

Keywords: Eastern Siberia, archeology, VSOIRGO, Irkutsk General Government, financing of VSOIRGO, News of VSOIRGO, Notes of VSOIRGO

История археологических исследований в Восточной Сибири берет свое начало с экспедиций XVIII в. В ходе научной экспедиции в Сибирь под руководством Д. Г. Мессершмидта в 1722 г. были впервые проведены археологические раскопки. Затем последовали академические экспедиции – Первая Камчатская (1725–1730) и Великая Северная (1733–1743) экспедиции, возглавляемые Витусом Берингом. Результатом работы сотрудника Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера стала инструкция по сбору сведений об археологических памятниках Сибири и первая классификация памятников. В составе этой экспедиции работал Петр Симон Паллас, описавший погребальные комплексы. Некоторые данные о памятниках археологии оставил И. Г. Георги [10]. Благодаря научным исследованиям XVIII в. были обнаружены материалы, повествующие о жизни древнего человека. При этом данный период в истории археологического обследования региона характеризуется бессистемным характером экспедиций и отрывочностью сведений.

Особенностью развития археологической науки в XIX в. является ситуация, при которой научными изысканиями синхронно занимаются Императорская археологическая комиссия (осуществляя контроль через выдачу открытых листов на проведение археологических работ по всей территории Российской империи) и общественные организации (научные общества и музеи, крупные и локальные). Одним из первых научных обществ было образовано Императорское Русское Географическое общество.

В 1845 г. при Министерстве Иностранных дел было открыто одно из старейших в мире, после Парижского, Берлинского и Лондонского, Географическое общество, поставившее своей целью всестороннее

изучение обширных территорий Российской империи. Уже в 1851 г. по инициативе генерал-губернатора Н. Н. Муравьева среди первых региональных отделов ИРГО открылся Сибирский – в Иркутске. После открытия в 1877 г. Западно-Сибирского Отдела ИРГО в Омске, Сибирский Отдел стал именоваться Восточно-Сибирским (ВСОИРГО). Сосредоточив под своим контролем исследовательскую деятельность в регионе, Отдел занимался вопросами организации экспедиций, публикации результатов исследований и финансированием. При этом археологические работы производились на основании открытых листов, выдаваемых Археологической комиссией, куда передавались также отчеты о результатах исследований.

В рамках организуемых ВСОИРГО экспедиций и частных поездок исследователей – членов Отдела, в Восточной Сибири проводились и археологические изыскания. Их результаты докладывались правлению Общества и публиковались в его печатных изданиях. Таким образом было положено начало введению в научный оборот ранее накопленных и вновь поступающих сведений о древностях региона. И экспедиции, и их результаты теперь были организованы в единую систему и становились частью непрерывного процесса научного освоения Восточной Сибири.

Организационная структура. В Географическом обществе были действительные члены (лица, участвующие в работе Общества и вносящие членские взносы, обладали правом голоса и правом избираться в Совет – орган, руководящий деятельностью Общества или Отдела), члены-сотрудники (лица, доставляющие «полезные сведения» и содействующие научному исследованию, не обязанные Обществу взносами, но имеющие возможность по желанию оказывать Отделу материаль-

ную поддержку, которая принималась положительно [9, с. 21]), почетные члены (избираемые Обществом за особые заслуги перед наукой) и члены-соревнователи (лица, оказывающие финансовую поддержку Обществу) [2]. Желающие почетные члены и члены-соревнователи могли одновременно являться также и действительными.

Самостоятельность в финансовых и организационных вопросах СОИРГО получил достаточно быстро. Если Сибирская экспедиция, задуманная Главным Обществом еще в 1850 г, была снаряжена из Петербурга в 1854 г., то последующие крупные экспедиции под руководством Р. К. Маака: Вилюйская (1854), Амурская (1855) и Уссурийская (1859) задумывались и осуществлялись уже только силами Сибирского Отдела [5, с. 74].

Вопрос о публикации статей сначала решался путем отправки рукописей в Петербург, однако главное Общество вскоре сложило с себя эту обязанность за многочисленностью поступлений из разных уголков и предложило Сибирскому Отделу создать собственный печатный орган. За образец были приняты «Записки Географического Общества», где редактором был В. А. Милютин. По этому образцу в Иркутске был разработан собственный журнал под редакцией И. С. Сельского. Так появились «Записки Сибирского Отдела ИРГО», первые пять томов которых были отпечатаны в Петербурге, а с шестого – печатались на месте, в Иркутске. Организованная подписка на «Записки» принесла Отделу значительную материальную поддержку, а интеллигентному обществу Иркутска – возможность следить за новейшими научными исследованиями в регионе. «Записки» печатались с 1856 по 1886 г. и назывались «книжками». Всего до 1886 г. вышло 12 книг, после чего Записки разделились на серии: «Записки по общей географии», «Записки по статистике», «Записки по этнографии» и просуществовали в таком виде до 1896 г., когда были переименованы в «Труды». Тогда же прекратилось деление по сериям. «Труды ВСОИРГО» выходили до 1914 г. За это время было напечатано 8 томов.

По мере улучшения финансовых возможностей Отдела, в 1870 г. начинается

история «Известий СОИРГО», содержание которых составили статьи и летопись отдела. «Известия» выходили с 1870 по 1917 г., составив в сумме 148 выпусков [1]. В год выходил один том «Известий», в зависимости от количества материалов подразделяемый на номера, которых могло быть до 6. Разница между «Записками» и «Известиями» состояла в том, что «Записки» печатались не регулярно, а «по мере накопления материалов» [4, с. 3]. «Известия» предназначались для оперативной печати сравнительно небольших исследований, заметок, отчетов и протоколов, тогда как «Записки» содержали более крупные формы. Отдельно ВСОИРГО печатал труды комплексных экспедиций и работы отдельных исследователей.

До открытия в Иркутске СОИРГО вся исследовательская деятельность в регионе инициировалась и осуществлялась Академией Наук, располагавшейся в Санкт-Петербурге и не имевшей отделений на местах. Теперь «любое ученое предприятие» не обходилось без участия Сибирского Отдела ИРГО. Деятельность Отдела велась по трем основным направлениям: организация крупных экспедиций, организация локальных экспедиций отдельных членов Общества и «кабинетная» работа по научным направлениям [12].

Крепкая связь между СОИРГО и Сибирской администрацией была налажена с самого открытия Отдела. Необходимость эта была продиктована, отчасти, недостатком центрального финансирования, отчасти – принадлежностью многих членов общества к государственной службе, что ограничивало их деятельность и требовало согласования времени и направления их поездок. Во многом именно благодаря этому обстоятельству Сибирский Отдел ИРГО стал организацией не сугубо научной, но общественной. Согласно Положению от 6 июня 1851 г., СОИРГО был передан под руководство генерал-губернатора Восточной Сибири. Руководство это проявлялось в том, что избираемые из числа членов Отдела лица на должности председателя и правителя дел утверждались генерал-губернатором. Годовой план утверждался тем же способом. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев активно участвовал в работе Отдела,

регулярно посещал заседания и помогал в организации экспедиций.

Высшие должностные лица Восточной Сибири стремились, поддерживая работу географического общества, соединить научные устремления с административными потребностями. В качестве помощи Отделу генерал-губернаторы приобретали коллекции для музея, выделяли средство на приведение в порядок фондов, покрывали расходы на участие в выставках, вступали в члены Общества и вносили взносы, выделяли единовременные субсидии. Например, в 1889 г. дополнительная субсидия Отделу «от города» составила 300 рублей [8]. Существенную помощь от администрации ВСОИРГО получил после Большого Иркутского пожара, когда Д. Н. Анучин, генерал-губернатор, выделил средства на восстановление здания Отдела и ходатайствовал о выделении под эти цели участка [7]. В Действительные Члены общества приглашались также губернаторы Сибирских областей: Забайкальской, Якутской, Камчатской. Делалось это в надежде на «содействие и поощрение» со стороны администрации действиям Отдела [9].

Отношения с региональной общественностью подкреплялись возможностью для частных лиц (не членов Общества) присутствовать на заседаниях Отдела и пользоваться библиотекой и музеем. Местное иркутское купечество поддерживало деятельность отдела финансированием, регулярно жертвуя в пользу развития сибирской науки. Меценаты С. Ф. Соловьев, С. К. Трапезников, И. В. Базанов, П. П. Баснин и др. регулярно поддерживали Отдел и таким образом, становились членами-соревнователями [6]. На средства активной общественности после Большого Иркутского пожара 1879 г. было отстроено новое здание ВСОИРГО, печатались рисунки к статьям и отчетам исследователей, проводились экспедиции. Наиболее известна т. н. «Сибиряковская экспедиция» в Якутию, получившая свое неофициальное название по имени инициатора и жертвователя – Иннокентия Михайловича Сибирякова, предложенного в члены ВСОИРГО в октябре 1889 г. с формулировкой «может оказать содействие ученым предприятиям Отдела» [3].

Бюджет Отдела складывался из взносов его членов, пожертвований и государственных дотаций. Ежегодная сумма, выделяемая в пользу ВСОИРГО, составляла 2000 рублей и равнялась в разные годы примерно 40–60 % от общей суммы. Помимо этого, Отдел пополнял казну за счет реализации печатных изданий. Государственная помощь ВСОИРГО не ограничивалась только ежегодными фиксированными дотациями, она проявлялась также в праве Отдела пользоваться бесплатной пересылкой почтовых отправок. На некоторые экспедиции средства выделялись дополнительно. Когда начался процесс выделения новых Отделов ИРГО и подразделов ВСОИРГО, финансирование стало дробиться, но ходатайство Иркутского генерал-губернатора перед министром финансов решило проблему и на Сибирские Отделы было выделено дополнительное финансирование [7].

Открытие Сибирского Отдела ИРГО было продиктовано, отчасти, целями Главного Общества в Петербурге: повсеместное исследование территорий Российской Империи в географическом и статистическом отношении. С другой стороны, в Сибири назрела необходимость создания научного общественного объединения, соединяющего в себе лучшие региональные умы и разнонаправленные их исследовательские интересы. Совпадение целей «центра» всесторонне изучить территории восточной экспансии Российского государства (так же как для изучения региона южной экспансии был открыт Кавказский Отдел ИРГО в Тифлисе) с интересами «на местах» выразилось в создании СОИРГО, ставшем на многие годы главным средоточием научной мысли региона.

ВСОИРГО, будучи обществом со строгой внутренней организацией, оказал существенное влияние на развитие археологии в Восточной Сибири. Теперь экспедиции предлагались, утверждались, снаряжались и финансировались региональными силами: административными и общественными. Благодаря расположению Отдела в Иркутске коммуникация между исследователями и руководством ВСОИРГО значительно упрощалась и ускорялась. Проще было теперь и запросить поддерж-

ку или помощь, находясь в научной поездке. Содействие Отделу оказывали администрации не только Иркутской губернии, но и Якутии, Забайкалья и Камчатки. Полученные в ходе исследований материалы поступали в музей ВСОИРГО и подвергались учету. Именно благодаря ВСОИРГО археологические коллекции перестали отправлять в центральные учреждения и стали оставлять на хранение в Иркутске, упрощая исследователям доступ к интересующим материалам. Результаты исследований в форме заметок, статей и крупных печатных форм также консолидировались в Иркутске, будучи опубликованными в собственных печатных органах Отдела. В стенах Отдела велись горячие дискуссии и обсуждения последних археологических открытий в Восточной Сибири. Активная научная деятельность политических ссыльных, позволяемая и поддерживаемая ВСОИРГО, выразилась в ярких открытиях: Китайский могильник и Военный госпиталь – памятники, ставшие теперь визитной карточкой Иркутской археологии.

Исследования и экспедиции теперь велись под руководством СОИРГО, в ведение Отдела попал музей, из пожертвованных книг складывался фонд научной библиотеки. Численность членов Общества в первые годы после открытия росла, что положительно сказывалось на работе Отдела по систематизации получаемых в больших количествах сведений и материалов. Уже за первые полгода работы Отдела его численность возросла с 37 человек (на момент открытия 17 ноября 1851) до 72 [11]. Статьи членов СОИРГО, печатаемые на первых порах в центральном научном журнале РГО, вскоре составили основу отдельного печатного органа: «Записки», издаваемые сначала в Санкт-Петербурге, затем стали издаваться в Иркутске. Так Отдел получил самостоятельность в деле публикации научных материалов по Восточной Сибири.

С первых лет существования СОИРГО произошло его обособление от Главного Общества в области планирования и организации исследовательских работ, экспе-

диционных изысканий, публикационной деятельности, финансовой поддержки и комплектования фондов. Сибирский Отдел обрел самостоятельность и сформировался как главное научное учреждение Восточной Сибири, поддерживаемое генерал-губернатором и сибирской общественностью, потенциал которого активно использовался местной администрацией.

Географические направления экспедиционной деятельности Восточно-Сибирского Отдела охватывали пределы от Енисея до Приамурья с запада на восток, и от Северного ледовитого океана до пустынь и гор Средней Азии – с севера на юг. Археологические исследования велись ВСОИРГО по следующим географическим зонам Восточной Сибири: Енисейская Сибирь, Байкальская Сибирь (Предбайкалье), Забайкалье, Якутия, Дальний Восток.

Восточно-Сибирский Отдел притягивал к себе ученых, интересующихся древностями. Поддерживал, изыскивая средства на их исследования, предоставляя площадку для обсуждения и публикации результатов труда. Местные незаметные и начинающие силы концентрировались вокруг ВСОИРГО, постепенно выстраивая научную базу, вокруг которой складывались группы археологов. Для местной интеллигенции и политических ссыльных сотрудничество с географическим обществом стало возможностью реализовать свои исследовательские потребности и послужить на пользу науке. Отдел представлял удачную среду для формирования научных взглядов и содействовал начинаниям своих сотрудников. Благодаря ВСОИРГО многие ученые сложились как профессиональные исследователи, в т.ч. И. Д. Черский, Н. Н. Агапитов, Н. И. Витковский, Г. Н. Потанин и др. Отдел приобрел значение научной школы, готовившей исследователей, возвращающей их в среде более опытных старших коллег. Так устанавливалась преемственность, благодаря которой ВСОИРГО развивался и расширял свои интересы, отчего археологические изыскания Восточной Сибири обрели системность.

Список литературы

1. Базылева Е. А. Научно-издательская деятельность сибирских отделов ИРГО (фрагменты истории) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 41–46.
2. Временный устав Русского географического общества. СПб., 1845. 20 с.
3. Журнал общего собрания. 19 октября 1889 г. // Известия ВСОИРГО. 1889. Т. 20, № 5. С. 2–35.
4. Записки Сибирского Отдела ИРГО. СПб., 1856. Кн. 1. 225 с.
5. Зуляр Ю. А. О периодизации истории Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (к итогам 160-летней деятельности ВСОИРГО) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1. С. 73–85.
6. Зуляр Ю. А., Корытный Л. М. Восточно-Сибирскому (Иркутскому) отделению РГО – 170 лет // ВСОИРГО в лицах: библиографический словарь. Итоговый выпуск (1851–2021). Иркутск, 2021. С. 5–18.
7. Игумнов Е. В. Государственная поддержка деятельности Сибирского (Восточно-Сибирского) отдела Императорского Русского географического общества во второй половине XIX века // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 9. С. 322–338.
8. Кассовый отчет Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества с 1 Января 1889 г. по 1 января 1890 г. // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21, № 3. С. 21–27.
9. Летопись Сибирского Отдела Императорского Русского географического Общества // Записки СОИРГО. 1856. Кн. 1. С. 2–33.
10. Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. Т. 1. 179 с.
11. Отчет о действиях Сибирского Отдела за первое полугодие 1852 г. // Записки СОИРГО. 1856. Кн. 1. С. 33–38.
12. Очерк двадцатипятилетней деятельности Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1876. 45 с.

Информация об авторе

Рахматуллина Олеся Рустамовна, старший лаборант Учебно-научно-исследовательской лаборатории археологии, этнологии, проблем палеоэкологии и эволюции человека, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, olesyayavus@bk.ru

Information about the authors

Rakhmatullina Olesya R., senior laboratory assistant of the Educational and Scientific Research Laboratory of Archeology, Ethnology, Problems of Paleoeology and Human Evolution of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, olesyayavus@bk.ru

УДК 93\94:551.44(470+571)

Вклад экспедиции Д. Г. Мессершмидта в изучение пещер России

Элла Алексеевна Силушкина

*Восточно-Сибирский институт МВД России; КС «Байкал-Спелео», г. Иркутск, Россия
esilushkina@mail.ru*

В статье изложены основные тезисы для доклада о вкладе экспедиции Д. Г. Мессершмидта в изучение пещер России. История изучения пещер Урала и Сибири должна на первых же страницах включить имя Д. Г. Мессершмидта и результаты его экспедиции 1720–1727 гг. Внимательный исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт в своих дневниках упоминает несколько пещер, которыми интересовался и которые посещал лично он или его спутники. Ученый обратил внимание на пещеры близ Ирбитской писаницы. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Табберт лично общались с С. У. Ремезовым, составившим первый план Кунгурской пещеры, делали копии с его плана, что сохранило эту карту для потомков, так как оригинал был утерян. Д. Г. Мессершмидт получил ряд артефактов из буддийской пещеры. Экспедиция начала исследование пещер Красноярска. Проведено сопоставление исторических сведений за трехлетний период (1720 – начало 1723 г.) с промежуточными и современными данными по упомянутым пещерам.

Ключевые слова: история науки XVIII в., научная экспедиция, спелеология, пещеры Урала и Сибири, Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. фон Сталенберг, памятники природы и археологии

The Contribution of the D. G. Messerschmidt Expedition to the Study of Caves in Russia

Ella A. Silushkina

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Club "Baikal-Speleo", Irkutsk, Russia
esilushkina@mail.ru

The article contains the main theses for the report on the contribution of the D. G. Messerschmidt expedition to the study of caves in Russia. The history of the study of the caves of the Urals and Siberia should include the name of D. G. Messerschmidt and the results of his expedition of 1720–1727 on the very first pages. An attentive and passionate researcher of Siberia, D. G. Messerschmidt in his diaries mentions several caves that he was interested in, engaged in and visited by him personally or his companions. D. G. Messerschmidt paid attention to the caves near the Irbit pisanitsa. D. G. Messerschmidt and F. I. Tabbert personally communicated with S. U. Remezov, who drew up the first plan of the Kungur cave, made copies of his plan, what preserved this map for posterity, since the original was lost. D. G. Messerschmidt got his hands on a number of artifacts from a Buddhist cave. The expedition began exploring the Krasnoyarsk caves. The correlation of historical information for a three-year period (1720 – early 1723) with intermediate and modern data on the mentioned caves was carried out.

Keywords: the history of science of the XVIII century, scientific expedition, speleology, caves of the Urals and Siberia, D. G. Messerschmidt, F. I. von Stralenberg, monuments of nature and archeology

Введение. О вкладе экспедиции Д. Г. Мессершмидта в российскую спелеологию пока говорилось немного, в основном только о плане Кунгурской пещеры, особо отметим материалы А. В. Ступишина [9, с. 50–51], статьи К. А. Горбуновой [1, с. 12] и Н. Д. Оводова [7, с. 146–149].

У нас есть все основания считать, что Д. Г. Мессершмидт стоял у истоков не только археологии и палеонтологии России, но и спелеологии. В историю изучения пещер Урала и Сибири, находящую подтверждение в доступных письменных документах, на самые первые страницы должно попасть имя Д. Г. Мессершмидта и результаты работы его экспедиции 1720–1727 гг.

Внимательный и увлеченный исследователь в своих дневниках, рапортах, письмах и собранных коллекциях упоминает несколько пещер, которыми он интересовался, занимался, посещенных им лично или его спутниками (рис. 1). Часть пути прошла по карстовым районам, где сама природа создала все условия для появления пещер. Красноярские пещеры начинают историю своего изучения именно с момента экспедиции Д. Г. Мессершмидта.

На территории Хакасии, Иркутской области и Забайкалья отважный ученый так же двигался по районам, интересным в плане спелеологии. В верховьях Лены находятся десятки известных и еще не обследованных пещер, в том числе Ботовская – самая длинная пещера России.

Лена (Студеный камень), берег Байкала (Кадилинские пещеры), Забайкалье (Хээтэй) – первые публикации о пещерах этих мест появились позже экспедиции Мессершмидта, звучали имена тех ученых, кто шел по его следам, изучив его дневники. Вероятно, Мессершмидт отмечал информацию о пещерах этого региона, но часть дневников и материалов экспедиции утрачен навсегда. Кроме пожара в Кунсткамере и гибели груза на корабле, которым он следовал домой, надо вспомнить и о предположительной утере части записей академиком Фуссом – «...потоплены в Лене» [6, с. 162]. На Лене могли погибнуть записи, которые касаются именно Прибайкалья и Забайкалья.

«Фетковские скалистые пещеры». Привлекло внимание выражение «знаки из фетковских скалистых пещер», использованное Мессершмидтом в первом тобольском рапорте, с которым он направляет описание и изображения наскальных рисунков Ирбитской писаницы.

На основании чего Мессершмидт упоминает о пещерах на Ирбите? В. Н. Чернецов считал, что описание Ирбитской писаницы было первым сообщением об уральских наскальных рисунках, опубликованном в печати, и сообщение это связано с именем Николая Витсена и с его трудом «Северная и Восточная Тартария» [11, с. 9]. К приезду Д. Г. Мессершмидта в Россию вышло уже два издания книги Витсена, скорее

300 лет научных исследований в Забайкалье

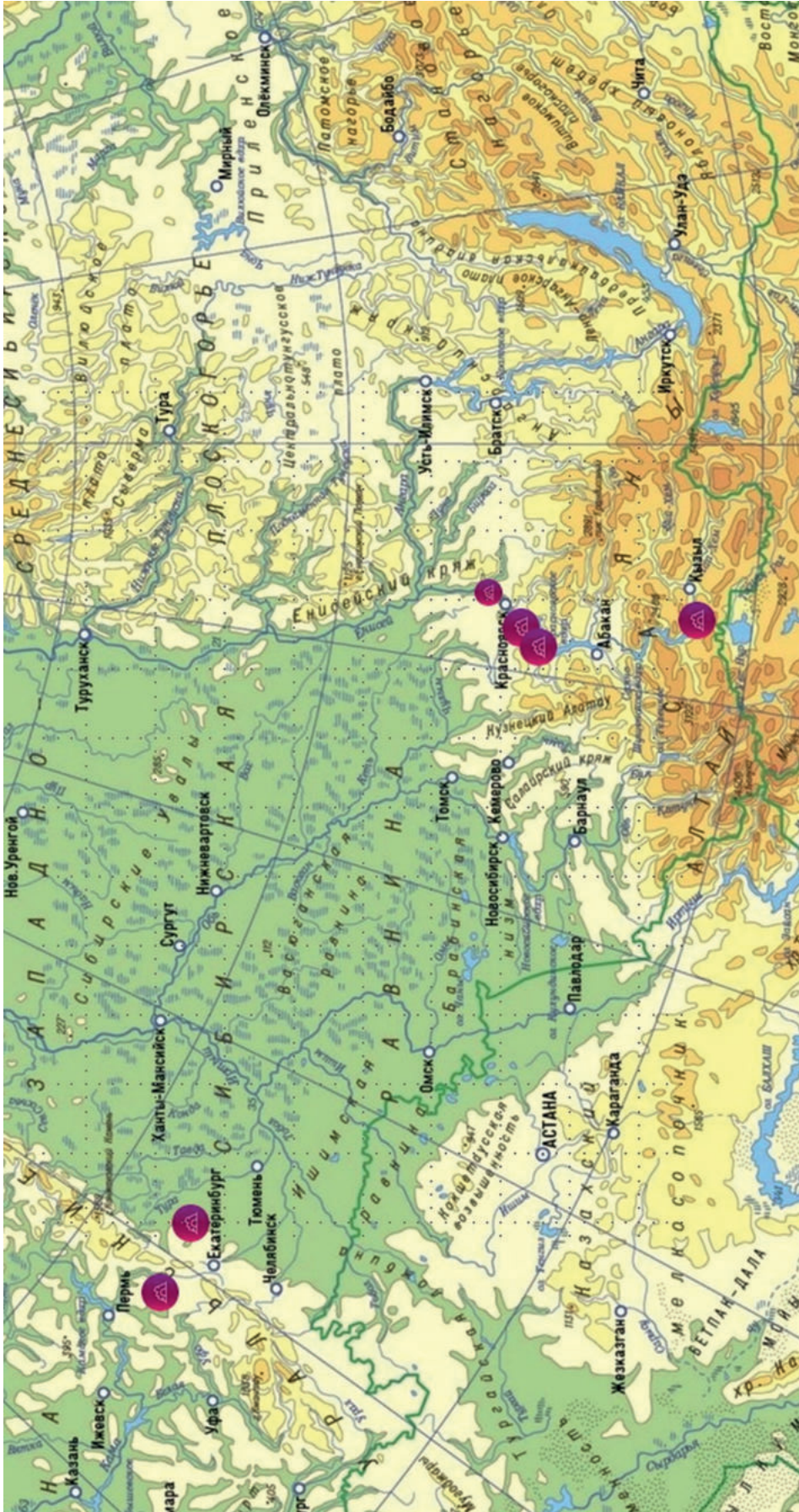

Рис. 1. Часть карты России (территория Урала и Сибири, где прошла экспедиция Д. Г. Мессершмидта) с вынесением упоминаемых в статье пещер

всего, он был знаком с этим трудом, кроме того, он ознакомился и со Служебной чертежной книгой Ремезовых, в которой на восточном листе чертежа Земли Города Кунгура, между р. Реж и восточной рамкой плана изображена гора с подписью «к[амень] писанец и пещеры». На его интерес к Ирбитской писанице мог повлиять и Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг, ставший в дальнейшем участником экспедиции.

В. Н. Чернецов сделал вывод, что пещер ранее на Ирбитской скале было несколько, как минимум две. Ремезовы и Миллер, лично побывавшие у скалы, видели пещеры. Читаем у Чернецова: «К моменту осмотра скалы Миллером в 1741 г. вышли не только книга Страленберга, но и “Письма” Кюпера» [11]. Критические замечания Миллера на эти публикации в отношении Ирбитской скалы представляют определенный интерес. Миллер писал: «мне показалось стоящим делом съездить к писаной скале для того, чтобы выяснить истинное состояние ее и чтобы дать рисунок ее, исполненный более исправно и искусно, чем прежние. <...> Я хочу добавить кое-что в связи с описанием Ирбитской скалы. Упомянутых Страленбергом могильных холмов я не нашел ни одного и не могу понять, что послужило поводом к сложению басни о них. В том же, что мы читаем у него о пещере, сделанной людьми или природой, где курганы якобы укрываются под кровлей, имеется какая-то путаница в рассказе: пещеры, расположенные с северной стороны скалы, приблизительно на половине высоты скалы, довольно несообразно соединяются с фиктивными курганами. Кто и когда наблюдал могильные курганы в пещере? И кто отведет для них место там, когда размеры входа в пещеру не превышают полфатомы? В горах, состоящих из известкового камня и алебаstra, находятся многочисленные пещеры. Такую же природа устроила здесь; она внутри больших размеров, чем это представляется извне. Чтобы основательнее ее исследовать, я велел войти в нее мальчику из соседней деревни, который вполз туда не без затруднения; внутри же он стал прямо и, щупая пальцами, не заметил ничего, что казалось бы достойным примечания» [14].

Как увидим далее, вопрос о количестве пещер, существовавших на Писаном Камне, так и остается неясным. После Г. Миллера Писаный Камень надолго выпал из круга интересов исследователей. Лишь более чем через сто лет его посетил член Уральского общества любителей естествознания Н. П. Булычев, который затем опубликовал свои наблюдения и зарисовку основной группы изображений в записках общества. Сведения Булычева так же интересны: «У подошвы утеса, с левой стороны его, виднеется отверстие, в которое с трудом может войти человек среднего роста. Отверстие не горизонтально, а направлено вниз. Длина пещеры до 5 сажен. ...в 1853 г. некоторые из местных обывателей, основываясь на предании, что под камнем скрыт клад, и заметив в скале отверстие, заваленное землею, приступили к выноске ее; работали до тех нор, пока не дорылись до слоя глины, перемешанной с углем, и в нем же нашли два медных наконечника, по-видимому, копья и стрелы. После этой находки дальнейшая разработка пещеры прекращена, хотя, как говорят, до конца пещеры еще не дойдено» [11, с. 16–17].

Позднее пещера с западной стороны скалы была взорвана, так была утрачена одна из групп изображений. Скала пережила взрывы дважды – в 1929 году и в 1960-х. И к настоящему времени доступных входов в пещеры не было. Было любопытно, заинтересуется ли кто-то из современных уральских спелеологов всей этой историей и решится ли копать и искать реликты пещер? В сентябре 2016 г. спелеологами из Екатеринбурга была открыта Пещера Писаного камня [10, с. 85]. Судя по сообщению об открытии, спелеологи ориентировались прежде всего на рассказы местных и топоним пещеры на карте (рис. 2).

Первый план Кунгурской пещеры. Экспедиция Мессершмидта сохранила для потомков первую карту Кунгурской ледяной пещеры, пусть и в копиях. Именно с «Чертежа Кунгурских пещер», составленного картографом С. У. Ремезовым в 1703 г., можно начинать отсчет истории спелеологических исследований нашей страны. Д. Г. Мессершмидт лично общался с С. У. Ремезовым, составившим первый план Кунгурской пещеры, и сделал копию с

300 лет научных исследований в Забайкалье

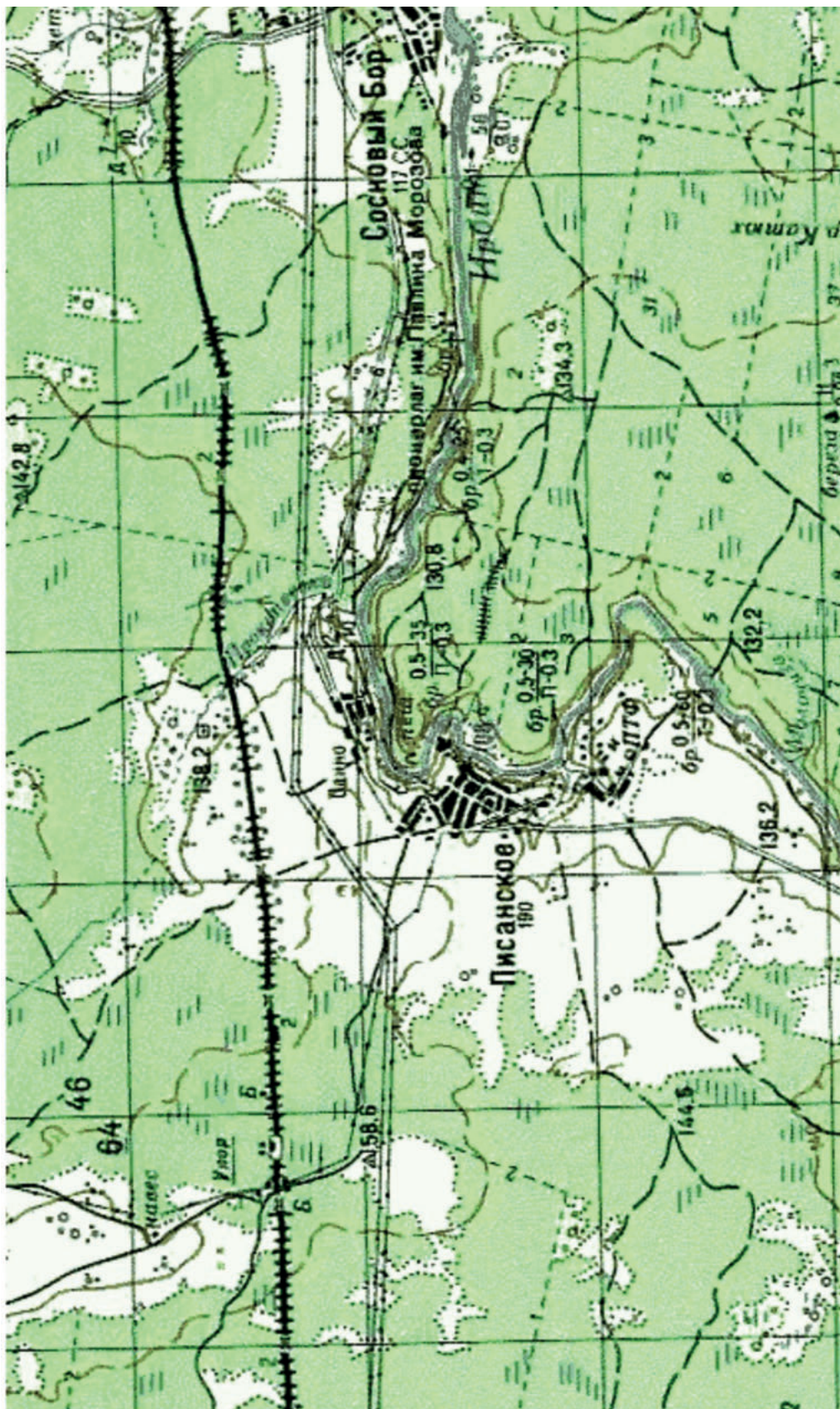

Рис. 2. Карта района Ирбитского Писаного камня с топонимом пещеры

его плана. Еще до участия в экспедиции Мессершмидта делал себе копию и Страленберг.

Мессершмидт направил копию карты Кунгурской пещеры с одним из самых первых своих рапортов из Тобольска, а Страленберг первым опубликовал свою копию на Западе. Мессершмидт стремился попасть на Урал осмотреть Ирбитский писанный камень и Кунгурскую пещеру. Среди прочего, как и В. Н. Татищева, его очень

интересовала пещера в палеонтологическом отношении, он хотел найти «своего» мамонта [12].

В настоящее время Кунгурская ледяная пещера широко известна, при длине ходов более 8 км часть оборудована для экскурсий (рис. 3), часть является заповедной. На базе пещеры работает научный стационар, исследования ведутся более 75 лет [5, с. 68]. Пробита входная галерея, имеется освещение в экскурсионной части (рис. 4).

Рис. 3. Современное оформление входа в Кунгурскую Ледяную пещеру (фото автора, май 2024 г.)

Рис. 4. На экскурсии «Тропой Хлебникова» по Кунгурской Ледяной пещере (фото автора, май 2024 г.)

Артефакты из буддийской пещеры в руках Мессершмидта. 14 января 1722 г., когда Мессершмидт со спутниками находились в Абаканском остроге, ему сообщили о пещере на реке Джакуль (Чаа-Холь), где есть письмена, изображения фигур и идолов [8, с. 82].

12 февраля обсуждается желательное путешествие: «Осмотр всего этого господин доктор вынужден был отложить и в первую очередь позаботиться о средствах для жизни, отправившись в Красноярск. Он предполагал, что как только получит свои деньги в Красноярске или Енисейске... отправится через горы к сойотам» [Там же, с. 89]. Его заинтересовали пещеры, развалины старого города на Кемчике, ирбис (снежный барс), аргали (горный баран-архар).

Запись в дневнике от 18 февраля 1722 г. в д. Медведева на Енисее о втором сообщении про Джакульскую пещеру: «В ней можно увидеть всякого рода курьёзные вещи, например, изображения идолов в женском и мужском образе, а также много надписей» [Там же, с. 96].

За несколько лет до этого, в 1717 г. из Красноярска в Туву приплыла на лодках по Енисею русская военно-топографическая

экспедиция во главе с Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. Помимо составленной карты и письменного донесения они привезли в Красноярск несколько листов синей и чёрной бумаги, расписанной золотыми и серебряными буквами (написанных по-тибетски молитв), взятой из буддийской пещеры. Так была ими открыта и описана вырубленная в восточной скале горы Сюме буддийская ниша Чурумал-бурханниг [3, с. 5].

В Красноярске Мессершмидт квартировал у Нашивошникова, получил от него «калмыцкие грамоты» и глиняные изделия из этой пещеры, чем-то он поделился и со Страленбергом.

В 1735 году Г. Ф. Миллер собрал документы о походах красноярских казаков в Туву, беседовал с их участниками, изучил дневники Д. Г. Мессершмидта и описал нишу [14, с. 454–455], отметив, что дату этой пещеры он определить не может (рис. 5).

Пещера на Чаа-Холе – это небольшая рукотворная ниша в скале, в которой сохранился барельеф Будды. Памятник археологии находится в зоне затопления водохранилищем, бывает доступен весной, выше на горе устроена копия ниши.

Рис. 5. Рисунок Джакульской пещеры из статьи Г. Ф. Миллера

Бирюсинские пещеры. Читаем запись в дневнике экспедиции за 23 февраля 1722 г.: «...мы прибыли в половине второго ночи в деревню Бирюса на левом берегу Енисея <...> Рано утром мы стали готовиться ехать на трёх санях в так называемую пещеру, или грот, которая расположена в трёх верстах в обратном направлении, на берегу речки Бирюса, которая впадает в Енисей с запада.

В восемь часов мы поехали туда и увидели следующее. Это был крутой скалистый берег реки Енисей, от уровня воды высотой около 60 клафтеров. Почти на самой вершине было отверстие в форме свода, которое выходило с юго-востока на юг <...>

Как только наши люди снова спустились к нам, мы проехали ещё одну версту дальше вверх по Енисею, где, как мы слышали, должны быть ещё две подобные пещеры, в которые лучше можно было подойти со стороны воды, потому что со стороны суши это было вообще невозможно из-за большого и глубокого снега. Господин доктор поехал вместе с капитаном Таббертом вперёд и приказал оставшимся людям следовать за ним. Эти пещеры были расположены близко друг от друга. У одной вход со стороны воды был на высоте 10 клафтеров. Господин доктор поднялся туда вместе с капитаном Таббертом, что потребовало от них немало усилий <...>

Около этой пещеры была ещё одна, но на высоте 40 клафтеров на вершине скалы, куда вскарабкались Карл Шульман, слуга Петер и денщик Даниил. Пещера, как они сообщили, была очень большой» [8, с. 96–97].

Страленберг в своей книге написал не так. После описания Кунгурской пещеры он отмечает: «В 1722м я наблюдал подобное (этой) пещере на Енисее между двумя городами Абаканом и Красноярском» [15] (перевод авт.). И далее он описывает две пещеры, признавая, что побывал только в одной, своими спутниками при этом называет русского драгуна и своего слугу. Про вторую пещеру, которая находилась выше, он пишет, что ту нашли «шведский мальчик» (это его слуга) и «татарин, управлявший санями».

Пещеры, которые примерно совпадают с описанием Страленберга, были обследованы в 1964 г. Н. Д. Оводовым. Он дал им названия пещер Страленберга, Большая и Малая [7]. По свидетельству Н. Д. Оводова, позднее пещеры Страленберга были затоплены водами Красноярского водохранилища. Предполагается, что первая пещера – Бирюсинская, так же затопленная [8, с. 243].

Н. Д. Оводов обращал внимание спелеологов на важность и необходимость работы с историческими источниками. В данном случае он руководствовался книгой Страленберга, которую ему посчастливилось держать в руках, а автор просто забыл про третью пещеру.

Что касается «первого красноярского спелеолога» современности, то это не С. П. Крашенинников (согласимся с Оводовым) и не Страленберг (поспорим с Оводовым): в первой пещере побывали Данила Приезжев, Карл Шульман и Петер Кратц; во второй пещере – Д. Г. Мессершмидт, Страленберг, Д. Приезжев или Михаил Бахметьев (русский драгун – это кто-то из них), вероятно, что и Шульман с Кратцем; в третьей – ловкая троица молодых первопроходцев – Приезжев, Шульман, Кратц.

К концу XIX в. здесь было найдено 58 пещер, о чем сообщал энтузиаст поиска и исследования красноярских пещер А. С. Еленев [2]. На рисунке 6 приведена схема устья Бирюсы А. С. Еленева [4, с. 3]. Таким образом, экспедиция Мессершмидта попала на участок, для которого характерны рекордные для Сибири значения плотности (1,3 пещеры на км²) и густоты (272 м длины на 1 км²) пещер (рис. 7). В кадастр пещер Красноярского края по Бирюсинский участку внесено более ста пещер.

Пещера напротив Овсянки. 6 октября 1722 г. Мессершмидт лично посетил пещеру на левом берегу Енисея, напротив д. Овсянка, дав начало изучения Карауленского карстового участка: «В пять часов пополудни я отплыл из Овсянки на противоположную сторону Енисея к красивой пещере. Я внимательно изучил этот грот в скале...» [8, с. 233].

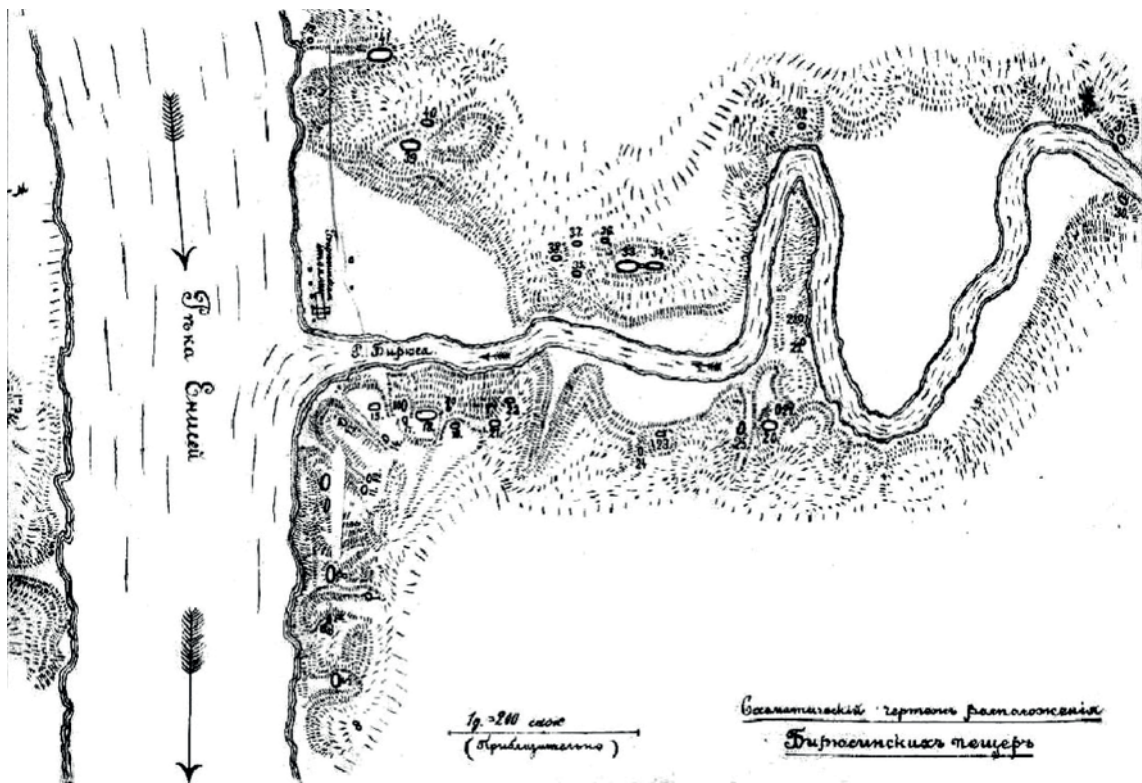

Рис. 6. Устье р. Бирюса. «Схематический чертёж расположения Бирюсинских пещер»
А. С. Еленева, Красноярск, конец XIX в.

300 лет научных исследований в Забайкалье

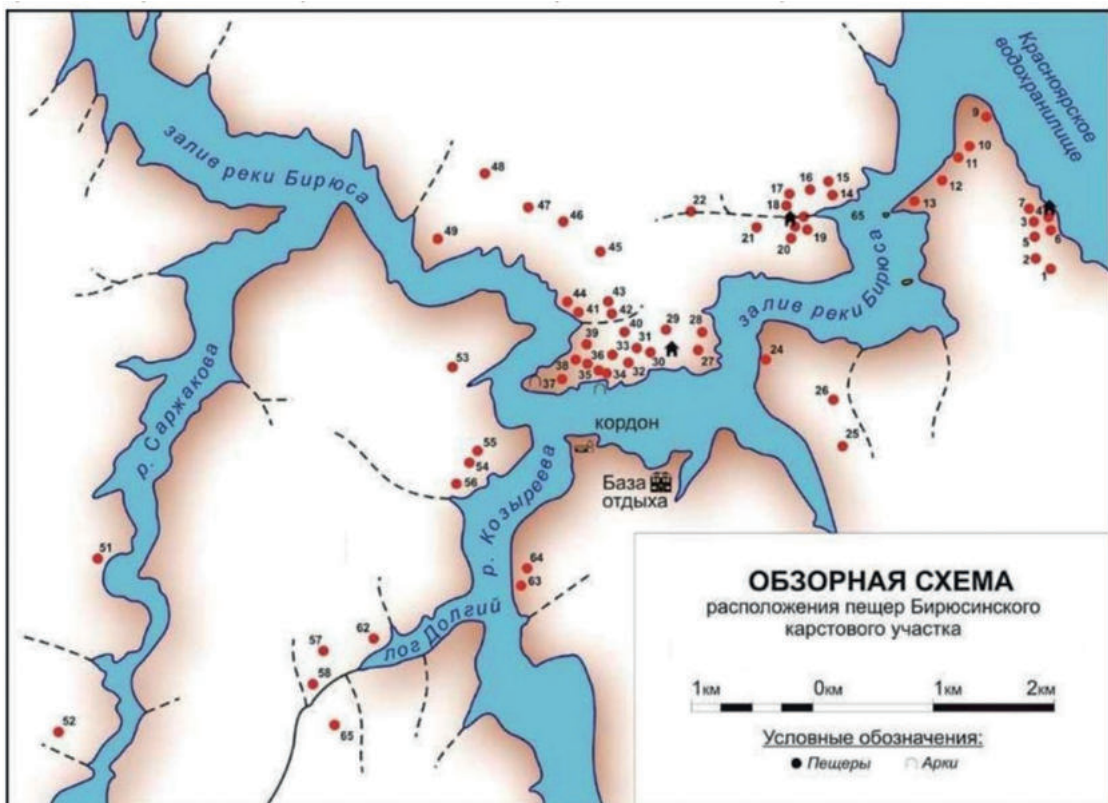

Рис. 7. Схема расположения пещер по берегам Бирюсинского залива по состоянию на 2003 г. Схема составлена в клубе «Сибирь», Новосибирск

В конце XIX в. А. С. Еленев сообщал о 18-ти Карауленских пещерах [2, с. 14–15]. В настоящее время на Карауленском участке известно более трех десятков пещер и гротов, только по берегу Енисея их не менее десятка (рис. 8). Считается, что посещенная Мессершмидтом пещера известна сейчас как п. Еленева [8, с. 262].

Рис. 8. Вид на Енисей и д. Овсянка из пещеры Динамитной, Карауленский карстовый участок (фото автора, май 2010 г.)

Пещера с минеральными красками. Запись в дневнике от 13 января 1723 г.: «Он сказал мне, что в деревне Куваршино, которая находится на левом берегу Енисея в 3 верстах от Частоостровской, есть красивая пещера, где они находили боль-

шие куски с палец толщиной и употребляли их для окрашивания» [Там же, с. 269].

В настоящее время пещер возле Куваршино не известно. В данном переводе употребляется слово «пещера», на немецком языке [13, с. 7] слово «пещера» по отношению к Куваршино не используется, есть слово “Bruch” – пролом, перелом, обрыв, разрыв, разрушение. Тем не менее в районе поселков Частоостровского и Куваршино у старожилов существует легенда, что есть пещера, в которой прятался беглый заключенный. Так что надо разбираться.

Роль Страленберга. Главным ассистентом Д. Г. Мессершмидта в экспедиции, пусть и на короткое время, был самобытный исследователь Сибири Страленберг. Материалы экспедиции были частично использованы Страленбергом при написании книги «Северная и Восточная часть Европы и Азии» [16]. Благодаря изданиям его книги экспедиция получила международную известность, так были опубликована впервые карта и описание Кунгурской пещеры, сведения о Джакульской и Бирюсинских пещерах.

Кроме информации, непосредственно касающейся пещер и гротов (рис. 9), археологии и палеонтологии, для спелеологов могут иметь значение и другие результаты экспедиции – лексические («пещерная» лексика народов Сибири), топонимические, картографические, геологические, метеорологические. Пусть история не сохранила для нас портрета Д. Г. Мессершмидта, но неутомимый ученый-путешественник оставил свои результаты. Для начинающих спелеологов полезен его пример увлеченности, внимательности, эрудиции, трудолюбия, бесребничества, стойкости в сложных природных условиях и тяжелых жизненных ситуациях.

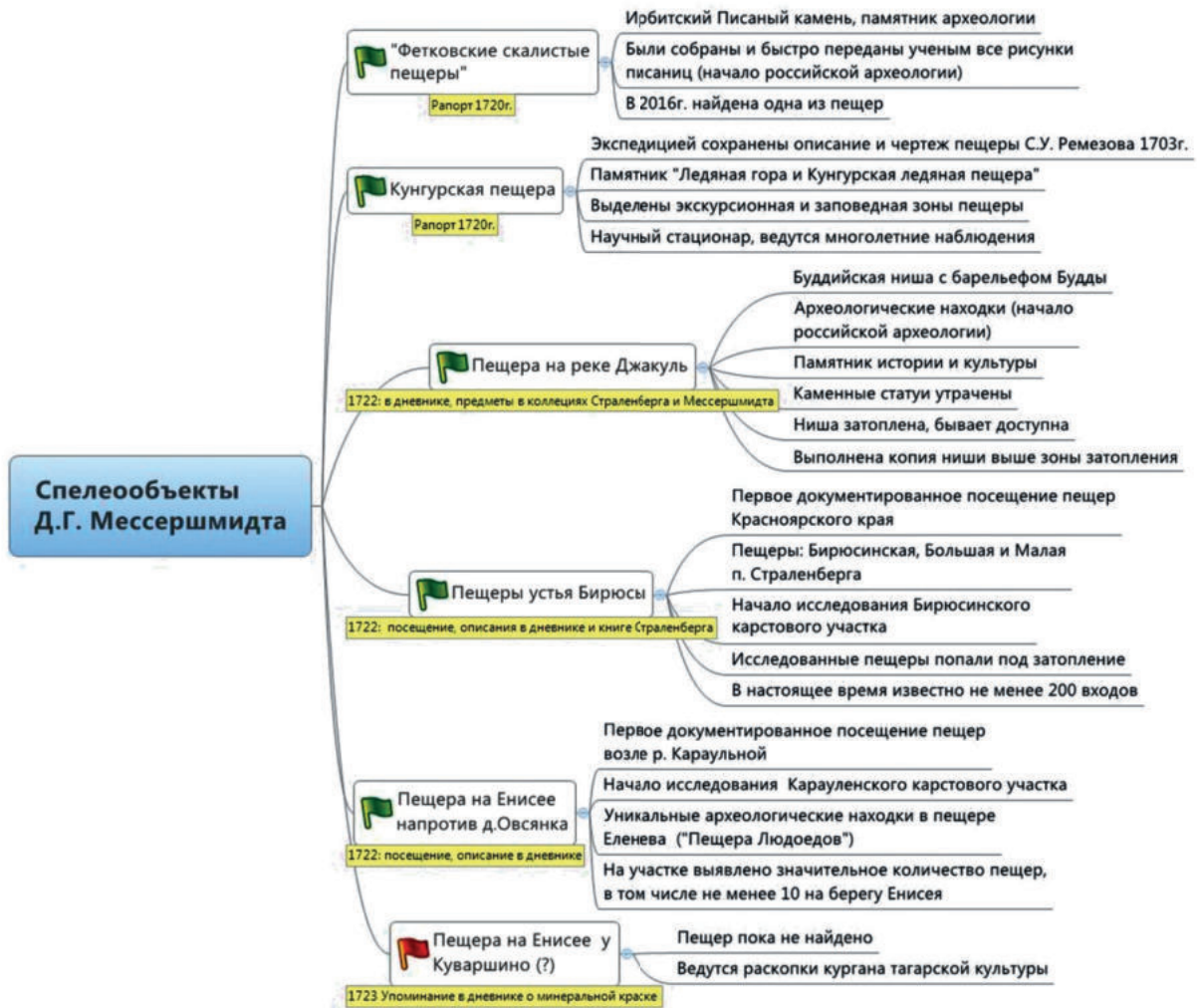

Рис. 9. Спелеообъекты Д. Г. Мессершмидта

Список литературы

1. Горбунова К. А. История изучения карстовых пещер Пермской области // Пещеры. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1961. Вып. 1. С. 11–34.
2. Еленев А. С. О Бирюсинских и Карауленских пещерах // Приложение к «Памятная кн. Ен. губ. на 1890 г.». Красноярск: Тип. Кудрявцева, 1890. 16 с.
3. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 212 с.
4. Михеев В. Е. По остывшим следам // Карстовый бюллетень. Красноярск, 2007. № 4. 40 с.
5. Наумкин Д. В., Кадебская О. И. К 75-летию Кунгурской лаборатории-стационара Горного института ПФИЦ УрО РАН // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2023. № 1. С. 67–83. DOI: 10.7242/2658-705X/2023.1.8.
6. Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.
7. Оводов Н. Д. Пещеры енисейской Бирюсы почти три века назад (к вопросу о первом спелеологе) // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. С. 146–149.
8. Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 годы / пер., сост., коммент.: Г. Ф. Быконя, И. Г. Федоров, Я. И. Федоров. Красноярск: РАСТР, 2021. 496 с.

9. Ступишин А. В. Материалы по истории отечественного карстоведения (феодалный период 1689–1861 гг.) // Ученые записки Казанского государственного университета. География. 1955. Т. 115, кн. 2.
10. Хмельков К. А. Пещеры Ирбитского спелеоучастка // Спелеология и спелестология: материалы VII Междунар. науч. конф. Набережные Челны: НГПУ, 2016. С. 85–86.
11. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с. (САИ. Вып. В4–12, ч. 2).
12. Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler / unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen, 2023. DOI: 10.17875/gup2023-2306.
13. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. T. 2: Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 – Mai 1724 / In Verbindung mit Zahlreichen Fachgelehrten Herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 272 s.
14. Müller G. F. De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio // Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. Petropoli [St.-Peterburg], 1747. Vol. 10. Ad annum 1738. P. 420–468.
15. Strahlenberg Ph. I. An historical-geographical description of the North and Eastern parts of Europa and Asia, but more particularly of Russia, Siberie and Great Tatory. Trausi, into English. London, 1738.
16. Strahlenberg Ph. I. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. In Verlegung des Autoris, 1730.

Информация об авторе

Силушкина Элла Алексеевна, старший преподаватель кафедры информационных технологий, Восточно-Сибирский институт МВД России; руководитель, клуб «Байкал-Спелео», г. Иркутск, Россия, esilushkina@mail.ru

Information about the author

Silushkina Ella A., Senior Lecturer, Department of Information Technologies East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head, Club “Baikal-Speleo”, Irkutsk, Russia, esilushkina@mail.ru

РАЗДЕЛ 2

УДК 902

Палеолитические памятники Южно-Минусинской котловины: 130 лет изучения

Сергей Александрович Васильев

*Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Россия
sergevasiimk@gmail.com*

В статье рассматривается палеолит Южно-Минусинской котловины (Южная Сибирь). Кратко описаны основные скопления памятников древнекаменного века, расположенные вдоль долины р. Енисей, в низменностях Минусинской котловины, в верховьях р. Абакан и в долине р. Туба. Несмотря на многолетние доисторические исследования, рассматриваемая территория остается неравномерно изученной. Обширные территории, лежащие вдоль северных склонов Западного Саяна и нескольких речных бассейнов правобережья Енисея, представляют собой белые пятна на археологической карте. То же самое можно сказать и о хронологическом положении памятников. Большинство памятников относится к поздневерхнепалеолитической афонтовской культуре, датируемой примерно 16 000–10 000 лет до н. э. В то же время в бассейне р. Абакан имеются поздневерхнепалеолитические комплексы, имеющие близкое родство с кокоревской культурой (Улугбиль, Кривой Чистобай 1), и оригинальная индустрия с листоватыми бифасами (Куйбышево 2). Более того, мы почти ничего не знаем о культурных изменениях на рубеже плейстоцена и голоцена.

Ключевые слова: Енисей, Абакан, Южно-Минусинская котловина, сартан, поздний верхний палеолит, афонтовская культура, кокоревская культура, местоположение стоянки

Благодарности: исследование проведено в рамках программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

Paleolithic Sites of the South Minusinsk Basin: 130 Years of Investigation

Sergey A. Vasil'ev

*Institute for the Material Culture History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
sergevasiimk@gmail.com*

The paper deals with the Paleolithic of the Southern Minusinsk Basin, South Siberia. Main concentrations of the Old Stone Age sites located along the Yenisei River valley, at the Minusinsk Depression lowlands, in the upper reaches of the Abakan River, and at the Tuba River valley have been briefly described. In spite of the long-term prehistoric research, the territory under consideration remains unevenly explored. Vast territories lying along the northern slopes at the West Sayan Mountains and several river basins at the right bank of the Yenisei are white spots at the archeological map. The same could be said about the chronological position of the sites. The majority of the sites belong to the Late Upper Paleolithic Afontova culture dated between ca. 16,000 to 10,000 BP. At the same time at the Abakan River basin there are Late Upper Paleolithic assemblages with close affinities with the Kokorevo culture (Ulugbil, Krivoi Chistobai 1), and an original industry with foliated bifaces (Kuibyshevo 2). Moreover, we know next to nothing about the culture changes at the Pleistocene/Holocene boundary.

Keywords: Yenisei, Abakan, Southern Minusinsk Basin, Sartan, Late Upper Paleolithic, Afontova culture, Kokorevo culture, site location

Acknowledgments: *The study was carried out under the program of fundamental scientific research of the state academies of sciences on the topic “The Most Ancient Inhabitants of the North of Eurasia: Human Settlement in the Stone Age, Production Technologies” (FMZF-2022-0012).*

Введение. Южно-Минусинская котловина заключена между хребтами Кузнецкого Алатау на западе, Западного Саяна на юге и Восточного Саяна на востоке. От расположенной севернее Сыдо-Ербинской котловины ее отделяют отроги Батеневского кряжа. Центральная часть котловины, междуречье Енисея и Абакана, представляет собой пространство Койбальской степи с песчаными выдувами и многочисленными озерами. По долине Абакана на левобережье реки простирается предгорная Уйбатская степь. Основные группы позднепалеолитических памятников приурочены к стыкам горно-таежной и степной зон вблизи мест выхода Абакана и Енисея на просторы Минусинской котловины и в верховьях р. Тубы.

Цель доклада – дать общую характеристику известных на территории Южно-Минусинской котловины и ее горного окружения стоянок древнекаменного века в плане географического распределения, хронологической позиции и культурной принадлежности.

Первые сведения о наличии древнекаменного века в регионе относятся к XIX в. (описанные И. Т. Савенковым находки с р. Узунжол и горы Изых), разведки по Енисею проводились в 1920-е гг. Г. К. Мергартом и Г. П. Сосновским. Упомянем сборы Э. Р. Рыгдылона в долине Абакана в 1945–1949 гг. Стоит отметить также раскопки А. Н. Липским в 1958 г. ямки-кладовочки у Соснового Озера в долине Абакана.

Основные достижения в деле изучения древнейшего прошлого региона в 1960–1990 гг. были связаны с деятельностью новостроечных экспедиций на водохранилищах енисейского каскада ГЭС. З. А. Абрамова провела рекогносцировки в междуречье Енисей – Абакан и по берегам Енисея. Ю. С. Худяков и Н. Ф. Лисицын обследовали палеолитические местонахождения в Койбальской степи и долине Абакана. С. Н. Астахов с 1971 г. начал изучать палеолитические стоянки, расположенные в районе Майны-Саяногорска (Означенное I, Голубая I, IV и др.). Эти работы

были продолжены С. А. Васильевым, открывшим и исследовавшим в 1980–1991 гг. группу позднепалеолитических стоянок близ Майнской ГЭС (Майнинская, Уй I, II, Майнский Лесозавод I; историю изучения региона см.: [13, с. 11–12]).

После перерыва в 1990-е гг. работы по палеолиту Южно-Минусинской котловины и ее горного окружения возобновились. Начиная с 2001 г. В. С. Зубков ведет планомерное обследование юго-запада Хакасии, где в долинах рек Абакан, Таштып, Джебаш, Большие и Малые Арбаты были найдены палеолитические местонахождения. На правобережье Енисея открытая еще в 1988 г. стоянка Притубинск I стала в 2017–2018 гг. объектом раскопок Е. В. Акимовой. В 2012 и 2015 гг. в рамках работ по трассе строившейся дороги Кызыл-Курагино под руководством А. В. Полякова были проведены широкомасштабные раскопки стоянки Ирба II. В 2017 г. на Абакане в районе Усть-Соса-Маткечика работала группа российских и китайских археологов во главе с Н. И. Дроздовым.

Саянский каньон Енисея. Основное сосредоточение позднепалеолитических стоянок связано с самым северным отрезком Саянского каньона Енисея непосредственно близ выхода реки на степные просторы Минусинской котловины. Среди памятников, расположенных близ устья р. Уй, наиболее древним является нижний культурный слой стоянки Уй I, связанный с аллювиальными отложениями 23–25 м террасового уровня. Фаунистический комплекс характеризуется преобладанием остатков кулана, бизона и сибирского козерога. Получена датировка по древесному углю более 22 тыс. лет, которая оказалась древнее, чем серия дат по кости 16–17 тыс. лет. Вероятен раннесартанский возраст памятника. В слое расчищены скопления камней, которые можно интерпретировать как основания столбовой конструкции. Интерес представляет очаг в своеобразном «каменном ящике». Встречен необычный объект – конструкция из ребер животных, вбитых вертикально или

под углом, скорее всего, остатки приспособления для закрепления шкур при обработке. Коллекция памятника включает конусовидные, призматические и клиновидные нуклеусы, скребки на пластинах и отщепях, ретушированные пластинки и отщепы, а также клык-подвеску, роговой наконечник, остря и оригинальное орудие из обломка трубчатой кости.

Важнейший памятник палеолита района – Майнинская стоянка. Западная часть стоянки дислоцирована на III (25–27 м) террасе. В разрезе под неолитическими остатками вскрыта покровная толща отложений с культурными слоями А–1–3 возрастом 11,7–12,1 тыс. лет, что указывает на обитание стоянки в конце плейстоцена; возраст нижележащего слоя Б оценивается примерно в 15 тыс. лет. Интересно планиграфическое разделение площади верхних (А–1–3) культурных слоев на южную часть с очагами (в слое А–3 открыты остатки жилого комплекса) и многочисленными костными остатками, и северную, представляющую собой специализированную мастерскую по расщеплению камня.

Нижняя (восточная) часть памятника была связана со II (16–18 м) террасой и содержала серию позднепалеолитических культурных слоев, залегающих в покровной части колонки (0 и 1) и подстилающих аллювиальных песках и супесях (слои 2–1, 2–2, 2–3, 2–4, 2–5, 3, 3а, 3б, 4, 5, 6, 7, 8, 9). Фауна включает остатки преимущественно сибирского козерога, бизона и благородного оленя. Радиоуглеродные даты по слоям с 5 по 1 в основном лежат в интервале от 16 до 12 тыс. лет. В ходе раскопок исследовано большое число структур обитания в виде скоплений расщепленного камня и очагов, в том числе с каменными обкладками. В 3 слое расчищено скопление из 10 отборных орудий, которое может интерпретироваться как клад палеолитического мастера.

Обширная коллекция изделий из камня позволяет проследить ступени эволюции афонтовской культуры на Верхнем Енисее. Среди находок преобладают одно- и двуплощадочные дисковидные, плоские леваллуазские ядрища, клиновидные и торцовые микронуклеусы. Есть также кельтовидные, призматические, цилиндриче-

ские нуклеусы. Основные классы орудий – скребла, скребки на отщепях и долотовидные изделия. Имеются отщепы с ретушью, ретушированные пластины, зубчато-выемчатые орудия, пластинки с притупленным краем, резцы. Встречены остроконечники, проколки, чопперы, комбинированные изделия, своеобразные дисковидные орудия и лимас. Стоянка доставила серию костяных и роговых наконечников с одним и двумя пазами и беспазовых, ложила, костяные остря с головкой, роговые молоток и рукоятку. Особую значимость памятнику придает открытие в 5 культурном слое уникальной антропоморфной статуэтки – единственного произведения глиняной пластики палеолитического возраста в нашей стране.

Прямо напротив Майнинской стоянки находился другой многослойный памятник – стоянка Уй II. Здесь в разрезе II террасы под голоценовой пачкой отложений с поздними культурными слоями, залегающими слоистые аллювиальные пески, включавшие палеолитические слои 2, 3, 3а, 4, 5, 6 и 7. Эти напластования перекрывали галечник с остатками 8 культурного слоя. Судя по сопоставлению разрезов, стоянка Уй II в плейстоцене образовывала единое целое с нижним уровнем Майнинской стоянки, ныне отделенной от нее устьем р. Уй. Фаунистические остатки характеризуются преобладанием костей благородного оленя, есть также бизон, кулан, заяц и др. Серии радиоуглеродных определений указывают на позднесартанский возраст культурных слоев с 7 по 2 (13–14 тыс. лет).

Наиболее древний, 8 культурный слой представлял собой следы мастерской по первичному расщеплению подбирившихся на месте галек. В вышележащих слоях памятника исследованы многочисленные очаги, в том числе с каменными обкладками. В 7 культурном слое изучен сложный комплекс, состоявший из двух окруженных камнями структур и двух внешних очагов. Объекты можно интерпретировать как остатки жилища и легкого навеса. Другой жилой комплекс исследован во 2-м культурном слое памятника. Индустрия стоянки аналогична Майнинской. Стоит отметить серию бус из окаменелостей и подвеску из шлифованного сланца. Во 2 слое

встречена расколота на две части зерно-терка и курант [6].

Резко отличается от перечисленных памятников стоянка Голубая I, расположенная на противоположном берегу Енисея. Три культурных слоя ее залегают в верхней части аллювиальных супесей и песков II террасы. 1 и 2 горизонты доставили немногочисленные находки, а комплекс основного, 3-го слоя, характеризуется фауной благородного оленя, кулана, сибирского козерога. Для этого слоя получены радиоуглеродные датировки порядка 12–13 тыс. лет.

В слое был вскрыт жилой комплекс в виде концентрации культурных остатков вокруг обложенного камнями очага. Он доставил необычную пластинчатую индустрию. Представлены мелкие сработанные ядрища, близкие многофасеточным резцам, плоские и торцовые микронуклеусы. Орудия – серия ретушированных пластин (в том числе с отделкой по периметру), скребки на пластинах, ретушированных пластинах и отщепках, пластинки с притупленным краем, микроострия, проколки, комбинированные изделия, чопперы. Найден обломок наконечника из бивня мамонта.

На северном склоне гор Западного Саяна на стыке с Койбальской степью располагалась стоянка Означенное I, связанная с толщей суглинков на склоне 30–35 м террасы. В составе фауны преобладал северный олень. Культурный слой с немногочисленными артефактами датирован по кости временем 14–15 тыс. лет [4].

Левобережье Южно-Минусинской котловины. Близ Саяногорска на 8–10 м террасе располагалось местонахождение Аэродром; собранная здесь коллекция каменного инвентаря соответствует параметрам афонтовской культуры [Там же].

В долине Абакана, на берегу Соснового Озера, А. Н. Липским был исследован интересный объект. Под песчаниковой плитой в квадратной ямке обнаружился клад, содержащий 8 роговых наконечников и 10 изделий из камня (скребла, отщепы), а также 5 фрагментов кости лошади, вероятно заготовок для производства орудий. Поблизости были открыты местонахождения финального палеолита (Сосновое Озеро I–IV), где на выдувах каменные

орудия встречались вместе с фауной лошади, кулана, косули [11; 12]. Возможно, плейстоценовый возраст имеют другие местонахождения, расположенные в междуречье Абакан – Енисей (Смирновка, Аршановка, Борки и др. [13, с. 61–62]).

Среди памятников долины Абакана примечательна стоянка Улугбиль, где изделия из камня залежали на выдувах совместно с фауной бизона и северного оленя. Среди находок – клиновидные микронуклеусы, остроконечники, ретушированные пластины, скребки, скребла и др. Пластинчатая индустрия стоянки близка коковской культуре [12]. Вероятно, к палеолиту можно отнести ряд местонахождений, открытых в разные годы в районе Большого Монока, Маткечика и Усть-Соса, хотя бывает трудно различить материалы финала плейстоцена и раннего голоцена [1; 3; 12]. На пункте Хызыл-Хая в сопровождении фауны бизона и благородного оленя встречены призматические и клиновидные нуклеусы, скребла, скребки, ретушированные пластины. На местонахождении Конгурэ на выдувах собраны кости бизона и изделия из камня, включая серию ретушированных пластин и остроконечников; здесь были открыты остатки культурного слоя [12]. На пункте Маткечик I немногочисленные находки зафиксированы на двух уровнях в отложениях 8–12 м террасы р. Абакан [9].

Верхний Абакан. Особого внимания заслуживает огромная по площади стоянка–мастерская Куйбышево II, расположенная в долине притока Абакана, р. Джебаш. Культурные остатки были связаны с мало-мощными покровными суглинками, перекрывающими кору выветривания на 70–75 м уровне (есть находки, приуроченные к 60–65 и 90 м уровням). Расположение памятника приурочено к выходам жильного кварцита, встреченных менее чем в 1 км к западу от стоянки. Основная часть индустрии стоянки близка комплексам афонтовской культуры с преимущественным использованием отщепов как основной формы заготовки, крупными одноплощадочными ядрищами, клиновидными микронуклеусами, скреблами, скребками и долотовидными орудиями. В то же время здесь имеется серия хорошо выраженных

резцов, в том числе удлинённых, изготовленных на ретушированных пластинах, аналогичных встреченным на стоянках кокоревской культуры. Интересна серия тонких листовидных бифасов.

Неподалеку, в долине ручья Кривой Чистобай, на 35–40 м террасе найдена стоянка Кривой Чистобай I. Здесь в сходных с Куйбышево II стратиграфических условиях, был обнаружен палеолитический культурный слой, связанный с перекрывающими кору выветривания криотурбированными суглинками. В состав каменной индустрии входят одно- и двуплощадочные ядрища, клиновидные микронуклеусы, скребла, скребки, резцы и др. По ряду параметров (пластинчатая техника, наличие серии ретушированных пластин, скребков и резцов на пластинах, удлинённый листовидный остроконечник) комплекс близок кокоревской культуре.

Серия памятников связана с низкими террасами долины Абакана и его притоков. Это стоянка Можаров Увал I, приуроченная к 27 м террасовому уровню на правом берегу р. Абакан. Здесь были вскрыты остатки двух культурных слоев верхнепалеолитического возраста, в нижнем из которых был расчищен очаг и приочажные камни. Рядом с очагом было зафиксировано скопление артефактов, а также кости бизона, благородного оленя и лося. Есть радиоуглеродная датировка около 14 тыс. лет. Обнаружены одноплощадочные нуклеусы для снятия отщепов, микроядрища и скребла. Судя по облику каменной индустрии и роговых беспазовых наконечников, комплекс может быть отнесен к афонтовской культуре.

На расположенной в долине р. Большие Арбаты, стоянке Матрос I, в супесях 5–6 м террасы вскрыты остатки 2 культурного слоя с радиоуглеродными датировками 13,9–14,9 тыс. лет. Встречены кости архара (преобладает), лося, северного и благородного оленя, косули, бизона или тура. Среди изделий из камня – одноплощадочные нуклеусы, ножи, скребла, скребки, роговое кинжаловидное орудие с пазом.

Неподалеку, на 8–12 м террасе, расположена стоянка Большие Арбаты I. Для 3-го культурного слоя, связанного с покровными супесями, получена радиоуглеродная датировка около 12,4 тыс. лет. От-

сюда происходят остатки лося и архара. Найдены клиновидные микронуклеусы, скребки, ножи, скребла.

К позднему плейстоцену можно отнести немногочисленные остатки нижних культурных слоев на пунктах Сигиртуп I, Большие Арбаты II, Семеновский Ручей I, Кривой Чистобай II и Куйбышево III [15].

Правобережье Южно-Минусинской котловины. На правобережье Енисея палеолитические местонахождения в основном представлены пунктами находок подъемного материала. Исключение составляет расположенная в нижнем течении р. Тубы стоянка Притубинск I. Два культурных слоя памятника связаны с покровными супесями и доставили радиоуглеродные датировки от 11,5 до 14,5 тыс. лет. Фаунистические остатки представлены костями северного оленя, лошади, косули и овцы или козы. Интерес представляет открытие в нижнем культурном слое компактного скопления орудий, своего рода «клада» палеолитического мастера. Характер каменного инвентаря памятника указывает на его принадлежность к кокоревской культуре [2].

В верховьях Тубы изучена стоянка Ирба II, связанная с отложениями пониженного уровня первой надпойменной террасы. Во время исследования многослойного поселения ниже культурных напластований голоценового возраста в толще эловых лессовидных супесей были обнаружены остатки, относящиеся к плейстоцену. Найдены кости бизона, северного, благородного и гигантского оленя, лошади, медведя, зайца. Радиоуглеродное датирование указало на финальноплейстоценовый возраст (примерно от 13 до 11 тыс. лет). Предметы расщепленного камня и кости образовывали ряд скоплений. Комплекс принадлежит к афонтовской культуре. Отметим находку крупного листовидного бифаса и фрагментов рога со следами обработки. Особое значение памятнику придает открытие овальной плоской мраморной гальки с насечками по краю, крестообразными гравировками на обеих плоскостях и следами не завершенных сверлин. Подобные изделия редки в палеолите и представляют собой, скорее всего, амулеты [14].

В районе расположения памятника открыты другие позднепалеолитические стоянки (Ирба III, Гора Веселовская [7]).

Заключение. Несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, обширная территория Южно-Минусинской котловины остается неравномерно изученной в плане палеолита. Даже на многократно обследованном отрезке долины Енисея в районе Майны-Саяногорска, как показали результаты разведки 2013 г. [5], возможно открытие новых памятников. Перспективной для поиска остатков древнекаменного века представляется полоса северных предгорий Западного Саяна, тянущаяся в широтном направлении от Саяногорска до Бондарево. На Верхнем Абакане выборочно обследованы долины некоторых притоков – рек Большие и Малые Арбаты и бассейн среднего течения Джебаша. Еще менее изучено правобережье Енисея. Загадочным остается практически полное отсутствие следов палеолита в карстовых полостях [10; 13, с. 12], хорошо представленных на рассматриваемой территории.

Следует иметь в виду, что распределение позднепалеолитических стоянок в регионе носит выраженный асимметричный характер. На правобережье Енисея их значительно меньше. Многолетний опыт в проведении разведок показывает, что здесь даже в хорошо разработанных речных долинах с комплексом низких надпойменных террас позднечетвертичного возраста следы палеолитического человека порой отсутствуют. В долине р. Амыл на протяжении более 70 км было найдено всего одно разрушенное палеолитическое местонахождение (Качулька), к тому же

расположенное на самом нижнем отрезке течения реки, вблизи формирования Тубы при слиянии Амыла и Казыра [7].

Столь же велика неравномерность распределения стоянок во временном плане. Почти все известные местонахождения относятся к позднеледниковью, сартанскому времени. В коллекциях некоторых памятников (Означенное I, Голубая I, Ирба II) имеются редкие коррадированные артефакты, свидетельствующие о наличии в регионе более древних (вероятно, доверхнепалеолитических) комплексов, но источники сбора подобного материала остаются неизвестными.

Что касается культурной принадлежности памятников, то подавляющее большинство позднепалеолитических комплексов региона относится к афонтовской культуре. Вместе с тем новые открытия существенно расширяют ареал кокоревской культуры в юго-западном (Кривой Чистобай I) и юго-восточном (Притубинск I) направлениях. По-прежнему особняком стоит пластинчатая индустрия третьего культурного слоя стоянки Голубая I. Число вариантов позднепалеолитической культуры Енисея увеличивается, о чем свидетельствует открытие своеобразной индустрии с листовидными бифасами, представленной материалами стоянки Куйбышево II [8].

Неясной остается судьба позднепалеолитического населения Верхнего Енисея в голоцене. К числу основных нерешенных проблем археологии Минусинского края относится чрезвычайная редкость мезолитических находок, хотя естественно-научные данные не свидетельствуют о катастрофических изменениях природной среды на рубеже плейстоцена и голоцена.

Список литературы

1. Абрамова З. А. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 21–30.
2. Акимова Е. В., Харевич В. М., Стасюк И. В. Изучение позднепалеолитической стоянки Притубинск I в Южно-Минусинской котловине: к вопросу о вариативности кокоревской культуры Среднего Енисея // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2020. Т. 31. С. 3–16.
3. Дроздов Н. И., Макулов В. И., Дроздов Д. Н., Сюй Цзинь, Цюань Цянькунь. Археологические исследования на юге Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 111–113.
4. Астахов С. Н. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986. 174 с.
5. Астахов С. Н., Васильев С. А., Зубков В. С. Местонахождения каменного века на Верхнем Енисее в районе г. Саяногорска // Археологические вести. 2019. № 25. С. 44–57.

6. Васильев С. А. Поздний палеолит верхнего Енисея: по материалам многослойных стоянок района Майны. СПб.: Петербург. востоковедение, 1996. 223 с.
7. Васильев С. А. Поздний палеолит Южно-Минусинской котловины и ее горного окружения: итоги и проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 3. С. 124–129.
8. Васильев С. А., Зубков В. С. Палеолитические местонахождения Хакасии: материалы к археологической карте // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 27–32.
9. Дроздов Н. И., Макулов В. И., Леонтьев В. П., Дроздов Д. Н., Цюань Цянькунь, Цоу Хоуен, Ван Вэй, Дай Юйбяо, Гао Лэй, Сюй Цзинь, Чжан Чжэньшань. Исследование палеолитических местонаждений Маткечик на юге Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 114–116.
10. Деревянко А. П., Петрин В. Т., Тугужекова В. Н., Гладышев С. А., Кривошапкин А. И., Рыбин Е. П., Милютин К. И. Исследования по каменному веку в Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. С. 79–83.
11. Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. 232 с.
12. Лисицын Н. Ф., Худяков Ю. С. Дюнные стоянки Хакасии (Койбальская степь). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 76 с.
13. Палеолит Енисея / З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, С. А. Васильев [и др.]. Л.: Наука, 1991. 158 с.
14. Васильев С. А., Поляков А. В., Амзараков П. Б., Рыжов Ю. В., Корнева Т. В., Сапелко Т. В., Барышников Г. Ф., Бурова Н. Д., Гиря Е. Ю., Ямских Г. Ю. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербург. востоковедение, 2019. С. 83–102.
15. Зубков В. С., Васильев С. А., Бурова Н. Д., Махлаев М. Л., Ямских Г. Ю. Поздний палеолит Верхнего Абакана (Хакасия) // Stratum Plus. 2019. № 1. С. 279–294.

Информация об авторе

Васильев Сергей Александрович, доктор исторических наук, Институт истории и материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, sergevasiimk@gmail.com

Information about the author

Vasiliev Sergey A., Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, sergevasiimk@gmail.com

УДК 902

Предварительное определение техники скола по материалам палеолитического слоя стоянки Усть-Менза-14

Дмитрий Евгеньевич Власенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
dmitrivlasenko2003@mail.ru

Применяется атрибутивный анализ для индустрии сколов культурного слоя 4-й стоянки Усть-Менза-14. Его основу составляют: 1) признаки проксимальной зоны: а) размер и степень выраженности ударного бугорка; б) наличие характерных признаков скалывания (кольцевого ободка, изъянца, «усиков», ударных волн, трещин); в) наличие вентрального карниза; г) следы воздействия на ударную площадку; д) тип и рельеф площадки; е) размеры площадки; ж) ее подработка; з) угол скалывания; 2) общая морфология сколов: а) метрические характеристики; б) сечение; в) профиль; г) дистальное окончание скола. В результате применения атрибутивного подхода предварительно определено, что большинство заготовок было получено техникой прямого удара твердым отбойником. Что касается использования техники мягкого отбойника в прямой или опосредованной форме, то она тоже имеет место быть, но в незначительном виде, для получения мелких и средних по размеру сколов. Применение отжимной техники при расщеплении пока остается открытым вопросом.

Ключевые слова: верхний палеолит, Западное Забайкалье, Усть-Менза-14, первичное расщепление, техника скола, атрибутивный подход

Preliminary Determination of the Cleavage Technique Based on Materials from the Paleolithic Layer of the site Ust-Menza-14

Dmitry E. Vlasenko

Transbaikal State University, Chita, Russia
dmitrivlasenko2003@mail.ru

The paper applies attribute analysis to the flake industry of cultural layer 4 of the site Ust-Menza-14. It is based on the following: 1) features of the proximal zone: a) size and degree of expression bulb of percussion; b) presence of characteristic signs of spalling (annular rim, bulbar scar, "whiskers", ripple marks, cracks); c) presence of a ventral overhang; d) traces of impact on the striking platform; e) type and relief of the platform; f) dimensions of the platform; g) overhang reduction; h) flaking angle; 2) general morphology of flakes: a) metric characteristics; b) section; c) profile; d) distal end of the flake. As a result of applying the attributive approach, it was preliminarily determined that most flakes were obtained by the technique of direct impact with a hard hammer. As for the use of the soft chipping technique in a direct or indirect form, it also takes place, but in a minor form, to obtain small and medium-sized flakes. The use of the pressure flaking remains an open question.

Keywords: Upper Paleolithic, Western Transbaikalia, Ust-Menza-14, primary splitting, chipping technique, attributive approach

Исследования палеолитических стоянок Западного Забайкалья является одним из ключевых звеньев в понимании культурных и технологических процессов на Северо-Востоке Азии. Несмотря на значительные достижения в изучении археологических комплексов Западного Забайкалья, определение техники скола до сих пор недостаточно представлено в контексте этого региона. В связи с этим применение атрибутивного анализа для индустрии сколов стоянки Усть-Менза-14 является актуальным. В том числе и потому что для памятника этот аспект первичного расщепления ранее отдельно не рассматривался.

Усть-Менза-14 (Лагерная) входит в Усть-Мензинский археологический комплекс памятников, расположенный в Красночикойском районе Забайкальского края, в урочище при впадении р. Менза в р. Чикой (бассейн р. Селенга, Западное Забайкалье). Начиная с 1980-х гг. отрядом Чикойской археологической экспедиции ЧГПИ-ЗабГУ под руководством Константинова Михаила Васильевича на данной территории было выявлено 18 памятников археологии [6, с. 302]. Усть-Менза-14 открыта в 2007 г. Объект связан со II-й правобережной надпойменной террасой р. Менза. Стоянка является многослойной, выявлено четыре культурных слоя. Самый ранний – основной палеолитический культурный горизонт (далее ОПКГ) – связан с завершающей стадией каргинского термохрона [5, с. 85–87]. С

учетом стратиграфической ситуации и выделенной на памятнике серии культуроросодержащих уровней, для данного слоя нами предложено использовать в обозначении номенклатуру, по которой ОПКГ является культурным слоем 4 (далее к. с. 4) [1, с. 53]. Культурный слой находится на глубине от 2,9 до 3,7 м от современной дневной поверхности, в средней части террасы и связан с пачкой аллювиальных отложений. Она представлена горизонтальными, параллельными, тонкими песчаными и иловатыми прослойками. Площадь вскрытия слоя составила 73,8 кв. м (на 2014 г.). Поверхность древнего поселения структурирована крупными валунами и гальками, часть из которых использовалась для организации жилищно-хозяйственных процессов (отбойники, плиты-наковальни). В стратиграфии разреза отмечаются крупные криогенные деформации, которые повлияли на поверхность к. с. 4, обусловив переотложение артефактов в слое и лишь частичную сохранность жилищно-хозяйственных структур [5, с. 90–92]. Для к. с. 4 получены ^{14}C -даты по углю – 27 480±110 л. н. (D-AMS-11898) и 30 270±150 л. н. (D-AMS-11899), по кости – 32 990±470 л. н. (UCIAMS-143233) [8, с. 103–104], свидетельствующие о каргинском времени.

По итогам 2014 г. инвентарь к. с. 4 насчитывает 2379 экз. [5, с. 102], состоящий из необработанных галек, каменных артефактов и фаунистических остатков. Арте-

факты преимущественно изготовлялись из местного сырья (метаморфизированные песчаники, сланцы, микрокварциты, кварциты, яшмоиды плохого качества и др.), однако также использовалось и дефицитное приносное (яшма, халцедон, эффузивы, кремль и др.) [5, с. 88]. Всего коллекция слоя содержит 2151 каменный арте-

факт (табл. 1). Ранее деление по категориям было иным [1, с. 53–55; 2, с. 15], но при более внимательной работе с коллекцией типология была пересмотрена. Связано это в основном с тем, что поверхность артефактов имеет окатанность и дефляцию. Также в силу этого трасологический анализ изделий невозможен.

Таблица 1

Распределение каменного инвентаря к. с. 4 Усть-Мензы-14 по категориям

<i>Категории находок</i>	<i>Кол-во</i>
Изделия апробации каменного сырья	102
Пренуклеусы	57
Нуклеусы	22
Истощенные нуклеусы	1
Фронты нуклеусов	3
Неопределимые нуклевидные формы	3
Отщепы	961
Обломки, осколки	610
Технические сколы	98
Пластины и их фр.	23
Пластинки и их фр.	13
Микропластинки и их фр.	6
Чешуйки	69
Скребла	50
Отбойники	16
Скребки	13
Долотовидные изделия	13
Ножи, их фр., заготовки	10
Ретушеры	5
Остроконечники, заготовки	4
Чопперы	4
Скобели	4
Резцы	2
Шиповидные орудия	2
Лощила	2
Проколки	2
Резчики	2
Фр. орудий	8
Отщепы с рет.	29
Обломки с рет.	12
Фр. пластинок и микропластинок с рет.	3
Технические сколы с рет.	2
Всего	2 151

Первичное расщепление слоя характеризуется преобладанием ортогональной и биполярной системы скалывания для получения отщепов.

Основная часть инвентаря является продуктом расщепления (обломки, осколки, чешуйки; технические сколы; отщепы, пла-

стины, пластинки, микропластинки и их фрагменты) – 1 780 экз. Обломки и осколки составляют 610 экз. из которых 378 экз. являются фрагментами галек, 107 экз. по всей видимости носят опробованный характер, имея на поверхности разноразмерные следы снятий и заломы. По размерам отходы

производства делятся на мелкие (10–29 мм) – 332 экз., средние (30–49 мм) – 203 экз. и крупные (более 50 мм) – 75 экз.

Чешуйки представлены группой из 69 экз.

Технические сколы представлены 98 экз.: 72 экз. – сколы оформления и подправки фронта скалывания, 20 экз. – сколы удаления залама фронта скалывания, 4 экз. – реберчатые сколы, 2 экз. – сколы с ныряющим окончанием. Естественную, галечную поверхность имеют 20 экз. По характеру оформления выделяются следующие рабочие площадки: естественные – 13 экз., гладкие – 10 экз., линейные – 5 экз., точечные – 2 экз., многогранные – 2 экз. По рельефу площадки делятся на: прямые – 23 экз., вогнутые – 8 экз. и срединно-выпуклую – 1 экз. Среди технических сколов присутствуют снятия с площадками шириной от 1 до 58 мм, но значения с 1 до 16 мм составляют 65,6 % выборки, они образуют среднее значение, без резких падений и взлетов. Толщина площадок технических сколов измеряется от 1 до 32 мм. Среднее значение фиксируется в диапазоне от 1 до 8 мм, в него вписывается 56,3 % сколов. У 66 экз. рабочие площадки неопределимы. Технические сколы сохранили на дорсальной поверхности разноразмерные отщеповые и единичные пластинчатые снятия, а также заломы. По размерам преобладают мелкие сколы (10–29 мм) – 45 экз., средние (30–49 мм) насчитывают – 29 экз., крупные (более 50 мм) – 24 экз.

Эмпирическую базу исследования составляет 1003 целевых скола – отщепы, пластины, пластинки, микропластинки и их фрагменты.

Отщепы представлены 961 экз. Первичные отщепы составляют 80 экз. К полупервичным отщепам, которые характеризуются присутствием корочной поверхности на дорсальной поверхности от 10 до 80 % отнесено 338 экз. К категории вторичных отщепов отнесено 425 экз. По характеру оформления рабочие площадки определяются как: гладкие – 350 экз., естественные – 233 экз., линейные – 55 экз., многогранные – 30 экз., точечные – 11 экз., деформированные – 10 экз., двугранные – 8 экз. По рельефу площадки: прямые – 565 экз., вогнутые – 98 экз., выпуклые –

18 экз., деформированные – 10 экз., срединно-выпуклые – 6 экз. Отщепы имеют ширину площадок от 1 до 58 мм; 62,4 % сколов имеют площадки в среднем от 3 до 14 мм. Толщина площадок отщепов варьируется от 1 до 20 мм, в среднем они входят в группу от 1 до 4 мм и составляют 63,8 %. У 264 экз. рудимент ударной площадки отсутствует. В метрическом диапазоне отщепы подразделяются на мелкие (10–29 мм) – 690 экз., средние (30–49 мм) – 213 экз., крупные (более 50 мм) – 58 экз.

Пластинчатая часть в инвентаре представлена преимущественно фрагментами – 39 экз., в то время как целыми являются 2 пластины и 1 микропластинка. По размеру группу можно разделить на 3 подгруппы – пластины (более 11 мм), пластинки (6–11 мм), микропластинки (менее 6 мм).

Пластины представлены 2 экз. целыми и 21 фрагментом: проксимальные – 10 экз., проксимально-медиальный – 1 экз., медиальные – 3 экз., медиально-дистальные – 3 экз., дистальные – 4 экз. Естественную поверхность имеют 7 экз. По характеру оформления рабочих площадок определяются: гладкие – 6 экз., естественные – 3 экз., деформированные – 4 экз. По рельефу площадки делятся на прямые – 9 экз. и деформированные – 4 экз. Значение ширины площадок пластин колеблется от 4 до 29 мм, но значения с 5 до 16 мм составляют 61,5 %. Толщина площадок варьируется от 1 до 11 мм, но основная масса в диапазоне от 1 до 9 мм (76,9 %).

Пластинки же составляют группу из 13 фрагментов: проксимальные – 4 экз., проксимально-медиальные – 6 экз., медиальные – 3 экз. Естественную поверхность имеют 5 экз. По характеру оформления рабочих площадок выделяются: гладкие – 4 экз., естественные – 2 экз. и деформированные – 4 экз. По рельефу площадки делятся на: прямые – 5 экз., вогнутая – 1 экз. и деформированные – 4 экз. Ширина площадок пластинок варьируется от 3 до 11 мм, в среднем они входят в группу от 3 до 6 мм и составляют 60 %. Пластинки обладают площадками, толщина которых находится в небольшом диапазоне от 1 до 3 мм.

Микропластинки представлены единственным целым изделием и 5 фрагмен-

тами: медиальные – 2 экз., медиально-дистальные – 3 экз. Естественная поверхность на сколах этой группы отсутствует. Проксимальная часть целой микропластинки характеризуется прямой линейной площадкой, шириной в 4 мм и толщиной 1 мм.

Представляется возможным определить технику скола в рамках атрибутивно-го подхода. Его основу составляют: 1) признаки проксимальной зоны: а) размер и степень выраженности ударного бугорка; б) наличие характерных признаков скалывания (кольцевого ободка, изъянца, «усиков», ударных волн, трещин); в) наличие вентрального карниза; г) следы воздействия на ударную площадку; д) тип и рельеф площадки; е) размеры площадки; ж) ее подработка; з) угол скалывания; 2) общая морфология сколов: а) метрические характеристики; б) сечение; в) профиль; г) дистальное окончание скола [3; 4].

Результатом атрибутивного подхода является следующее:

1а) в силу окатанности поверхности, у некоторой части сколов ударный бугорок сильно замыт и определить его не представляется возможным. У определимой части (73 %) сколов: бугорок крупный, ярко выраженный, конусовидный (45 %). Преимущественно он характерен для крупных и средних по размеру сколов. Вторую группу составляет слабовыраженный крупного размера бугорок (22 %). Также встречается

мелкий слабовыраженный, практически неразличимый бугорок (6 %);

1б) «усики», трещины, изъянец, кольцевой ободок и ударные волны характерны для крупных (86,8 %), средних (60,7 %), мелких (26,5 %) сколов. Отмечено, что эти признаки не всегда сопровождают массивный ударный бугорок. Например, кольцевого ободка может и не быть на крупном бугорке вовсе, в то время как он может быть замечен у гораздо меньшего по размеру. Помимо этого, эти признаки не всегда отмечаются вместе на одном сколе. Также примечательно, что у проксимальных фрагментов пластинчатой части (70,8 %) названные признаки скалывания отсутствуют вовсе;

1в) вентральный карниз отсутствует у 100 % сколов;

1г) на ударных площадках сколов отмечаются следы воздействия в виде четкой точки удара и микротрещин (64,7 %);

1д) по характеру оформления ударной площадки самыми распространенными типами среди всех сколов являются гладкая (49,9 %) и естественная (33 %) (табл. 2). Рельеф площадки практически у всех сколов прямой (80,4 %) (табл. 3);

1е) исходя из обозначенных выше средних размеров площадок сколов, можно охарактеризовать их большинство как крупные, широкие, подтреугольной формы. Также выделяется небольшая группа мелких, линейных площадок;

Таблица 2

Характер оформления ударных площадок к. с. 4 Усть-Менза-14

Характер оформления ударной площадки	Тип скола									
	Отщепы по их фр.	%	Пластинки по их фр.	%	Пластинки по их фр.	%	Микрогл	%	Всего	%
Гладкая	350	50,2	6	46,2	4	40	-	-	360	49,9
Естественная	233	33,4	3	23,1	2	20	-	-	238	33
Линейная	55	7,9	-	-	-	-	1	100	56	7,8
Многогранная	30	4,3	-	-	-	-	-	-	30	4,2
Точечная	11	1,6	-	-	-	-	-	-	11	1,5
Двугранная	8	1,2	-	-	-	-	-	-	8	1,1
Деформированная	10	1,4	4	30,7	4	40	-	-	18	2,5
Всего	697	100	30	100	10	100	1	100	721	100

Таблица 3

Рельеф ударных площадок сколов к. с. 4 Усть-Менза-14

Характер оформления ударной площадки	Тип скола									
	Отщепы по их фр.	%	Пластины по их фр.	%	Пластинки по их фр.	%	Микропл	%	Всего	%
Прямая	565	81,1	9	69,2	5	50	1	100	580	80,4
Вогнутая	98	14,1	-	-	1	10	-	-	99	13,7
Выпуклая	18	2,5	-	-	-	-	-	-	18	2,5
Средне-выпуклая	6	0,9	-	-	-	-	-	-	6	0,9
Деформированная	10	1,4	4	30,8	4	40	-	-	18	2,5
Всего	697	100	13	100	10	100	1	100	721	100

1ж) у 93,1 % сколов рабочая площадка не подправлялась. В тех случаях, когда подправка присутствует, отмечается применение редукации (6,9 %);

1з) практически все площадки сколов горизонтальные – 618 экз. (85,7 %), остальная часть – 103 экз. (14,3 %) имеет наклон;

2а) рассматривая размеры сколов можно выделить три основные группы: мелкие (10–29 мм) – 724 экз., средние (30–49 мм) – 221 экз., крупные (более 50 мм) – 58 экз. Большинство средних и крупных сколов имеет массивные пропорции;

2б) Сечение сколов подразделяется на: одинарное – 44,5 %, треугольное – 39 %, многогранное – 8,6 % и трапециевидное – 7,9 %;

2в) Большинство профилей сколов прямые – 62,3 %. 21,9 % имеет изогнутый профиль, а оставшиеся 15,8 % серьезно искривлены;

2г) Процентное соотношение представлено для тех сколов, у которых присутствует дистальное окончание, у некоторой части оно обломано. У большинства сколов с определенным дисталом преобладает петлеобразное окончание – 46,2 %, перообразное встречается у 27,2 %, ступенчатое и ныряющее окончание представлено в 19 % и 7,6 % случаев соответственно.

В результате применения атрибутивного подхода к индустрии сколов к. с. 4 Усть-Мензы-14 можно предварительно отметить, что большинство заготовок были получены техникой прямого удара твердым отбойником. На это указывают сле-

дующие признаки: почти половина сколов имеет конусовидный ярко выраженный, крупный бугорок; наличие признаков скалывания, характерных для этой техники; полное отсутствие вентрального карниза; большинство сохранившихся крупных ударных площадок имеет естественную поверхность или оформлено широким сколом; площадки практически не подправлялись; у значительной части сколов петлеобразная форма дистального окончания.

Что касается использования техники мягкого отбойника в прямой или опосредованной форме, то она тоже имеет место быть, но в незначительном виде, для получения мелких и средних по размеру сколов. Об этом свидетельствует относительно небольшая группа заготовок со слабовыраженным бугорком; с отсутствием атрибутов в проксимальной зоне вентрала, в том числе ярко выраженных ударных волн; с мелкими, линейными рабочими площадками и наличием перообразного окончания.

Применение отжимной техники при расщеплении пока остается открытым вопросом. Среди мелких сколов фиксируется малая группа с маленькими ударными бугорками без дополнительных атрибутов скалывания, прямым профилем и ныряющим дистальным окончанием. Однако эта группа может быть не более чем случайными снятиями, имеющими свои морфологические признаки в силу сырья, из которого они выполнены. Тем не менее наличие ретушеров в коллекции слоя показывает то,

что эта техника все же использовалась как минимум при оформлении кромок орудий.

Стоит отметить, что универсальных критериев определения типов отбойников, применимых ко всему многообразию каменного сырья пока не определено. Применяя разработанные методики, следует учитывать сырье, так как не все признаки характерные для определенных техник могут встречаться при анализе сколов из того или иного материала. Важным моментом в понимании техники скола является

проведение экспериментов с различными отбойниками на сырье аналогичном использовавшемуся в исследуемой каменной индустрии [7, с. 223]. Подобному эксперименту в дальнейшем будет посвящено исследование в контексте первичного расщепления к. с. 4 Усть-Мены-14, так как памятник является весьма интересным со своей относительно архаичной ортогонально-отщеповой техникой, которая сохранялась на протяжении долгого времени в верхнем палеолите.

Список литературы

1. Власенко Д. Е. Многослойный палеолитический памятник Усть-Менза-14 (Западное Забайкалье) // Студенческие чтения: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко, Е. Е. Богодухова, О. А. Яремчук. Чита: ЗабГУ, 2023. Вып. 15. С. 52–56.
2. Власенко Д. Е. Типологический анализ скребел и скребков культурного слоя 4 археологического памятника Усть-Менза-14 (Западное Забайкалье) // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая: материалы XII Междунар. конф. (Иркутск, 25–30 сентября 2023 г.) / отв. ред. Д. Н. Лохов, Е. А. Липнина. Иркутск: Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 14–19.
3. Павленок Г. Д., Павленок К. К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2014. Т. 13, № 5. С. 26–36.
4. Павленок Г. Д., Павленок К. К. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2013. Т. 12, № 7. С. 28–37.
5. Разгильдеева И. И. Комплекс стоянки-мастерской Усть-Менза-14 (Лагерная): средняя пора верхнего палеолита Забайкалья // Археологические вести. 2017. № 23. С. 84–104.
6. Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Усть-Менза // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 302–306.
7. Харевич В. М., Рыбин Е. П., Хаценович А. М. Техника скола в начале верхнего палеолита: экспериментальные критерии выделения различных типов отбойников (по материалам стоянок долины р. Толбор, Северная Монголия) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 206–228.
8. Buvit I., Izuho M., Terry K., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula // Quaternary International. 2016. Vol. 425. P. 100–119.

Сведения об авторе

Власенко Дмитрий Евгеньевич, студент 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, dmitrivlasenko2003@mail.ru.

Information about the authors

Vlasenko Dmitry E., 4th year Student, Transbaikal State University, Chita, Russia, dmitrivlasenko2003@mail.ru

УДК 902(571.56)

Технико-технологический анализ керамики раннего неолита Якутии (по материалам Средней Лены и Алдана)

Виктор Михайлович Дьяконов¹, Михаил Владимирович Степанов²

^{1,2}*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Россия*

¹*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Россия*

²*Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия
¹arkh_muz@mail.ru, ²mikhailstep2002@gmail.com*

Типология археологического материала раннеолитической сыалахской культуры Якутии (6,9–5,5 тыс. кал. л. н.), особенно керамики, базируется на «чистых» раннеолитических комплексах многослойных памятников Алдана. Проблема соотношения «стандартных» алданских комплексов с материалами памятников других регионов Северо-Восточной Азии остается актуальной для якутской археологии. Особенностью археологических памятников Средней Лены является отсутствие четко стратифицированных многослойных памятников, что еще больше актуализирует эту проблему. В статье представлены результаты сравнительного анализа сетчатой сыалахской керамики Средней Лены с керамическими комплексами Алдана по компоненту историко-культурной информации, связанной с технологическими аспектами гончарных традиций.

Ключевые слова: текстильная керамика, технико-технологический анализ, технологические традиции, культурные традиции, сыалахская культура

Technical and Technological Analysis of Early Neolithic Ceramics of Yakutia (Based on Materials from the Middle Lena and Aldan)

Viktor M. Dyakonov¹, Mikhail V. Stepanov²

^{1,2}*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russia*

¹*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

²*Arctic Research Centre of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Russia
¹arkh_muz@mail.ru, ²mikhailstep2002@gmail.com*

The typology of archaeological material of the early Neolithic Syalakh culture of Yakutia (6,9–5,5 thousand cal. years BP), especially ceramics, is based on the “pure” early Neolithic complexes of multilayered sites of Aldan. The problem of correlating the “standard” Aldan complexes with materials from sites in other regions of Northeast Asia remains relevant for Yakut archeology. A feature of the archaeological sites of the Middle Lena is the absence of clearly stratified multilayered sites, which further actualizes this problem. This paper presents the results of a comparative analysis of the mesh Syalakh ceramics of the Middle Lena with the ceramic complexes of Aldan on the component of historical and cultural information related to the technological aspects of pottery traditions.

Keywords: textile ceramic, technical and technological analysis, technological traditions, cultural traditions, Syalakh culture

Проблему корреляции эталонных алданских культурных комплексов с материалами археологических памятников других регионов Якутии можно справедливо определить как одну из фундаментальных проблем якутской археологии [9, с. 204]. Постановка настоящей проблемы стала возможной после открытия и изучения Приленской археологической экспедицией ИЯЛИ ЯФ АН СССР алданских многослойных стоянок с четко стратифицированными

ми культурными слоями и с разработкой культурно-хронологической концепции Северо-Восточной Азии на основе «чистых» культурных слоев многослойных памятников [4, с. 12]. В процессе разработки культурно-хронологической схемы формулировались различные модели историко-культурных ситуаций для различных археологических культур Якутии: монокультурная и поликультурная. Наиболее разработанными в спектре данного вопро-

са оказались материалы позднего неолита и раннего бронзового века [8, с. 104–108]. В этом отношении недостаточно изученными можно отметить раннеолитические комплексы Якутии [4, с. 60; 5]. С другой стороны, формулировался вопрос о способности отражения структурных связей конструируемых историко-культурных ситуаций с различными категориями археологического материала. В соответствии с вышеуказанной проблемой высказывались суждения, например, о приоритете исследования каменного инвентаря, керамики или комплексного рассмотрения материальной культуры для решения таких проблем [4, с. 60]. В контексте концепции настоящей статьи наиболее адекватным представляется более углубленный источниковедческий подход к археологическому материалу и корреляции данных анализа различных категорий археологических источников. В подобном ключе, по мнению авторов, керамические комплексы являются наиболее информативными. Реконструкция приемов гончарной технологии возможна посредством технико-технологического анализа керамических комплексов и данных экспериментального моделирования [6, с. 14]. Различные виды приемов технологии керамического производства отражают различные уровни и степень историко-культурных взаимодействий между культурными традициями и в соответствии с ними можно судить об их характере и сущности [11, с. 127–130].

В данной постановке вопроса весьма интересными представляются материалы раннеолитических комплексов Средней Лены. В рамках археологического изучения долины Туймаады в конце 1990-х – начале 2000-х гг., в ходе разведочных и раскопочных работ была собрана коллекция раннеолитической сетчатой керамики сыалахской культуры (6,8–5,4 кал. тыс. л. н.) [1; 2]. Необходимость осмысления, сопоставления с материалами опорных алданских комплексов и введения в научный оборот материалов археологического обследования долины Туймаады обуславливает проведение технико-технологического анализа керамических комплексов Средней Лены. Техничко-технологический анализ керамических сосу-

дов сыалахской культуры Средней Лены может быть еще обоснован отсутствием четко стратифицированных многослойных памятников и практически повсеместным смешанным характером стратиграфии стоянок на данной территории. Более того, при изучении археологических объектов долины Туймаады на поселении Хоро I была обнаружена сетчатая керамика, как предполагалось, конструированная ленточно-кольцевым налепом. Вопрос технологии изготовления сетчатой керамики сыалахской культуры до сей поры остается дискуссионным. Одновременно обосновывалось, что сыалахские сосуды изготавливали выдавливанием из одного комка глины и выколачиванием сосуда лопаточкой, обмотанной плетеной сеткой и поэтому формулировалась гипотеза о сосуществовании нескольких гончарных традиций в рамках одной археологической культуры [7, с. 62–65].

Следовательно, основной задачей данной работы становится корреляция «эталонных» алданских керамических комплексов с материалами памятников Туймаады посредством технико-технологического анализа и сопоставления гончарных традиций с последующей оценкой общей историко-культурной ситуации раннеолитических комплексов Средней Лены и Алдана.

В процессе описания археологического материала керамических комплексов Алдана Белькачи I и Сумнагин I из фондов Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой было проанализировано 509 фрагментов керамики, относящихся к 46 сосудам. При обследовании долины Туймаады археологической экспедицией ЯГУ стоянок Хоро I, IV, Владимировка V, VIII, Шестаковка IV, Хатынг Юрях II было описано и проанализировано 306 фрагментов сетчатой сыалахской керамики, относящихся к 16 сосудам.

Предварительно следует раскрыть характер морфологических особенностей, форм и орнамента керамических коллекций сыалахской культуры археологических стоянок Средней Лены и Алдана, что определено самой сущностью керамики как многогранного и сложного археологического источника, состоящего из различных по

своей природе сторон, по-разному отражающих тот социокультурный контекст, в рамках которого она возникла. Поэтому технология и характеристики внешнего облика керамики демонстрируют различные уровни историко-культурной информации.

Сыалахские сосуды имеют простую форму закрытого или открытого типа, с округлым или реже приостренным дном. Венчик сосуда обычно прямой или вогнут вовнутрь, срез венчика всегда, кроме единичных случаев, прямой.

Орнаментация сетчатой керамики сыалахского типа отличается скудостью элементов, но устойчивостью орнаментальных мотивов. Сосуды как алданских, так и среднеленских памятников орнаментированы по венчику и срезу венчика, либо только по срезу, либо только по венчику. Наиболее распространенным элементом и мотивом орнамента является горизонтальные пояса округлых (реже овалоидных) отверстий под срезом венчика сосуда, несколько реже венчик украшается рассеянными наклепными валиками. Иногда сосуд дополнительно украшался по срезу сосуда прямыми (иногда косыми) насечками по площадке или по бортикам, овальными вдавлениями или зубчатым штампом, иногда сгруппированными по несколько штук.

По итогу можно констатировать простоту, устойчивость, гомогенность и самобытность внешнего облика сетчатой керамики сыалахского типа.

Результатом технико-технологического анализа алданских «эталонных» ранненеолитических керамических коллекций стало выявление комплекса навыков составления формовочных масс, конструирования полога тела сосуда, формирования начина сосуда сыалахской культуры. Анализ следов формовочных операций включал в себя задачи поиска, диагностики и идентификации следов трудовых операций и навыков, связанных с технологическими задачами конструирования и формовки.

В первую очередь при анализе фрагментов керамики мы обратили внимание на двух-, трехслойную структуру изломов сосудов. Данный признак был нами связан с особенностями конструирования по-

лого тела сосуда. Для диагностики следообразовательных процессов наращивания тела сосуда и расширения списка технологических признаков нами были проведены серии экспериментов. Позднее наблюдения показали, что многослойная структура наиболее четко фиксируется в придонной части, а также такая структура излома нередко сопровождается случаями расслоения стенок сосуда по местам спая между конструктивными элементами [6, с. 139]. Подобные следы-признаки интерпретируются нами как конструирование сыалахских сосудов лоскутным наклепом (рис. 1). Подобные признаки двухслойного или трехслойного лоскутного наклепа выявлено у 38 из 46 рассмотренных сосудов со стоянок Белькачи I, Сумнагин I. Среди среднеленских материалов использование лоскутного наклепа зафиксировано в 13 из 16 ранненеолитических сосудов. Ранее предполагалось, что в ранненеолитических материалах стоянки Хоро I была обнаружена керамика со следами ленточного наклепа, однако, как оказалось, сосуды были изготовлены путем их наращивания лоскутными наклепами (четко фиксируется двухслойная структура излома и расслаивания стенок по спаям), в то же время на одном из фрагментов было видно, что лоскуток (возможно в виде комка глины) был плохо примазан к предыдущему слою вследствие чего и образовалось «сегментовидное» тело, которое и было воспринято как «лента» [7, с. 62–65].

Дальнейший анализ следов формовочных операций указал на следы нанесения сетки-плетенки по местам расслаивания фрагментов керамики по спаям лоскутного наклепа, что может свидетельствовать о слитном состоянии навыков придания формы и конструирования полога тела сосуда, т. е. сосуд выколачивался лопаточкой, обмотанной плетеной сеткой, не после конструирования, как это считалось ранее, а в ее процессе (рис. 2). Такой технологический признак фиксируется в двух сосудах из алданских комплексов, в среднеленских фиксации такого признака затруднительна из-за качества формовочной массы.

Рис. 1. Фрагмент придонной части сылахской сетчатой керамики со следами двухслойного лоскутного налета (стоянка Белькачи I, слой VII): 1 – фотография; 2 – схематический рисунок

Рис. 2. Фрагмент керамики из VI культурного слоя Белькачи I, с оттисками сетки-плетенки по местам расслоения

Рис. 3. Фрагмент керамики из сборов стоянки Белькачи I с негативным сетчатым декором от конструирования на форме-основе

Анализ следов формовочных операций сосудов позволил выявить на внутренней поверхности некоторых фрагментов керамики негативные оттиски сетчатого декора (рис. 3). Предполагается, что идентичные следы образуются вследствие конструирования сосудов на форме-основе (на другом готовом сетчатом сосуде) или использования фрагментов сетчатой керамики в качестве наковаленок при выколачивании сосуда [3, с. 167]. Негативные сле-

ды сетчатого декора на внутренней поверхности сосудов встречается в 5 из 46 сосудов алданских комплексов, в рассмотренных сосудах из среднененских памятников идентичные следы не обнаружены. Подобные следы на сылахских раннеолитических материалах встречаются редко, и внутренняя поверхность сосуда имеют гладкую поверхность, что может свидетельствовать о намеренном затирании негативных отпечатков сетчатой кера-

мики. Гладкая поверхность сосуда могла образоваться и вследствие использования окатанной гальки в качестве наковаленки при выбивании стенок сосуда после ее формовки на другом готовом сосуде в качестве формы-основы.

Наименее изученным следом-признаком, отражающим существенные стороны конструирования сосуда, являются желобчатые негативные следы на продольных изломах вследствие соединения конструктивных элементов стык в стык. Данный признак может свидетельствовать о наличии технологической традиции конструирования начина по емкостной программе путем изготовления лоскутным налепом всех конструктивных элементов или только одну из них на форме-основе с последующим соединением их стык в стык. Экспериментальная проверка данной гипотезы подтвердила возможность образования данного рода следов вышеописанным способом. Косвенным подтверждением достоверности предположения о емкостном конструировании начина является распад сосуда по спаям соединения конструктивных зон, параллельным срезом венчика [3, с. 137]. Определенно установленный случай распада сосуда по спаям соединения конструктивных зон не зафиксирован на алданских и средненеленских стоянках, пока только на виллюйских, однако все подобные случаи распада сосудов по конструктивным частям сопровождается фактом распада венчика параллельно бортику, видимо венчик сосуда дополнительно оформлялся жгутиком, что безусловно является только косвенным признаком емкостной программы конструирования начина. Возможно, такая траектория распада сосуда по частям обнаружена на одном из сосудов многослойной стоянки Сумнагин I.

В результате анализа изломов сыалахских ранненеолитических сосудов выявлены общие особенности традиций составления формовочной массы:

- преобладают несмешанные одно- и двухкомпонентные рецепты составления формовочных масс;
- исходным пластичным сырьем служили запесоченные и ожелезненные глины;
- для двухкомпонентных рецептов создания формовочных масс в качестве

устойчивой традиции выделяются шамот и возможно дробленые породы.

Технико-технологический анализ керамических коллекций сыалахской культуры позволил нам выявить структуру культурных и технологических традиций алданских и средненеленских археологических памятников. Для «эталонных» алданских комплексов выявлены следующие традиции формовки и конструирования: конструирование полого тела сосуда лоскутным налепом; формовка сосуда посредством выбивания лопаточкой, обмотанной плетеной сеткой, в процессе конструирования; изготовление сосуда полностью (или частично) на форме-основе в виде готового сетчатого сосуда; конструирование начина сосуда по емкостной программе (возможно зонально-кольцевой лоскутный налеп). Данные технологические традиции находят четкие аналогии с ранненеолитической сетчатой керамикой Байкало-Енисейской Сибири (8,5–6,9 тыс. кал. л. н.) [10, с. 49]. Технико-технологический анализ и сравнительное сопоставление сыалахских ранненеолитических керамических комплексов алданских и средненеленских памятников продемонстрировали тождественность и идентичность культурных традиций, гипотеза о сосуществовании нескольких гончарных традиций и тем более предположение о бытовании традиций ленточного налета не подтвердились. Вышеперечисленные технологические традиции гончарства полным списком были обнаружены в алданских материалах, в средненеленских – фиксируются практически все выявленные следы технологических операций, кроме следов конструирования на форме-основе. Тем не менее среди керамических комплексов стоянок долины Туймаады выявлены в первую очередь признаки наращивания сосуда лоскутными налетами и признаки емкостного конструирования начина, о чем свидетельствуют желобчатые негативные следы в продольных изломах вследствие соединения конструктивных элементов стык в стык. Навыки конструирования начина и полого тела сосуда считаются одними из самых устойчивых и консервативных гончарных традиций, т. е. вследствие контакта с другими традициями эти навыки меняются в последнюю оче-

редь [6, с. 125]. В совокупности данных орнаментального облика, морфологических особенностей, формы сосуда и формовочных масс можно предположительно говорить о культурном единстве раннеолитического населения Алдана и Средней Лены и более адекватно относительно структурных связей сыалахской культуры нам представляется монокультурная модель историко-культурной ситуации. На основании соотношения навыков конструирования начина, полого тела сосуда, формообразования, навыка составления формовочных масс, орнаментальных традиций и морфологических характеристик можно предположить об определенных аспектах происхождения сыалахской культуры, которая, вероятно, образовалась в результате не нескольких волн миграций, а одной, что лаконично объясняло бы, в целом, монолитный характер технологических и культурных традиций.

Обобщая результаты сравнительного анализа сыалахских раннеолитических керамических комплексов Средней Лены и Алдана, выделим следующие выводы:

- в плане морфологических признаков, орнамента, формы сыалахской сетчатой керамики, сосуда данного типа характеризуются простотой, относительной устойчивостью и, в целом, однотипностью;
- существенные сходства наблюдаются в традициях составления формовочных

масс сыалахской сетчатой керамики: одно- и двухкомпонентные рецепты формовочных масс, с запесоченным и ожезненным глинистым сырьем и устойчивой традицией включения в тесто шамота и возможно дресвы;

– посредством технико-технического анализа и серий экспериментов удалось реконструировать содержание технологических традиций конструирования и формовки сетчатой керамики сыалахского типа: лоскутное наращивание тела сосуда, выбивание стенок сосуда в процессе конструирования сосуда, формовка сосуда на готовом сетчатом сосуде в качестве формы-основы и емкостная программа конструирования начина возможно зонально-кольцевым лоскутным налепом. В результате сравнительного анализа на средленских комплексах были выделены следы конструирования сосуда отдельными конструктивными зонами по емкостной программе, а также конструирование сосуда лоскутным налепом;

– соотношение культурных и технологических традиций указывают на культурное единство и однородность раннеолитического населения Алдана и Средней Лены и подтверждает монокультурную модель историко-культурной ситуации сыалахской культуры, что также может уточнять некоторые аспекты генезиса этой культуры.

Список источников и литературы

1. Дьяконов В. М. Отчёт об исследованиях в долине Туймаады археологического отряда Музея археологии и этнографии ЯГУ за 1996–1997 гг. Якутск, 1998 // Архив МАЭ СВФУ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 76.
2. Дьяконов В. М. Отчёт об исследованиях в долине Туймаады Якутского отряда археологической экспедиции ЯГУ в полевой сезон 1998 г. Якутск, 1999 // Архив МАЭ СВФУ. Ф. 3. Оп. 1. Од. хр. 87.
3. Уланов И. В. Древнее гончарство неолита юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. Иркутск, 2022. 260 с.
4. Алексеев А. Н. Древняя история Якутии: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 114 с.
5. Аргунов В. Г. Проблемы происхождения и развития сыалахской раннеолитической культуры Северо-Восточной Азии // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: материалы междунар. конф. (22–25 марта 1994 г.). Владивосток: Дальпресс, 1996. С. 11–15.
6. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
7. Дьяконов В. М. Некоторые данные о способах керамического производства в неолите Якутии // Историческая наука и образование в Якутии на рубеже веков: материалы науч.-практ. конф., посв. 90-летию И. М. Романова (декабрь 1999 г.). Якутск: ЯГУ, 2002. С. 62–65.

8. Дьяконов В. М. К проблеме перехода от позднего неолита к бронзовому веку в археологии Якутии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 37. С. 104–108.

9. Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. Якутск. АН Республики Саха (Якутия), Центр арктической археологии и палеоэкологии человека, 2013. Т. 2. 489 с.

10. Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Бердникова Н. Е., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Абрашина М. Е., Крутикова К. А., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Когай С. А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2020. Т. 33. С. 23–50.

11. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 430 с.

Информация об авторах

Дьяконов Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, arkh_muz@mail.ru

Степанов Михаил Владимирович, лаборант-исследователь, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), г. Якутск, Россия, mikhailstep2002@gmail.com

Information about the authors

Dyakonov Viktor M., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; Institute of Humanitarian Research and Problems of Small Peoples of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, arkh_muz@mail.ru

Stepanov Mikhail V., Laboratory Research Assistant Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia, mikhailstep2002@gmail.com

УДК 908(571.5)

Костяные остроконечники особого типа в арсенале древнего населения Восточной Сибири и современных юкагиров (начало XXI века)

Людмила Николаевна Жукова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Россия
zjukova@mail.ru*

Статья посвящена костяным наконечникам – наконечникам из метаподий или сланцевых костей животных, известным среди артефактов археологических памятников Восточной Сибири с верхнего палеолита до наших дней. Костяные шила встречаются в материалах стоянок, жертвенников и грунтовых погребений на территории Якутии, Верхней Лены, Бурятии, Северного Приангарья и на Кольском полуострове. Из-за специфической формы кость перед использованием практически не обрабатывалась, иногда ее полировали и наносили резные украшения. Древние костяные шила обнаружены в орудиях современного юкагирского населения тундры – низовьев рек Яны и Колымы, где заостренный предмет, изготовленный из метаподии лося, имеет универсальное применение: во время еды, как вилка для мяса, как шило и для других ремесленных и хозяйственных нужд. В арктической зоне на протяжении тысячелетий вплоть до этнографической современности древний артефакт сохранял утилитарную функцию. Однотипные предметы, запечатленные в различных бытовых сценариях, позволяют фрагментарно воссоздать реалии прошлого и продемонстрировать адаптивность орудий из природных материалов в хронологическом диапазоне.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, хронологический диапазон, универсальность, природный материал, шило-вилка, аборигенная культура, продление

Bone Points of a Special Type in the Arsenal Ancient Population of Eastern Siberia and Modern Yukaghirs (ears 21st century)

Lyudmila N. Zhukova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
 zjukova@mail.ru

The article is devoted to bone points – points made from metapodia or slate bones of animals, known among the artifacts of archaeological sites of Eastern Siberia from the Upper Paleolithic to the present. Bone awls are found in materials from sites, altars, and ground burials on the territory of Yakutia, the upper Lena, Buryatia, the Northern Angara region, and on the Kola Peninsula. Due to its specific shape, the bone was hardly processed before use; sometimes it was polished and carved decorations were applied. Ancient bone awls were found in the tools of the modern Yukaghir population of the tundra - the lower reaches of the Yana and Kolyma rivers. Where a pointed object made from elk metapodium has universal use: during meals, as a fork for meat, as an awl, and for other craft and household needs. In the Arctic zone, for thousands of years until ethnographic modernity, the ancient artifact retained a utilitarian function. The same type of objects captured in various everyday scenarios make it possible to fragmentarily recreate the realities of the past and demonstrate the adaptability of tools made from natural materials in a chronological range.

Keywords: Eastern Siberia, chronological range, versatility, natural material, awl fork, aboriginal culture, prolongation

Костяные остроконечники – острия из метаподий или грифельных костей животных – известны среди артефактов археологических памятников Восточной Сибири от верхнего палеолита (Янская стоянка) [17] до современного функционирования. На территории Якутии костяные шилья имеют широкую географию распространения: на стоянках и захоронениях средней и нижней Колымы, Индигирки, средней Лены (захоронения женское Родинское, детское Каменка II, на стоянках Большая Кюскэ, Улахан Сегеленнях, Бурулгино, жертвенника Суруктаах-Хая) периода неолита – бронзового века [1, с. 30–32, 37–39 (табл. 5, 13, 13, 15, 20, 23, 7, 28, 1, 39, 17); 5; 9, с. 82 (табл. IV, 8, с. 84, табл. VI, 4); 15, с. 27; 18].

Сходные орудия из расколотых метаподий косули изготавливали в Северном Приангарье в раннем голоцене [11], авторы реконструируют способы первичной обработки кости. Из-за специфической формы кость перед употреблением почти не обрабатывали, иногда шлифовали, наносили резные украшения. Изделие из 8 слоя стоянки Улахан Сегеленнях украшают шесть коротких горизонтальных насечек под рукоятью, ниже вырезан косой крест. А. Н. Алексеев интерпретирует изделие как «подвеска» из миниатюрной грифельной кости (метаподии) [1, с. 39 (табл. 28, 1)].

Древнейшие подобные изделия в восточносибирской Арктике, а именно Яно-Индигирской низменности, относящиеся к самому началу среднего этапа верхнего палеолита, обнаружены и исследованы В. В. Питулько и Е. Ю. Павловой. На Янской стоянке (нижнее течение р. Яны; 28 900–26 900 ¹⁴С л. н.) собран внушительный набор инструментов для швейного производства, состоящий из костяных игл, шильев, проколов. Среди шильев (минимальное число составляет не менее 42 экз.), сделанных преимущественно на сколах со стенок трубчатых костей оленя, 10 изделий изготовлены из грифельных костей лошади. Грифельные шилья имеют минимальную обработку или вообще без нее, с заполированностью и со следами длительного использования [17 (рис. 6, 1; 16, 15, дл. 13–15 см)].

В культурных слоях и сборах стоянки Бурулгино (нижняя Индигирка, поздний неолит) собрана серия костяных остроконечников [18, с. 135, 136 (рис. 85, 2, 86, 4, 5), с. 198, 199]. Среднеколымская кратковременная стоянка Каменка II включает грунтовую могилу детей [5]. Кроме украшений и предметов магии в погребении найдены орудия. Трём костякам детей соответствуют три колюще-режущих предмета (рис. 1) [6, с. 223 (рис. 118)].

Рис. 1. Каменка II. Инвентарь из детского захоронения: 1, 2 – бусы из створок раковин; 3 – фрагмент вафельной керамики; 4, 5 – каменные ножи; 6 – шило из метаподии лося [6, с. 223]

Между черепами мальчика и девочки одно на другом лежали шило из метаподии лося длиной около 12 см и тщательно обработанный со всех сторон нож из халцедона. Ниже возле останков новорожденной девочки слева находился миниатюрный ножичек из кремня. Каменные ножи являлись необходимыми предметами домашнего обихода и находились слева от костяков девочек, а костяное шило – справа от костяка мальчика (местонахождение предметов согласуется с древней системой парных классификаторов: женское – левое, мужское – правое). Ножи, по определению В. А. Кашина, тяготеют к североазиатским памятникам (нижняя Индигирка, нижняя Колыма, Чукотка), шило близко по форме нижеиндигирскому изделию из

поздненеолитической стоянки Бурулгино [5, с. 81].

В сопроводительном инвентаре другого неолитического захоронения в нижнеколымской тундре – Родинского женского – имеются два таких изделия. Одно изготовлено на продольном расколе метаподии(?), другое – цельное из грифельвидной кости [9 (табл. IV, рис. 8; табл. VI, рис. 4)]. С. П. Кистенев датировал памятник средним неолитом, однако В. А. Кашин и В. В. Калинина убедительно доказали его поздненеолитический возраст ($4100 \pm 100 - 3300 \pm 100$ л. н.) [7]. С. П. Кистенев [10, с. 78] обе костяные находки сравнивает с проколками и шильями из костей лося/оленя погребений Большого Оленьего острова на Кольском полуострове, однако ближайшие аналоги находим к востоку от Колымы в жилищах Баранова мыса в бухте Сарычева, сходные с эскимосскими [14, с. 67, 68, 172 (табл. VIII, 1-4)], на верхней Лене [12, с. 121 (рис. 5, 7)], в Бурятии (Фофановский и Бухусанский могильники) [3, с. 24 (рис. 9), с. 93 (рис. 77, 1, 2), с. 95 (рис. 78, 2)], на нижней Ангаре (Серово, Аносово, Распутино, Заярск, Исаково, Братский Камень) [13].

Рукоять изогнутого шиловидного острья из погребения № 2 возле деревни Аносово оформлена в виде человеческой головы, ниже орнаментирована вырезанными косыми крестами и насечками. На одном ребре выемка с 4 зубцами. «Изящна и совершенна вся техника описываемого изделия, тонкость которой соответствует общему характеру стилизованного миниатюрного художественного произведения» [13, с. 94, 95, 267 (табл. 110, 1)]. Материалы глазковских погребений «содержат крупные костяные остря, изготовленные из локтевых костей хищного зверя, аналогичные кинжалам из кости медведя, которыми пользовались эскимосы» [8, с. 122]. На поселении Арын-Жалга в Юго-Восточном Забайкалье (первая половина III тыс. до н. э.) крупные проколки-шилья изготовлены из грифельных костей животных и птиц (дл. 16–17 см). «В зависимости от формы костей варьируют и формы проколов. Все они выделялись с помощью шлифовки поверхности. Особенно тщательно шлифовался острый круглый в

поперечном сечении рабочий край. В отдельных случаях основание проколов подправлялось несколькими срезами и подшлифовкой, а иногда орнаментировалось нарезными горизонтальными полосками» [16, с. 83–85 (табл. XLI, XLII)].

Украшения просматриваются на верхних частях некоторых шильев и игл Янской стоянки. На основании анализа расположения, числа и мотивов орнамента (точки, насечки) на костяных иглах и их обломках (20 экз.) авторы исследования пришли к определенным выводам. В частности, «количество точек на иголках, вероятно, является знаком собственности и характеризует принадлежность предмета конкретному человеку... на Янской стоянке шитьём занималось как минимум девять разных людей» [17, с. 191]. Из общего числа шильев (61 экз.) следы полировки имеют 49, орнамент – 11 экз. На двух ребрах одного из шильев и по краям его обеих плоских поверхностей нанесён орнамент — разметка или шаблон в виде регулярных коротких штрихов, перпендикулярных продольной оси изделия, с шагом 2–3 мм [Там же, с. 197]. Авторы считают, кроме портновских целей, «шильями часто пользовались для работы с твёрдым материалом, например, для развальцовки/развёртки отверстий в костяных поделках, скорее всего, в бусинах, подвесках из зубов животных, диадемах, или использовали муфту для преодоления сопротивления плотной среды... штриховая разметка по краю изделия, которая, с большой долей вероятности, имела функциональное назначение и представляла собой либо мерный инструмент, либо трафарет, задающий шаг стежка, либо инструмент контроля качества, либо и то, и др.» [Там же, с. 198, 200]. Штриховые нарезки по краю, возможно, имели еще одну функцию – у современных мастериц народов Севера схожие нарезки

нанесены по краю кроильной доски из дерева, предназначались для разминания твердых швов. Насечки на янских шильях могут обозначать личную собственность или быть счетными знаками.

Интересно, что древние костяные шилья обнаружены в инструментарии современного юкагирского населения тундровой зоны – нижнего течения рек Яны и Колымы. На выставке прикладного искусства в г. Якутске в 2021 г. устьянская юкагирка В. В. Рожина (1949 г. р.) представила аналогичный предмет из грифельной кости лося, которым еще недавно пользовались во время еды в качестве *лавдии* «вилка» для мяса, длина до 15 см (рис. 2), по-якутски *хоторор*. В верхней части орудия просверлено сквозное отверстие с продетым кожаным ремешком-украшением. Тогда же информант сообщила, что семья жила в пос. Юкагир Усть-Янского района Якутии, ее бабушка такой вилкой доставала вареное мясо, потроха из горячего котла. У всех членов семьи были свои вилки. Вилки естественной природы и формы, их получали при вываривании на холодец ножных костей лося/оленя. Не украшали, только в верхней части проделывали отверстие для продевания ремешка из ровдуги. Использовали как шило при шитье изделий из твердых шкур, например, сшивании щеток с ног оленя для подошвы зимней промысловой обуви. Величина *лавдии* была разной в зависимости от возраста животного. Конец дополнительно не затачивали. Тот же предмет универсального пользования с вариантом написания *лэвдии* известен тундровым юкагирам р. Колымы [2, с. 36]. Обнаруживается, что в арктической зоне в междуречье Яны и Колымы на протяжении тысячелетий вплоть до этнографической современности древний артефакт сохранял утилитарную функцию.

Рис. 2. Вилка-шило из метаподии лося. Тундровые юкагиры. 2021 г. (фото автора)

На Янской стоянке шилья и иглы сосредоточены в основном в приочажной части, и это резонно: на очаге готовили пищу, рядом ее потребляли с применением костяных вилок, очаг дает свет и тепло, здесь иглами и шильями шили одежду и другие изделия из мягких материалов. Мужчины использовали остроконечники из кости при изготовлении и ремонте промышленного и другого инвентаря. По определению исследователей на Янской стоянке шитьём занимались как минимум девять разных людей, этому числу соответствуют 10 найденных шильев из грифельных костей лошади, вероятно, бывших в употреблении и как предметы кухонного обихода.

Таким образом, костяная вилка *лэвди* относится к древнейшим столовым приборам, одновременно ее могли применять в качестве шила-провертки для разнообразных работ повседневной востребованности. Индивидуальный предмет иногда украшали орнаментами, вероятно, знаками личной собственности. Не исключено, что с полифункциональным «применением» орудие было положено в поздне-неолитическое захоронение рядом с ребенком. Также вероятно аналогичное назначение орнаментированной «подвески» из миниатюрной грифельной кости животного со стоянки Улахан Сегеленнях.

Широк хронологический и географический ареал распространения древней универсальной вилки-шила из кости, до появления изделий из железа известной населению огромного региона от Юго-Восточного Забайкалья до арктических тундр Восточной Сибири. Вариант в железном исполнении бытовал у эвенков р. Оленек на северо-западе Якутии (рис. 3). Крюк для вытаскивания мяса из котла (дл. 45,5 см), по-эвенкийски *урубин*, по-якутски *хоторор*, изготовлен способом кузнечнойковки. Верхняя часть с кольцом плоская, нижняя с загнутым крюком – прямоугольная, между ними символ солнца – зубчатый полукруг [19, с. 44]. Древний костяной предмет сохранился не только в народной памяти охотников и оленеводов тундры, но продолжает функционировать на современном историческом этапе.

Добавим, что в захоронении детей на средней Колыме найден единственный

фрагмент поздне-неолитической керамики, он находился на черепе мальчика. Фрагмент глиняного сосуда и сопровождающие детей столовые предметы имеют символическое бытовое и сакральное значение. Юкагиры-язычники верят, что тени/души умерших оказывают помощь живущим родственникам, души предков вновь реинкарнируют с новорожденным ребенком. С этой точки зрения вилка является символом обеспеченности едой, мясом, успешного промысла, то же значение имеет символ глиняного котла, а ножи – это женские инструменты для разделки мяса. Желанное благополучие семьи юкагира сформулировано в сказочном тексте: «Мяса на дворе с дом величиной лежало» [4]. Согласно языческим воззрениям, сопровождавшие умерших предметы предназначались для «обеспечения едой» их теней/душ в ином мире и для посылки промысловой удачи живущим родичам.

Рис. 3. Крюк для мяса. Железо,ковка. Эвенки северо-западной Якутии [13]

Немаловажное значение при реконструкции сюжетов древней повседневности обитателей тайги и тундры имеют сохранные временем артефакты, так называемые культурные окаменелости. Запечатленные в различных житейских сценариях однотипные предметы (вилка-шило около кострища, в жилище, в захоронении) позволяют фрагментарно вос-

создать реалии прошлого, демонстрируют в хронологическом диапазоне высокую степень адаптации инструментария из природных материалов. Они актуализируют значимость сохранения традиционных промыслов аборигенного населения в целях поддержания культурного разнообразия в суровых климатических условиях Арктики и Субарктики.

Список литературы

1. Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1996. 144 с. (Серия «История и культура Востока Азии»).
2. Данилова А. А. Бытовая лексика юкагирского языка: материальная культура. Новосибирск: Наука, 2004. 88 с.
3. Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 158 с.
4. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 270 с.
5. Кашин В. А. Неолитическое захоронение детей на средней Колыме // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 2. С. 78–81.
6. Кашин В. А. Неолит средней Колымы: сб. тр. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
7. Кашин В. А., Калинина В. В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Северовед, 1997. 109 с.
8. Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки (в связи с юкагирской проблемой). М.: Наука, 1993. 221 с.
9. Кистенев С. П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 74–87.
10. Кистенев С. П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 68–83.
11. Клементьев А. М., Роговской Е. О. Фаунистическая коллекция млекопитающих многослойного местонахождения Остров Лиственничный (Северное Приангарье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита: ЗабГУ, 2013. Ч. 2. С. 207–211.
12. Ветров В. М., Бердникова Н. Е., Алтухов В. В., Фролов А. В. Макрушинский могильник. Ранненеолитический комплекс // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ин-та, 1995. С. 112–132.
13. Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.
14. Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск: Наука, 1971. 214 с.
15. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 271 с.
16. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
17. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // Археология и культурная антропология. 2019. № 1. С. 157–224.
18. Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.
19. Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра. Музеи Республики Саха (Якутия): каталог / гл. ред. Е. С. Шишигин. Якутск, 2009. 128 с.

Информация об авторе

Жукова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, zjukova@mail.ru

Information about the author

Zhukova Lyudmila N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Archeology, Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, zjukova@mail.ru

УДК 902:908(571.54\55)

Террасовая археология Забайкалья**Михаил Васильевич Константинов¹, Александр Васильевич Константинов²**^{1,2}*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*¹mk-rus@mail.ru, ²konstant1956@mail.ru

В сибирской археологии странным образом сохраняется неприязнь к аллювиальным отложениям надпойменных террас как неперспективным. В силу этого кровля речных песков принимается за материк, который, если и стоит прокопать, то только на штык, для отчёта. Исследования в Забайкалье позволили выявить культурные слои (КС) на всех уровнях пойменных отложений I–IV террас. Особый интерес представляет позиция КС в основании разрезов отложений на поверхности древних галечников. В аллювиальных КС выявлены основания жилищ с каменными обкладками. Жилища обогревались одним или несколькими очагами. В покровных отложениях II–IV террас (делювиальных с включением палеопочв позднесартанского и каргинского времени) также представлены культурные слои, отчасти повреждённые мерзлотными процессами. Наиболее интересны многослойные памятники, такие как Студёное-1 (38 КС), Студёное-2 (15 КС), Усть-Менза-1 (25 КС), Усть-Менза-2 (34 КС), Алтан (19 КС), Косая Шивера-1 (14 КС).

Ключевые слова: Забайкалье, террасы, аллювий, делювий, плейстоцен, голоцен, культурные слои, жилища, Студёное, Усть-Менза

Transbaikal Terrace Archaeology**Mikhail V. Konstantinov¹, Alexander V. Konstantinov²**^{1,2}*Transbaikal State University, Chita, Russia*¹mk-rus@mail.ru, ²konstant1956@mail.ru

Strangely enough, but the Siberian archaeology retains a certain resentment to alluvial deposits of supra-floodplain terraces as being unpromising. Therefore, it considers the top layer of the river sands as the mainland, and when the latter is worth excavating, a few spadefuls should be enough to compile a report. Studies in Transbaikal region have allowed to identify cultural layers (CL) at all levels of floodplain deposits of I–IV terraces. The position of cultural layers at the base of sediment sections on the surface of the earliest pebble-beds is of particular interest. Dwelling bases with stone lining were identified in alluvial cultural layers. One or two hearths were used to heat up the dwelling. Covering sediments of terraces II – IV (dealluvial with inclusion of palaosols of Late Sartan and Kargin sky times) also contain cultural layers, partly damaged by permafrost processes. Most interesting are the multilayer sites such as Studyonoye-1 (38 CL), Studyonoye-2 (15 CL), Ust-Menza-1 (25 CL), Ust-Menza-2 (34 CL), Altan (19 CL), Kosaya Shivera1 (14 CL).

Keywords: Transbaikal region, terraces, alluvium, deluvium, Pleistocene, Holocene, cultural layers, dwellings, Studyonoye, Ust-Menza

Полевые исследования в течение полувека в Забайкалье, как и знакомство со многими памятниками археологии Сибири, состоявшееся благодаря содействию коллег, позволяют высказать некоторые соображения общего характера.

В сибирской археологии странным образом сохраняется неприязнь к аллювиальным отложениям надпойменных террас как неперспективным. В силу этого кровля речных песков принимается за материк, который, если и стоит прокопать, то только на штык, для отчёта [3, с. 140–146].

Действительно, вскрывать аллювий нелегко и даже, вроде бы, нелогично: может ли сохраниться что-либо полезное в

условиях речного потока?! В 1975 г в нашей экспедиции окрепла идея о необходимости безотлагательной проверке перспективности аллювия. В урочище Студёное, на 9-метровой террасе был поставлен шурф, и в слое почвы, а затем в подпочвенной бурой супеси были обнаружены артефакты. Ниже начинался светлый песок, не сулящий при традиционных подходах особых надежд. В связи со специально сформулированной задачей, выраженной девизом «Копать до конца!» (т. е. до галечника, цоколя или воды), вскрытие продолжилось. Шурф 2×2 м превратился во врезку, открытую в сторону реки. Постепенное углубление в слоистые отложения заста-

вило оставлять ступени. На глубине порядка 5 м в связи с полным отсутствием находок появились соображения о пустой трате времени и сил. Ещё пара дней потребовалась для того, чтобы добраться до глубины 6,12 м и найти отщеп, фалангу носорога и серию речных валунов, явно принесённых человеком. Так был обнаружен палеолитический слой в нижней части аллювиальных отложений древней террасы. На свободном пространстве изучение отложений доведено до галечника (ещё на метр ниже).

В дальнейшем данный памятник получил название Студёное-2, терраса определена как П надпойменная. Аллювий отнесён к сартанскому времени. За многие годы раскопок на этом поселении изученная площадь составила 817 кв. м. Выявлено 15 культурных слоёв (КС), причём 11 из них связаны с аллювием. Слои с находками открывались на разных участках, поэтому единая нумерация получилась условленной — 1 А, 1 Б, 2, 3, 4/1, 4/2, 4/3, 4/4, 4/5, 4/6, 5, 6, 7/1, 7/2, 8. Аллювиальные КС начинаются с 4/1. Слой из аллювия, выявленный в первом шурфе, стал в итоге по обозначению пятым, а по позиции десятым. Его возраст – с учётом радиоуглеродных датировок – около 18 тыс. лет.

Одновременно изучалось поселение Студёное-1, расположенное на I террасе высотой 6 м. Вскрытие отложений до галечника с постепенным расширением раскопного поля до 1060 кв. м позволило зафиксировать 38 культурных слоёв, из них 36 слоёв оказалось связано с аллювием – ранне-среднеголоценовым и позднеплейстоценовым. В разрезе отложений галечник перекрывает пойменный аллювий (с выраженной чёткой слоистостью) позднесартанских потеплений. Кровлей для него служит норильский песок, от которого нисходят морозобойные клинья. В бореальное время происходил врез и перерыв в осадконакоплении. В атлантическое время возобновилось аллювиальное накопление, отмеченное большой серией чёрных илистых в основе прослоек [4, с. 277–280].

Такое же строение отложений установлено на Усть-Мензе-1 с 25 культурными слоями, на Алтане с 19 слоями, на Косой Шивере-1 с 14 слоями. Возвращение на

стоянки из научного наследия А. П. Окладникова, такие как Мухино и Посольское, показало, что они также являются многослойными, причём большинство КС связано с аллювием всё той же по характеру I террасы.

Опыт изучения аллювиальных отложений был умножен в процессе раскопок древних поселений на П террасе Усть-Мензинского урочища. Так, на поселении Усть-Менза-2 открыто 34 слоя, на Усть-Мензе-3 – 7 слоёв [5, с. 302–306]. В другом районе Забайкалья, на Ингоде, на Сухотино-4 известно 18 слоёв [8, с. 12–29]. По нашим представлениям русловой аллювий П террасы формировался в позднекаргинское время, пойменный аллювий в сартанский период (гыданьско-ньяпанские стадии).

Существенность результатов не означает лёгкости в их достижении. Для начала надо выверить место для постановки шурфа. Именно «постановки», что предполагает расчёт и анализ, помноженные на опыт. Вряд ли возможен шурф в виде колодца малых размеров. После 2 м проходки он станет опасным, поскольку аллювиальные пески весьма сыпучие. Ещё одна опасность таится в оттаивающей мерзлоте: в Забайкалье мерзлота (даже в середине лета) встречается часто, на глубинах 2–5 м. Если необходимо достичь отметок в 5–6 м, то квадратный шурф должен быть со сторонами не менее 5–6 м. Шурф может и не дать находок, поскольку в аллювиальных слоях структуры и артефакты располагаются локально. Иногда и представительные раскопы (например, 5 на 10 м) не дают результатов, особенно, если не достанет терпения довести его до конца, т. е. до галечника.

Ещё одна ответственная проблема сибирского палеолитоведения – жилищная [6]. Замечено, что в реальной практике не только поискам, но и описаниям жилищ не уделяется достаточного внимания. Основным объектом изучения остаются артефакты и экофакты (кости животных), дополненные отбором проб на разные виды анализов. Факт выявления жилищ только упоминается с возможным допуском вероятности. Нашей экспедицией выявлена выразительная серия жилищ в аллюви-

альных отложениях, которые их замечательно сохраняют.

Экспедиционный опыт подсказывает, что очень важно обращать внимание на появление в отложениях речных валунических как индикаторов культурного слоя. Они использовались в верхнем палеолите как строительный материал. Камни определённых форм и параметров подбирались на берегу реки. Предпочтение отдавалось основательно оглаженным водой, приземистым, с широкой устойчивой поверхностью, размерами 30×40×20 см.

Результат в поиске жилищ достигается неизменным сохранением на месте всех камней как строительных элементов, вскрытием обширной площади, межсезонной консервацией намечающихся структур, иногда многократно повторяющейся с целью достижения полной ясности в понимании планиграфической ситуации. Источником для анализа является реальная картина, визуально наблюдаемая в поле раскопа, а вместе с тем дополняющие друг друга технические, выполненные в выразительном масштабе, планы с детально зарисованными и промеренными структурами.

Существенно отметить, что на трёх памятниках выявлены жилища в основании разрезов отложений I и II террас. Это такие памятники как Студёное-1, Студёное-2, Усть-Менза-1. Жилища располагались непосредственно на поверхности древних галечников (с заполнителем из дресвы, гравия и песка), что особенно подчёркивает полезность и правомерность раскопок до полного исхода рыхлых отложений. Жилища представлены внешними обкладками из речных камней. Внутри каждого жилища был очаг или кострище, а также каменные изделия и фаунистические останки.

Многие жилища с обкладками из камней выявлены на надгалечных аллювиальных уровнях: верхних, средних, нижних. Нередко жилища располагаются прямо друг над другом, образуя 5–6 «этажей» с перекрытиями в виде стерильных слоёв. Жилища разделяются на два вида; округлые одноочажные и овальные многоочажные. Первые реконструируются как конические формы и соотносятся с этнографическими чумами. Вторые – с 2, 3, 4, 5 или 6

очагами по одной оси – интерпретируются как длинные жилища с опорной коньковой жердью, конические в поперечном разрезе и трапециевидные в продольном, в чём-то соответствующие большим ирокезским строениям. Каркас жилищ сооружался, судя по всему, из тонких прямоствольных деревьев (сосна, лиственница), превращённых в жерди (шесты). В традициях нашей экспедиции – строительство такого рода жилищ с целью экспериментов, учебных и экскурсионных демонстраций.

На поселении Усть-Менза-2 в нескольких культурных слоях выявлены поселенческие пространства (на площади для каждого слоя по 850 кв. м), включающих в себя большие и малые жилища; жилища полностью сохранившиеся, или только частично, в том числе в связи с тем, что они могли перестраиваться или перемещаться на соседнее место их обитателями. Жилища имеют выразительные очаги, выложенные речными камнями по контуру или по всей поверхности. Поселения дополнялись загородами, заслонами и другими конструкциями, от которых сохраняются линейные структуры. Зафиксированы также склад-запасы речных камней как строительного и орудийного материала.

Культурные слои, связанные с тонкими илистыми или суглинистыми прослоями, многократно повторяющиеся в разрезах отложений, содержащие разнообразные поселенческие структуры; абсолютно доказательны с позиции признания полезности и результативности изучения аллювия. Археологический поиск показывает, что формирование пойменных аллювиальных отложений, несомненно, происходило дискретно, с перерывами, во время которых созданные ими поверхности, поднятые над водным потоком на несколько метров, использовались древними людьми как места обитания.

Аллювий III и IV террас также представляет интерес для археологов. Маломощный слоистый аллювий III террасы на Мельничном-1 содержит единичные артефакты и кости. Такие же находки выявлены на разных уровнях муруктинского аллювия IV террасы на Усть-Мензе-5 [7]. Самая представительная серия артефактов обнаружена в основании муруктинского

аллювия, на цоколе IV террасы на стоянке Коврижка; совершенно бесспорно их отношение к среднему палеолиту [1].

Древние террасы имеют в своём строении не только аллювиальные отделы, но и верхние покровные образования, также весьма информативные, но при условии их правильного расчленения [2, с. 29–31]. Сложность работы с ними в условиях аридного Забайкалья состоит в их однообразной цветовой гамме и слабых градациях мехсостава. Большим достижением забайкальской геоархеологии является идентификация в разрезах II–IV террас позднесартанских палеопочв, настолько скрытых, что даже лидеры в области изучения позднечетвертичных отложений, систематически работающие с археологами, научились их замечать только после неоднократного (и многодневного) посещения поселенческих объектов. Так, на Усть-Мензе-2 их выделил А. Ф. Ямских (Красноярск), на Студёном-2 – И. Н. Резанов (Улан-Удэ), на Приисковой – С. М. Цейтлин (Москва). Опираясь на их наблюдения, нами определены позднесартанские палеопочвы на поселении Куналей, что в дальнейшем подтверждено С. М. Цейтлиным. Данные палеопочвы являются отражением кокоревско-таймырских потеплений (бёллинг-аллерёд). Фактически они выглядят как две параллельные тонкие прослойки (6–10 см), чуть более тёмные и плотные, разделённые примерно такой же, но осветлённой песчаной прослойкой (безымянной). Позднесартанский педокомплекс перекрывают аллювий, а кровлей для него самого является уплотнённая карбонатизированная супесь норильского времени (поздний дриас), столь холодного, что в самом его начале возникают морозобойные трещины, рассекающие нижележащие отложения на несколько метров. В каждой из выделенных прослоек сохраняются культурные проявления, представленные не только рассеянными артефактами, но и жилыми структурами. Так, на Усть-Мензе-2 с этими уровнями связано три культурных слоя: в норильской прослойке – КС 3; в позднесартанской средней (промежуточной, безымянной) и нижней (кокоревской) прослойках – соответственно, КС 4 и 4/2. На Студёном-2 только в нижней палео-

почвенной прослойке (КС 3); напротив, на Усть-Мензе-4 – только в верхней, таймырской (КС 2).

Выше норильского слоя, являющегося финальноплейстоценовым, залегают голоценовые отложения, в которых сохраняются остатки деградированных палеопочвенных прослоек бореального и атлантического времени; их можно заметить при длительных наблюдениях за разрезом отложений при разном освещении и степени высыхания. На Студёном-2 с такого рода прослойкой связан КС 2. Как правило, в кровле покровных отложений, в слоях подпочвенном (суббореальном) и дерново-почвенном (субатлантическом) залегают богатые материалом слои эпохи бронзы (палеометалла).

Ещё одна существенная проблема в изучении покровных отложений террас связана с определением позиции, характера и строения педокомплекса последнего межледниковья (каргинского). Коренные изменения в оценках произошли после того как была разъяснена ситуация с позднесартанским педокомплексом, он оказался значительно выше в разрезах отложений и совершенно маломощным, едва заметным. Позднекаргинские отложения в виде палеопочвенных прослоек проявляют себя в подошве покровных отложений III террасы. Тонкие прослойки представлены так ритмично, что возникает соображение о продолжающихся подтоплениях поверхности террас во время паводков. Такая ситуация наблюдается на поселениях Усть-Менза-13, Усть-Менза-16 (Воровская), Читкан. Палеопочвенные прослойки пробиты клиньями, возникшими от максимального холода в период от 20 до 18 тыс. л. н. Полный профиль каргинской палеопочвы мощностью не менее 1,0 м, разделённый на три отдела, характеризует IV террасу. На Приисковой культурный слой связан с нижней частью среднего отдела палеопочвы; по позиции и характеру материала этот слой можно отнести к концу среднего палеолита. На Куналее – с отчасти солифлюцированным верхним отделом палеопочвы; возрастная позиция этого КС определяется началом верхнего палеолита. Наблюдения показывают, что, несмотря на деформацию каргинских па-

леопочв, в них могут опознаваться структуры в виде жилищ и очагов.

Предложенный нами расклад и оценки являются в значительной степени резуль-

татом целенаправленных усилий по определению стратотипа террас и их соотношению между собой в системе террасового ряда.

Список литературы

1. Колосов В. К., Крушевский В. В. Коврижка // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011.
2. Константинов М. В. Забайкальская археология в аллювии и делювии // Забайкалье в геополитике России: материалы междунар. симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». Чита; Улан-Удэ: СО РАН, 2003. С. 29–31.
3. Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Аллювиальная археология Забайкалья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», посв. 95-летию со дня рождения А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН / ИАиЭ СО РАН. Новосибирск, 2003. С. 140–146.
4. Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Студёное // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 277–280.
5. Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Усть-Менза // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 302–306.
6. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит. Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
7. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: СО РАН-ЧГПИ, 1994. 265 с.
8. Филатов Е. А. Сухотинский археологический комплекс: научный путеводитель. Чита: ЗабГУ, 2016. 44 с.

Информация об авторах

Константинов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, mk-rus@mail.ru

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, konstant1956@mail.ru

Information about the authors

Konstantinov Mikhail V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, mk-rus@mail.ru

Konstantinov Alexander V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, konstant1956@mail.ru

УДК 902

Каменные структуры палеолитических слоев поселения Усть-Менза-2

Сергей Викторович Маслодудо

*Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края,
г. Чита, Россия
9145124590@yandex.ru*

Многослойное поселение Усть-Менза-2 расположено в юго-западном Забайкалье у слияния рек Менза и Чикой. Это поселение стало опорным объектом при изучении позднего верхнего палеолита и эпохи бронзы. Из 34 выявленных культурных слоев 32 слоя относятся к верхнему палеолиту. В палеолитических слоях с момента их обнаружения выделяются каменные конструкции, позднее определяемые как каменные конструкции. В ходе планиграфического анализа вскрытых культурных слоев были выявлены типы каменных конструкций. Кольцевая и полукольцевая (дугообразная) кладка, определяемые как фундаменты древних жилищ. В свою очередь жилища делятся по количеству очагов: трехочковые, одноочковые. Среди сооружений выделяются жилые зоны (представлены отдельными очагами, кострищами, зольниками, скоплениями артефактов и экофактов). Выделяются каменные линейные выкладки, определяемые как столбовые

конструкции. Также среди типов выделяются группы (скопления) камней, определяемые как каменные запасы. За весь период изучения палеолитических слоев Усть-Мензы-2 выявлено 49 единиц каменных конструкций.

Ключевые слова: юго-западное Забайкалье, многослойное поселение, Усть-Менза-2, палеолит, каменные конструкции, палеолитические жилища

Stone Structures of the Paleolithic Layers of the Ust-Menza-2 Settlement

Sergey V. Maslodudo

*Center for the Protection and Preservation of Cultural Heritage Sites of the Transbaikal Territory,
Chita, Russia*

9145124590@yandex.ru

The multilayer settlement of Ust-Menza-2 is located in the southwestern Transbaikalia at the confluence of the Menza River and the Chikoy River. This settlement has become a reference object in the study of the late Upper Paleolithic and the Bronze Age. Of the 34 cultural layers identified, 32 layers belong to the Upper Paleolithic. Stone structures have been identified in the Paleolithic layers since their discovery, later defined as stone structures. During the planigraphic analysis of the exposed cultural layers, the types of stone structures were identified. Ring and semi-ring (arc-shaped) masonry, defined as the foundations of ancient dwellings. In turn, the dwellings are divided by the number of hearths: three hearths, one hearth. Among the structures, residential areas are distinguished (represented by individual hearths, fire pits, ash spots, accumulation of artifacts and ecofacts). Stone linear layouts are distinguished, defined as pole structures. Also among the types are distinguished groups (clusters) of stones defined as stone reserves. Over the entire period of study of the Paleolithic layers of Ust-Menza-2, 49 units of stone structures were identified.

Keywords: southwestern Transbaikalia, multi-layered settlement, Ust-Menza-2, Paleolithic, stone structures, Paleolithic dwellings

Начиная с 70-х гг. прошлого века археологические исследования Чикойской археологической экспедиции Читинского пединститута в Юго-Западном Забайкалье непосредственно связаны с открытием многослойных поселений и последующим их изучением. Одним из уникальных объектов является многослойное поселение Усть-Менза-2 (расположенное в устье р. Менза при впадении в р. Чикой), ставшее опорным в изучении позднего этапа верхнего палеолита и бронзового века [7]. Материалы первого этапа исследований 1980-1995 гг. по данному поселению известны по ряду публикаций и диссертаций [1–6]. Исследования были возобновлены в 2015 г. На данный момент на поселении Усть-Менза-2 выявлено 32 палеолитических слоя. Они обозначены следующим образом: 3, 4, 4/2, 4/3, 4/4, 5, 6, 7, 8, 9А, 9Б, 9В, 9Г, 10А, 10Б, 11–27. Данные культурные слои приходятся на хронологический период от 20 до 10,3 тыс. л. н. КС 3, 4, 4/2 связаны с делювиальными отложениями. КС 4/3–27 – с аллювиальными отложениями. В

геологическом отношении – это эпоха сартанского оледенения.

Во многих палеолитических слоях (3, 4, 4/2, 5, 6, 17, 20, 21, 22) представлены сложные планиграфические сочетания (картины, сюжеты), созданные из многочисленных речных камней. Камни использовались как строительный материал. Они приносились с берега реки Мензы. Берег был рядом, под уступом террасы. Он был галечно-валунный с заполнителем из гравия и разнозернистого песка. Это известно по реальному древнему галечному слою, вскрытом в основании II террасы и на соседней I террасе. Такой же характер имеет современный галечник по левому берегу Мензы в районе расположения древнего поселения. С берегового пляжа приносились на поселение хорошо окатанные валуны, при этом подбирались валуны определенных размеров и пропорций. Класс окатанности валунов (по Хабакову) можно определить как 4 или 5. Длина валунов – от 20 до 65 см. Предпочтение отдавалось валунам размерами 30–45 см. Ширина валуна была в 1,5–2 раза меньше длины, так

что валуны по пропорциям были удлинённые и, как правило, с ровными, оглаженными водой поверхностями. Высота валунов не более их ширины, поэтому валуны оказывались приземистые и устойчивые. Небольшая часть принесённых с реки камней была угловатой, со следами слабой окатанности. Они происходили из нетранзитных, т. е. местных горных пород, подхваченных речным водным потоком или льдом у ближайшей скалы и её курумного свала, т. е. в 100–200 м от древнего поселения. Преимущественный отбор валунов в сравнении с глыбами связан не только с удобством их перемещения, но и с прочностью, и с характером назначения в качестве особого строительного материала. Валун, или речной камень, является первичным строительным элементом. Из них создаются все строительные структуры, без каких-либо связующих звеньев (креплений или раствора).

В культурных слоях валуны располагаются в один ярус и не перекрывают друг друга (за исключением редких особых случаев). В каждом культурном слое они связаны с одной и той же поверхностью и обозначают её как поверхность обитания. Валуны расположены в определённых комбинациях – кольцевых, полукольцевых (дугообразных) и линейных кладках, в чём, несомненно, проявляется искусственность структур, созданных волей человека. Есть ситуации, при которых камни расположены с нарушением системы, но это имеет объяснение, как природное, так и антропогенное.

Речные камни использовались для сооружения жилищ, очагов и иных хозяйственных конструкций. Насыщенность культурных слоев различными элементами определяет важность планиграфического анализа.

Для систематизации и классификации нами используется понятие «структура». Под структурами понимается жилище в виде его основания с очагом или очагами внутри его, отдельно взятый очаг, а также комбинации из камней особого назначения.

Планиграфическое поле представляет собой сочетание различных структур и свободных пространств. Последние полезны уже тем, что разделяют структуры или

обрамляют их, показывая, что структура не вышла за пределы раскопа и, значит, полностью раскрыта.

Обнаруженные каменные структуры возможно разделить на следующие типы: кольцевые и полукольцевые (дугообразные) кладки (жилища); жилищные площадки, каменные линейные выкладки, «запасы камней».

Кольцевые и полукольцевые (дугообразные) кладки, образующие основания жилищ с внешней контурной обкладкой и очагом или очагами во внутреннем пространстве жилища. Внутри жилища, между очагом (очагами) и внешней обкладкой, могут находиться интерьерные камни, используемые для производственных и бытовых целей. Между жилищами находятся пространства, отмеченные рассеянными или единичными находками, или же полностью лишённые находок. Межжилищные пространства позволяют точнее определить границы жилищ. Обнаружены данные структуры в культурных слоях 3, 4, 4/2, 5, 9Б, 11, 20 (рис. 1, 1–3; 2, 2). Из выявленных жилищ выделяются 3 округлых структуры (жилище без очага), 4 структуры – жилища с тремя очагами и 10 жилищ с одним очагом. Данные структуры указывают на жилищно-поселенческий характер палеолита Усть-Мензы-2.

Определяемые жилища, в ходе изучения разделены на типы: округлые и овально-вытянутые. Оба типа жилищ объединяет то, что они были наземными, с галечными контурными основаниями (это сохранившиеся элементы), с жердевыми конструкциями, имеющими покрытие (реконструируемые элементы). Различаются жилища между собой внешней формой: в первом случае отчётливо конической, во втором – шалашеобразной, но тоже конической в поперечном разрезе и трапециевидной – в продольном. В жилищах реально представлены очаги – от одного – в малом округлом, до трёх – в большом удлинённом. Внешне культурный слой с остатками жилищ выглядит как супесчаная поверхность с группированными или рассеянными речными камнями, разобраться во взаимозависимости которых позволяет позиция очагов. В результате планиграфического анализа удаётся выделять во многих

слоях серии жилищ и тем самым составить представление о характере и облике палеолитических поселений периода сартанского оледенения.

Жилые площадки (вне жилищ), отмеченные (в разном сочетании) артефактами, экофактами, очагами, кострищами и зольными пятнами (зольниками) или только артефактами и экофактами. Выявлены в культурных слоях 4, 4/2, 4/3, 4/4, 5, 6, 7, 8, 9А, 11, 17, 21, 22 (рис. 2, 1).

Каменные линейные выкладки, различные по хозяйственному назначению, например, основания защитных заплотов или жердевых конструкций. Выделены в культурных слоях 4, 4/2, 5, 6, около 5 подобных структур обнаружено в культурном слое 3.

Группировки (скопления) камней с компактным, но бессистемным расположением, своего рода, зимние запасы склад камней; выявлены в культурных слоях 4, 5, 23 (рис. 1, 4).

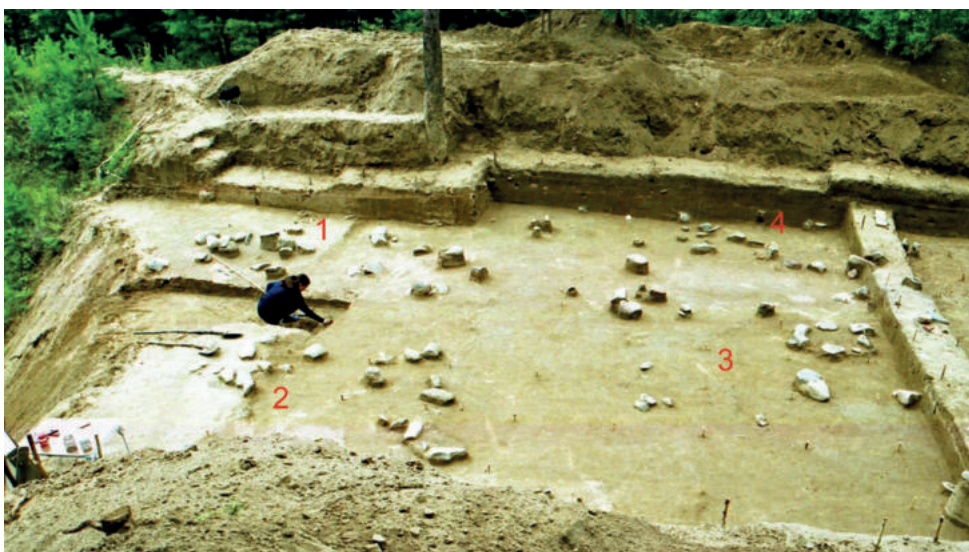

Рис. 1. Усть-Менза-2. Каменные структуры культурного слоя 4:
1–3 – одноочажные жилища; 4 – склад (запас) камней

Рис. 2. Усть-Менза-2. Каменные структуры:
1 – жилая площадка (очаг) культурного слоя 17; 2 – изучение трехочажного жилища культурного слоя 20

Таким образом, каменных структур на многослойном поселении Усть-Менза-2 выявлено порядка 49 единиц. Выявление такого количества каменных структур стало возможно после вскрытия больших пло-

щадей многослойного поселения, причем дальнейшее изучение является перспективным, так как будет способствовать выявлению как новых культурных слоев, так и новых каменных структур.

Список литературы

1. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
2. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: к Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита: Изд-во Ин-та общественных наук БНЦ СО РАН: Читинский гос. пед. ин-т им. Н. Г. Чернышевского, 1994. 180 с.
3. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: ЗабГУ, 2016. 247 с.
4. Кузнецов О. В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья (технологический, типологический и функциональный анализ): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 1996. 305 с.
5. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья: к IV Междунар. науч. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 2013). Чита: ЗабГУ, 2014. 182 с.
6. Семина Л. В. Эпоха неолита и палеометалл юго-западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986. 16 с.
7. Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Усть-Менза // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск, 2011. С. 302–306.

Информация об авторе

Маслодудо Сергей Викторович, научный сотрудник, Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края, г. Чита, Россия, 9145124590@yandex.ru

Information about the author

Maslodudo Sergey V., Researcher, Center for the Protection and Preservation of Cultural Heritage Objects of the Trans-Baikal Territory, Chita, Russia, 9145124590@yandex.ru

УДК 902

Афонтова Гора V: четверть века изучения и сохранения культурного слоя

Михаил Николаевич Мещерин

ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск, Россия
mnm16@yandex.ru

Афонтова Гора V – это один из семи палеолитических объектов, входящих в афонтовскую группу памятников. По новейшим данным, этот объект занимает обширную площадь верховых участков одноимённой возвышенности и представляет собой совокупность верхнепалеолитических культуросодержащих горизонтов, залегающих в трёх стадийно различающихся археолого-стратиграфических подразделениях, которые согласованно и последовательно слагают покровные толщи шестой, пятой и четвёртой террас левого борта долины р. Енисей. Самый нижний отдел характеризуется ранневерхнепалеолитической культурой, залегающей в горизонтах каргинского педокомплекса. Средний отдел представляет малоизученную индустрию, хронологически соответствующую раннему гляциальному максимуму сартанского криохрона. Верхний отдел колонки Афонтовой Горы V представляет собой развитую индустрию с использованием клиновидного нуклеуса, которая стратиграфически должна соответствовать финальным фазам сартанского криохрона. Ближайшими перспективами в изучении памятника является уточнение хронологии и геолого-стратиграфических позиций археологических комплексов и их культурной атрибуции.

Ключевые слова: палеолит, Афонтова Гора V, геоморфология, стратиграфия

Afontova Gora V: a Quarter of a Century of Studying and Preserving the Cultural Layer

Mikhail N. Meshcherin

Ltd. "Krasnojarskaia Geoarkheologia"
mnm16@yandex.ru

Afontova Gora V is one of the seven Paleolithic sites in the Afontovo group of sites. According to the latest data, this object occupies a vast area of the upper sections of the eponymous elevation and represents a set of Upper Paleolithic culture-containing horizons lying in three stadially distinct archaeological and stratigraphic divisions, which consistently and consistently compose the cover strata of the sixth, fifth and fourth terraces of the left side of the river valley. The Yenisei River. The lowest section is characterized by an Early Upper Paleolithic culture lying in the horizons of the Kargin sky pedocomplex. The middle section represents a poorly studied industry, chronologically corresponding to the last glacial maxim. The upper section of the column of Afontova Gora V represents a developed industry using a wedge-shaped cores, which stratigraphically should correspond to the final phases of the Sartan cryochron. The nearest prospects in the study of the site is to clarify the chronology and geological and stratigraphic positions of archaeological complexes and their cultural attribution.

Keywords: Paleolithic, Afontova Gora V, geomorphology, stratigraphy

Афонтова Гора V (АГ V) до настоящего времени относится к числу наиболее загадочных объектов в афонтовской группе стоянок. Памятник обнаружен в 1996 году в ходе экспертизы земельного участка в зоне городского строительства в центральной части города на территории микрорайона «Николаевка». В масштабах истории города территория Афонтовой освоена сравнительно недавно. Примерно 100 лет назад данные площади находились ещё на северо-западе городской периферии, на землях, частично освоенных под сельхозугодья и кустарные горные выработки (глиняные карьеры). По описаниям современников, архивным фото и картам устанавливается, что южные склоны Афонтовой расчленены серией складок и ложбин с несколькими глубоко врезаемыми логами, опирающимися на поверхности I–II надпойменных террас. Фронтальные уступы обнажены эрозивно-оползневыми процессами, с элементами золотых преобразований. Верховые участки склонов левого борта енисейской долины частично залесены, низовые и срединные выположенные площадки распаханы и застроены предместными заимками и сараями. Имели место искусственные обнажения в виде просёлочных дорог. В результате последующей активной урбанизации, овражно-суффозионная эрозия южного фаса Афонтовой была деактивирована [11, с. 226].

Как известно, основные археологические работы финала XIX – первой четвер-

ти XX века велись на низких гипсометрических уровнях (в диапазоне высот от 12 до 30 м над Енисеем), когда были открыты и изучались палеолитические местонахождения Афонтова Гора I, II, III и IV [6; 7; 12; 15; 16]. Верховые участки склонов оставались неизведанными в археологическом отношении вплоть до 1990-х годов, очевидно, по причине господствующих на то время комплекса «поисковых критериев» [7]. К 1940-м годам XX века южный фас Афонтовой оказывается плотно застроенным «частным сектором», и проведение археологических работ на данных площадях становится затруднительным [13, с. 95]. Конфигурация склона существенно изменяется в связи с городской застройкой. Некоторые пункты оказались недоступными или разрушились, а некоторые «проявились» [1]. Интересен тот факт, что в 1960 годы С. М. Цейтлин, рассматривая проблему оползневых формаций на Афонтовой Горе II, отсевших, предположительно, с третьей надпойменной террасы и достоверно зафиксированных по «характерно запракинутым слоям», отмечает в близлежащих обнажениях «...сильно нарушенную солифлюкцией погребённую почву подлесного типа, которую я отнёс по положению в разрезе к каргинской межледниковой почве» [14, с. 120].

В настоящее время агломерация памятников Афонтовой горы состоит из семи неравномерно изученных археологических объектов: Афонтова Гора I-V, Крутая

(Афонтова Гора), Афонтова Гора II-склон. Границы и номенклатурные обозначения первых пяти объектов закреплялись проектом Красноярской краевой государственной службы по сохранению культурного наследия в 1990-е годы, когда, как уже отмечалось, гора Афонтова оказалась плотно застроена. Два последних памятника были выявлены в ходе новостроечных работ при строительстве четвёртого моста через Енисей. Жесткие условия территориальных ограничений с одной стороны и очевидная необходимость минимизации факторов риска разрушения культурных слоёв этой уникальной группы стоянок вынудили к тому, что объекты на административные карты были вынесены условно ввиду невозможности натурного обследования, а согласно территориям, доступным для свободного размежевания – по кварталам и улицам.

Следуя устоявшимся традициям предшественников – В. И. Громова, Г. П. Соновского, Н. К. Ауэрбаха и их последователей, памятники комплекса дифференцируются по геолого-геоморфологическому принципу. Культурные слои стратиграфически детерминированы и приурочены к определённым локализованным формам рельефа, а их обозначения были применены согласно имеющимся данным по раскопкам, проводимым на площади на протяжении столетия [5; 9, с. 16–23].

Изучаемый в 1996–1997 гг. под руководством В. И. Макулова и Е. В. Артемьева участок Афонтовой Горы V располагался на выположенной поверхности высокого склона, смыкающегося с площадкой шестой террасы р. Енисей (собакинской, до 80 м). Геологический профиль, описанный В. П. Чехой, определялся как палеопеодокомплекс, относящийся к горизонтам каргинского почвообразования. Тому не противоречили зооархеологические определения Н. Д. Оводова и 14C-дата по кости собранной из данного слоя 27890 ± 690 (СОАН-3781) [8, с. 39–41]. На основании анализа стратиграфической ситуации предполагалось, что некогда существовавший единый культурный слой Афонтовой Горы V смещён и растащен склоновыми и солифлюкционными процессами с тотальным переотложением и дальним транзи-

том археологических материалов в пределах склона. По мнению авторов раскопок, на памятнике обнаружена сравнительно гомогенная коллекция артефактов, отличающаяся от типичных енисейских верхнепалеолитических (кокоревско-афонтовских) индустрий. Наиболее близкими технико-типологическими аналогами были названы пластинчатые индустрии Тарачихи на Енисее и Мальты в Прибайкалье объекты, при том, что возраст культурного слоя оценивался как позднекаргинский или раннесартанский [3, с. 316]. В пользу каргинского определения возраста Афонтовой Горы V высказывался один из ведущих исследователей афонтовского палеолитического комплекса С. Н. Астахов [5].

В силу сложившихся обстоятельств, административно охраняемые границы Афонтовой Горы V были закреплены на площади свыше 14 га (0,14 кв. км). По мере городского благоустройства эти площади точно доразведываются на протяжении последней четверти века. В ходе шурфовки выяснилось, что несущий ранневерхнепалеолитическую культуру каргинский педокомплекс обнаруживается в покровных чехлах левобережных террас не только шестой – собакинской (до 80 м), но и пятой – лагерьной (до 60 м) и, частично, четвёртой – берёзовской (до 35 м) [2]. Поэтому основным техническим требованием к шурфовке на данном памятнике является вскрытие отложений каргинского термохрона как базального горизонта для данного объекта и соблюдение основных номенклатурных принципов описания стратиграфии.

Разведочные работы 2020 года (руководитель Ю. А. Гревцов) на одном из оптимально выположенных участков, находящихся в геоморфологической позиции покровного чехла шестой енисейской террасы, позволили обнаружить два новых уровня археологического материала, залегающих значительно выше каргинского педокомплекса, которые по своей стратиграфической позиции и полученным датам были отнесены к первой половине сартанского оледенения и его финалу [10].

Двадцатипятилетняя история изучения Афонтовой Горы V приобретает определённые результаты. Установлено, что

данный объект охраны объединяет совокупность разновременных разрозненных стоянок, которые группируются в три ди-хронных культуросодержащих горизонта и охватывают хронологические рамки финала каргинского межледникового – раннего гляциального максимума – конца сартанского оледенения. Обитаемые поверхности приурочены к субгоризонтальным террасовидным площадкам, вытянутым вдоль современной енисейской долины в виде последовательно сопряжённых ступеней с

чередующимися уступами. Культурные слои редко встречаются в едином разрезе и обнаруживаются разрозненными локальными скоплениями. Современные представления позволяют констатировать, что геоморфологическая позиция Афонтовой Горы V относится к верховым участкам южного – юго-восточного склона, примыкающего к местной плоской довольно обширной водораздельной поверхности между левым бортом долины Енисея (с юга) и правым бортом р. Бугач (с севера).

Список источников и литературы

1. Макулов В. И. Отчёт о полевых исследованиях на стоянке Афонтова Гора V в г. Красноярске в 1996 году // Архив ООО «Красноярская Геоархеология». Красноярск, 1996.
2. Опекунова М. Ю., Голубцов В. А. Отчёт о проведении предварительного геоморфологического обследования в территории объекта «строительство автодороги в створе ул. Волочаевская от ул. Дубровинского до ул. Копылова в г. Красноярске в 2017 г.» // Архив ООО «Красноярская Геоархеология». Красноярск, 2017.
3. Артемьев Е. В., Дроздов Н. И. К вопросу о первоначальном заселении красноярского археологического района на материалах исследования стоянки Афонтова Гора V в 1997 г. // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: материалы междунар. симпозиума. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 310–317.
4. Артемьев Е. В., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Основные этапы археологического изучения стоянки Афонтова гора II // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2. С. 58–71.
5. Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. СПб.: Европейский Дом, 1999. 207 с.
6. Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова III // Труды Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Новосибирск, 1930. Вып. 7. 59 с.
7. Громов В. И. Поисковые критерии и прогнозы в археологии // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 32–38.
8. Дроздов Н. И., Артемьев Е. В. Палеолит Афонтовой Горы: последние данные – новые вопросы // АЭАЕ. 2007. № 1. С. 35–47.
9. Мещерин М. Н. Топография и геоморфология группы стоянок «Афонтова Гора» // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С. М. Цейтлина: путеводитель полевой экскурсии. Красноярск: Ситалл, 2020. С. 6–23.
10. Мещерин М. Н., Барков А. В. Вопросы геохронологии и периодизации наиболее ранних объектов палеолита Афонтовой Горы // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Междунар. науч. конф. Донецк, 2023. Т. 7, ч. 2. С. 68–70.
11. Мокринец К. С. Овражные системы долинного комплекса р. Енисей (в районе г. Красноярска) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 2. С. 223–227.
12. Сосновский Г. П. Поселение на Афонтовой горе // Палеолит СССР: материалы по истории дородового общества. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 125–150.
13. Сосновский Г. П. Обследование палеолитических стоянок у Красноярска // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 95–98.
14. Цейтлин С. М. Некоторые вопросы геологии и геологическая периодизация памятников палеолита Сибири // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1972. № 38. С. 116–125.
15. Merhart G. The Paleolithic Period in Siberia. Contribution to Prehistory of the Jenissei Region // American Anthropologist. 1923. Vol. 25, no. 1. P. 21–55.
16. Savenkov I. T. Rapport sur les decouvertes faites par m. Savenkov dans la Siberie orientale: Lecture faite a l'Academie des sciences 27 fevrier 1893 Savenkov. M.; Paris: "Nilsson", 1894. 17 p.

Информация об авторе

Мещерин Михаил Николаевич, руководитель аналитического отдела, ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск, Россия, mnm16@yandex.ru

Information about the author

Meshcherin Mikhail N., Head of Analytical Department, Krasnoyarsk Geoarchaeology LLC, Krasnoyarsk, Russia, mnm16@yandex.ru

УДК 902:55

Планиграфический анализ комплекса палеолитических материалов юго-западного участка стоянки Афонтова Гора IV (Овражная)

***Ирина Иннокентьевна Разгильдеева¹, Елена Васильевна Акимова²,
Валентина Михайловна Новосельцева³, Алексей Михайлович Клементьев⁴***

¹*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

^{2,3}*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия*

⁴*Институт земной коры Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия*
¹labpaleo@yandex.ru, ²Elaki2008@yandex.ru, ³novlm@mail.ru, ⁴klem-al@bk.ru

В статье представлены результаты планиграфического анализа локального участка палеолитического слоя стоянки Афонтова Гора IV (Овражная). Анализ геоморфологических и палеоландшафтных ситуаций выявил приуроченность культурных остатков к участкам поверхности по южному борту древнего лога. Планиграфический анализ установил нахождение скоплений археологических материалов в состоянии *in situ*. Структурные, пространственные и производственные связи выявлены методами количественного анализа, ремонтажа, групп сырьевых единиц. Направления производственных процессов определены с учетом технико-типологических и морфологических критериев каменной и костяной индустрии, а также видовой и скелетной принадлежности фаунистических материалов. В пространстве культурного слоя выделено две площадки обитания, семь рабочих зон. Археологические материалы характеризуют промысловую направленность стоянок. Циклы деятельности включали камнеобработку, охоту на северного оленя, разделку и утилизацию промысловой добычи, потребление пищевых ресурсов.

Ключевые слова: Средний Енисей, памятники Афонтовой горы, верхний палеолит, площадки обитания, планиграфический анализ

Spatial Analysis of the Paleolithic Material Complex of the Southwestern Sector of the Afontova Gora IV (Ovrazhnaya) Site

***Irina I. Razgildeeva¹, Elena V. Akimova², Valentina M. Novoseltseva³,
Alexey M. Klementyev⁴***

¹*Transbaikal State University, Chita, Russia*

^{2,3}*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

⁴*Institute of the Earth's Crust of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia*

¹labpaleo@yandex.ru, ²Elaki2008@yandex.ru, ³novlm@mail.ru, ⁴klem-al@bk.ru

The article presents the results of spatial analysis of the Paleolithic layer section of the Afontova Gora IV (Ovrazhnaya) site. The analysis of geomorphological and paleolandscape situations revealed the confinement of cultural remains to the surface areas along the southern edge of the ancient ravine. Planigraphic analysis established the presence of clusters of archaeological materials *in situ*. Structural, spatial and production links were identified using quantitative analysis, repair, and groups of raw material units. The directions of production processes were determined taking into account the technical, typological and morphological criteria of the stone and bone industry, as well as determining the species and skeletal affiliation of faunal materials. Two habitat sites and seven working zones were identified in the space of the cultural layer. Archaeological materials characterize the commercial focus of the sites.

Activity cycles included stone processing, reindeer hunting, cutting and utilization of commercial catch, and consumption of food resources.

Keywords: Middle Yenisei, Afontova Gora, Upper Paleolithic, habitat areas, spatial analysis

Введение. В 2020 г. под руководством В. М. Новосельцевой (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск) проводились спасательные археологические раскопки на стоянке Афонтова Гора IV в г. Красноярске с целью изучения нового участка местонахождения палеолитических материалов, получившего обозначение стоянка «Стоянка Афонтова Гора IV (Овражная)» [13, с. 187]. Объект исследования располагался на платообразной привершинной поверхности ЮВ склона Афонтовой горы на отметках 230–236 м по Балтийской системе высот (далее – БСВ) в 100–103 м над уровнем Енисея (рис. 1А, Б). Его условными границами выступали улицы района Николаевка, унаследовавшие систему древних логов, сnivelированных в современном рельефе.

Работы 2020 г. охватывали площадь 2 946 м². Раскопы 1 и 2 (1 556 м²) были приурочены к правому (южному) борту древнего безымянного лога (вдоль ул. Юбилейная), раскоп 3 (1 296 м²) – к северному борту лога. Археологические материалы палеолитического облика фиксировались в нескольких палеоландшафтных ситуациях, основная часть выявлена в отложениях светло-коричневой супеси на контакте 3–4 литологических слоев (детальное описание разреза геологических отложений см.: [Там же, с. 182–183]). Коллекции археологических и фаунистических материалов включали более четырех тысяч учетных единиц [3, с. 109].

На основе полевых наблюдений сохранность отложений и культурных контекстов на участках вскрытия оценивались по-разному. На склоновых позициях по южному борту лога археологический и палеонтологический материал оказался вовлечен в гравитационные процессы чехлых рыхлых отложений, с миграцией находок по вертикали в границах 3 и кровле 4 литологических слоев. В планиграфии фиксировались «векторы сноса и переотложения»: для раскопа 1 – в направлении на СЗ, для раскопа 2 – с ЮЗ на СВ (с перепадом высот на 2 м) [14, с. 28]. При этом исследователи отмечали возможность «от-

крытия поселения in situ на участке юго-западнее (между логом и берегом Енисея)» [13, с. 181]. Последующий планиграфический анализ комплексов раскопа 3 подтвердил правомерность данного предложения [15] и обозначил перспективы изучения пространственной организации культурных остатков, воспринимаемых как переотложенные.

Детальный анализ планиграфической ситуации, представленной в раскопах 1 и 2 стоянки Афонтова Гора IV (Овражная) выявил нахождение археологических материалов вне зон техногенных выемок in situ и позволил сделать вывод о наличии в структуре культурного горизонта нескольких площадок обитания. В статье к обсуждению предложены результаты планиграфического анализа комплексов материалов палеолитического слоя, изученных в 2020 г. в раскопе 1.

Основные сведения об участке исследования. В пространстве юго-восточного склона Афонтовой горы в урбаногенном ландшафте района Николаевка г. Красноярска до строительства автодороги, условным ориентиром места проведения археологических раскопок 2020 г. выступало пересечение улиц Овражная и Юбилейная. Раскоп 1 располагался ниже и южнее перекрестка с правой стороны от ул. Юбилейной на гипсометрических отметках 236–233 м БСВ. Он имел сложную геометрическую форму площадью 908 м², длинные стороны раскопа (40 м) ориентированы по линии ЮЗ-СВ (рис. 1Б).

На начало полевых работ территория находилась в зоне частного сектора. Исторический рельеф участка склона в XX в. преобразован и сnivelирован. Верхняя часть покровных отложений частично нарушена и замещена. Вскрытая раскопом 1 толща рыхлых отложений, представленная субэзральными супесями делювиального генезиса, характеризует бургристо-западинный криогенный палеоландшафт, среднеголоценовые почвы сохранились фрагментно в заполнении отрицательных форм рельефа. Раннеголоценовые слабогумусированные супеси представлены

пачкой мощностью до 0,4 м, в подошве которой отмечена маломощная палеопочва. Ниже вскрыта толща сартанских лессовидных карбонатизированных супесей с палеопочвенными горизонтами на различных уровнях [3, с. 106–107].

Археологические материалы палеолитического облика в раскопе 1 зафиксированы на контакте светлых и темно-коричневых супесей в кровле финальноплейстоценовых отложений, датируемых в интервале MIS 2.

Культуросодержащие отложения имели равномерную мощность 5–8 см, в зависимости от микрорельефа местами она возрастала до 10–15 см. Глубина залегания от современной дневной поверхности зависела от мощности перекрывающих техногенно сформированных отложений. Вертикальные проекции точек фиксации находок на стратиграфические профили показали выровненность участков древней поверхности в местах скопления культурных остатков при общем плавном понижении палеосклона по направлениям ЮВ – СЗ и Ю – С: в верхней части уклон достигал 4°, по линии тальвега лога – 11–15° (рис. 1В).

На плане раскопа точки находок образуют широкую полосу, вытянутую С-Ю. Остатков кострищ, углисто-золистых пятен, групп валунов или скальных обломков при раскопках не обнаружено. Планиграфическими элементами в структуре пространства культурного слоя выступали зоны скопления. Коллекция археологических материалов раскопа 1 включает 1030 экз. артефактов и 1106 костных фрагментов.

С учетом C¹⁴AMS-дат, полученных по образцам с других участков палеолитического слоя стоянки Афонтова Гора IV (Овражная), археологические комплексы раскопа 1 предварительно датируются возрастом 15–16 тыс. С¹⁴л. н.

Методология исследования. Целью исследования ставилось выявление закономерностей в пространственной и структурной организации комплексов палеолитических материалов, обнаруженных в геоморфологической ситуации палеосклона Афонтовой горы, определение степени воздействия на сохранность куль-

турного слоя постпозиционных процессов. Анализ скоплений археологических материалов предполагал: определение условий формирования культурных остатков; выделение планиграфических элементов, установление связей между ними; реконструкцию видов производственной деятельности.

Методология исследования опиралась на разработки российских и зарубежных коллег [1; 4–6; 7; 8; 10; 16; 17; 19; 20].

При планиграфическом анализе учитывалась совокупность геоархеологической информации о районе и местонахождении участка исследования, особенностях макро и микрорельефа. Выделение отдельных скоплений и зон хозяйственной деятельности обосновано статистически с учетом технико-типологических и морфологических признаков каменной индустрии, видовой и скелетной принадлежности фаунистических остатков. Функциональная вариативность инструментария рассматривается по аналогии с опубликованными трасологическими определениями [2; 12; 18]. Структурно-пространственные связи выявлены с применением методов аппликации /ремонтажа, анализа групп сырьевых единиц.

При планиграфическом анализе под *скоплениями* понимались участки, где количество находок втрое превышало среднестатистическое число артефактов на единицу площади в пределах анализируемого комплекса либо присутствовало количественное множество артефактов определенного типа относительно общего состава находок или категории инвентаря [11]. Сложносоставные скопления культурных остатков (~100 м² и более) получили обозначение *площадок обитания*. Локализованные мини-скопления площадью ~2 м², отличающиеся составом археологических материалов (точечные скопления микродебитажа и типологического инструментария) атрибутированы в качестве *рабочих зон*. Они имеют сквозную нумерацию – № 1, № 2 и т. д. (рис. 1В). *Шлейфы* из разрозненных костных остатков и единичных артефактов преимущественно микро-размеров отмечены на периферии площадок обитания и участках эрозионного понижения в рельефе.

Обсуждение. Количественный анализ подтвердил закономерность выделения зон скоплений и участков с единичными находками. Первые приурочены к двум площадкам – *Южный* и *Северный комплексы*, расположенным на расстоянии 5–7 м (рис. 1В).

Сравнительный анализ показал однородность состава археологических материалов с большим представителем в *Южном комплексе* (далее – *ЮК*) первичных снятий, а также костных остатков. Общим является присутствие серий микронуклеусов и минимум фрагментов микропластин (всего 41 экз.). Из промысловых

млекопитающих в *ЮК* присутствовали только остатки северного оленя.

Скопление *ЮК* в пространстве раскопа 1 охватывало участок ~100 м². Планиграфический анализ выявил в структуре *ЮК* две производственные зоны (рис. 1В). Юго-восточная – рабочая зона № 1 (далее – *РЗ-1*) нарушена техногенной ямой. Артефакты залегали по периметру от ямы образуя компактное скопление с запада. В его составе: клиновидные микронуклеусы (2), заготовка нуклеуса (1), микропластины (24), пластинки (26), пластины (7), отщепы (81), чешуйки (97), сколы (41), кусочек песчаника, схожего по цвету с охрой.

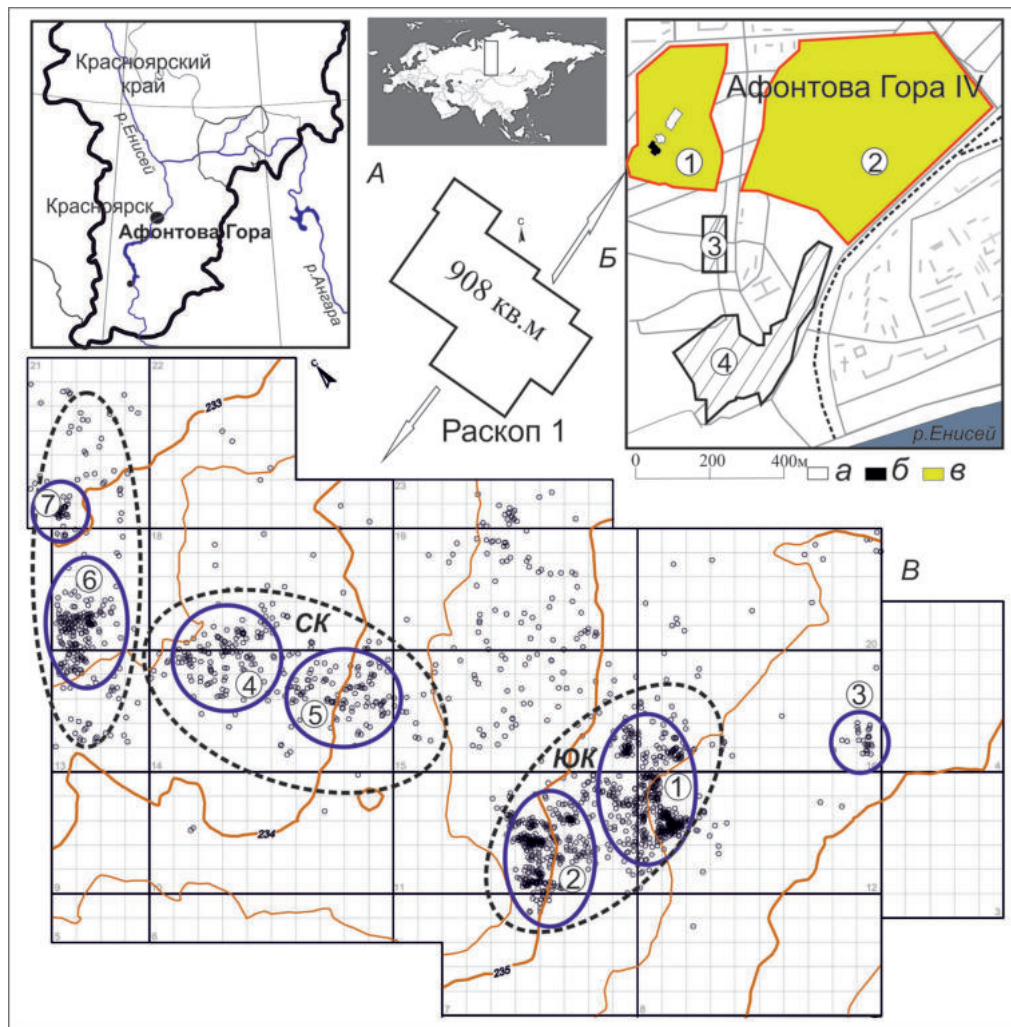

Рис. 1. Местонахождение стоянки Афонтובה Гора IV (Овражная): А – схема района исследования; Б – ситуационный план: 1 – новый пункт стоянки Афонтובה Гора IV (Овражная); 2 – территория стоянки Афонтובה Гора IV в 1920-е гг.; 3 – стоянка Крутая; 4 – стоянка Афонтובה Гора II; а – участки вскрытия 2020 г.; б – раскоп 1; в – общая территория стоянки Афонтובה Гора IV; В – фрагмент плана культурного слоя с изолиниями и схемой размещения площадок обитания и рабочих зон: СК – площадка Северного комплекса, ЮК – площадка Южного комплекса; 1–7 – номера рабочих зон (пунктиром отмечены условные границы скоплений)

Найденные на 3 м² группы элементов сырьевых единиц характеризуют место камнеобработки с утилизацией принесенных нуклеусов и галек-преформ (рис. 1В; 3). Установлено использование «мягкого» отбойника.

В наборе орудий P3-1 пять микроскребок, один переоформлен в долотовидное. Два скребка найдены в северной части рабочей зоны, один – на её южной периферии (рис. 1В; 4). Фаунистические материалы представлены преимущественно осколками костей (481 фр.), отражающими процесс извлечения костного мозга. Единичные кости краниального отдела и конечностей принадлежали северному оленю.

Рабочая зона № 2 (далее – P3-2) – юго-западная в границах ЮК (рис. 1В; 3). На ~2 м² выявлены пять клиновидных микронуклеусов, из них три идентичны по

оформлению и размерам, крупный экземпляр на первичном отщепе (*заготовка?*) и изделие с неудачным торцовым снятием. Южнее группы в центре P3-2 найдены заготовка и два микронуклеуса. В дебитаже: фрагменты пластин (7) и микропластин (18), отщепы (112), чешуйки (80), сколы (30), первичные снятия (20) – пластина (1), отщепы (11), сколы (8).

Технологический анализ артефактов P3-2 выявил участие в обработке как принесенных микронуклеусов, так и оформленных на месте. Изделия отличает индивидуальность пород. Ремонт иллюстрирует пример утилизации преформы при перемещении из P3-2 в P3-1 с использованием сколов для получения орудий и микронуклеусов. Последовательность элементов одной гальки соединяет четыре рабочих зоны (P3-2 ЮК; P3-4, P3-5 СК; восточной P3-3) (рис. 2, темно-зеленые точки).

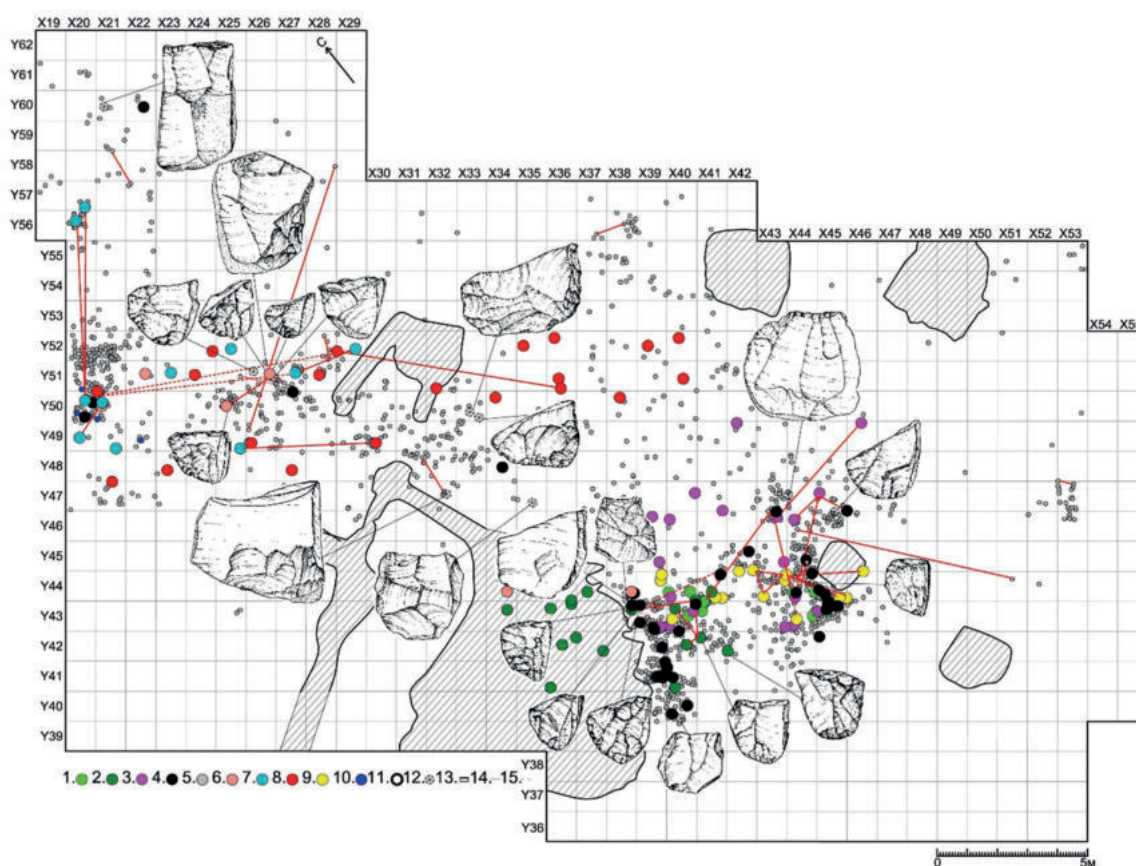

Рис. 2. Стоянки Афонтова Гора IV (Овражная), раскоп 1. Схема размещения нуклеусов, аппликативные связи и группы сырьевых единиц: 1 – кость; 2, 3 – группы элементов сырьевых единиц

Последовательности сколов иллюстрируют цикл полного расщепления клиновидного микронуклеуса, а также стадии обработки трёх галек-преформ с последующим целевым оформлением орудий. Ремонт выявил производственные связи со смещением в пространстве на расстояние 3–7 м, в т. ч. с миграцией преформ из *P3-1* в *P3-2*, расположенную севернее.

Обнаружение сколов из схожего по составу сырья на расстоянии 20–25 м севернее и западнее *P3-1* обозначило вероятность целевого использования сырьевых единиц на разных участках раскопа. Длинные производственные связи демонстрируют части гальки брусковидной формы, выявленные на расстоянии 9 м – в *P3-1* ЮК и восточной рабочей зоне № 3.

Орудия и нуклеусы сгруппированы в пространстве *P3-2* (рис. 2, 3). Вместе с пятью клиновидными микронуклеусами найдены скребок, фрагмент пластины, первичный скол с ретушью и продольное скребло. В южной части *P3-2* с нуклеусами найдены скребло и два обломка орудий. По типологическим признакам и характеру износа кромок три орудия в *P3-2* могли использоваться в качестве ножей. Два сломанных скребка найдены в центре площадки ЮК.

Набор скребков *P3-1* предполагает выполнение операций по обработке органических материалов (кож или шкур). Обломки лезвий скребков и преобладание чешуек в дебитаже указывают на интенсивность работ.

Наборы типологических изделий придают индивидуальность рабочим местам. Компактное расположение сразу пяти однотипных микронуклеусов может быть следствием их размещения возле сидящего «мастера», чей рабочий набор дополнял инструментарий более крупного размера, включая ножевидные орудия.

Второй комплект нуклеусов и орудий отличают менее совершенные формы и обработка, что может свидетельствовать как об ином направлении производственных операций, так и другом участнике процесса. Интересно, что набор типологических изделий в комплектах дублируется: микронуклеусы + орудия на пластинчатых сколах + скребки.

При двукратно меньшем на участке *P3-2* количестве фаунистических материалов по определяемым фрагментам установлено присутствие северного оленя, который представлен различными отделами скелета. Здесь же локально выявлены остатки скелета белой куропатки *Lagopus lagopus*.

В целом на площадке ЮК состав скелетных остатков северного оленя указывает на выполнение первичной разделки туш, употребление в пищу передней четверти – лопаточного отдела. Установлено присутствие четырех особей северного оленя, в т. ч. одной молодой. Отсутствие в остатках элементов осевого скелета объясняется последующей транспортировкой.

В 7 м восточнее ЮК отдельно выделена рабочая зона № 3 (далее – *P3-3*) (рис. 1В). На участке 1,5 м² найдены скребки (3), долотовидное орудие (1), апплицируемые фрагменты (3) бифасиального изделия, отщепы (12), пластины (2), сколы (2), чешуйка. Два орудия – скребок и пластинчатый скол с ретушью выявлены в 2х м ЮЗ. Фаунистические материалы представлены осколками неопределимой кости и проксимальным фрагментом лучевой кости северного оленя от мясной четверти.

Методами аппликации и ремонта установлены производственные связи *P3-3* с восточной периферией площадки ЮК. Элементы гальки, выявленные в обеих рабочих зонах ЮК и в *P3-3* на расстоянии ~14 м друг от друга, иллюстрируют пример неудачной апробации сырья.

На СВ периферии площадки ЮК участок культурного слоя техногенно разрушен. Вне культурного контекста зафиксированы единичные находки – скребок, галька со следами забитостей, немногочисленный дебитаж (7) и костные остатки (7), включая кости конечностей северного оленя.

В пространстве В – СВ участка раскопа 1 единичные находки сформировали в плане рассеянный шлейф. В фаунистических остатках определены кости конечностей северного оленя и фрагмент бивня мамонта – сырьевой материал, принесенный извне. В числе орудий фрагмент пластины с ретушью, обломок неопределимого изделия, отбойник-ретушер со слабо различимыми следами забитостей на кон-

цах. В дебитаже присутствуют артефакты из кремня (яшмы) коричнево-вишневого цвета. Аналогичное сырье представлено в индустрии *Северного комплекса* (далее – *СК*) (рис. 3, красные точки).

Вторую площадку обитания (рис. 1В), вытянутую в рельефе ЮВ-СЗ, характеризует скопление археологических материалов в СЗ части раскопа, изученное на площади ~65 м². Анализ групп типологических изделий и фаунистических материалов выявил в пространстве *СК* две рабочих зоны.

Рабочая зона № 4 (далее – *РЗ-4*) занимает участок ~3 м² в СЗ части *СК*. Фокусным элементом *РЗ-4* выступал плоский подтрапециевидной формы валун красноватого песчаника, атрибутированный как подставка-наковальня (см. рис. 2). Одно ребро камня обработано сколами. На плоской поверхности сохранились линейно-пунктирные царапины.

Рядом с валуном найден комплект клиновидных микронуклеусов (4), заготовка нуклеуса (?) и скол с ретушью (см. рис. 3). По типологическим признакам два последних отнесены в категорию ножей. Нуклеусы схожи по форме и размерам, три из них – элементы одной сырьевой группы.

Продукты расщепления включают отщепы (16), в т. ч. два первичные, сколы (12), чешуйки (13), целую и фрагменты (4) пластин.

В дебитаже выявлены последовательности сколов с нуклеусов из разных пород, иллюстрирующие производственные и пространственные связи. Апплицируемый к нуклеусу из *РЗ-4* первичный скол обнаружен в 14 м на площадке *ЮК*, занимающей позицию выше в рельефе склона. Вторичный скол с нуклеуса найден в *СК* вместе с другим экземпляром микронуклеуса, что свидетельствует о целевом перемещении изделий.

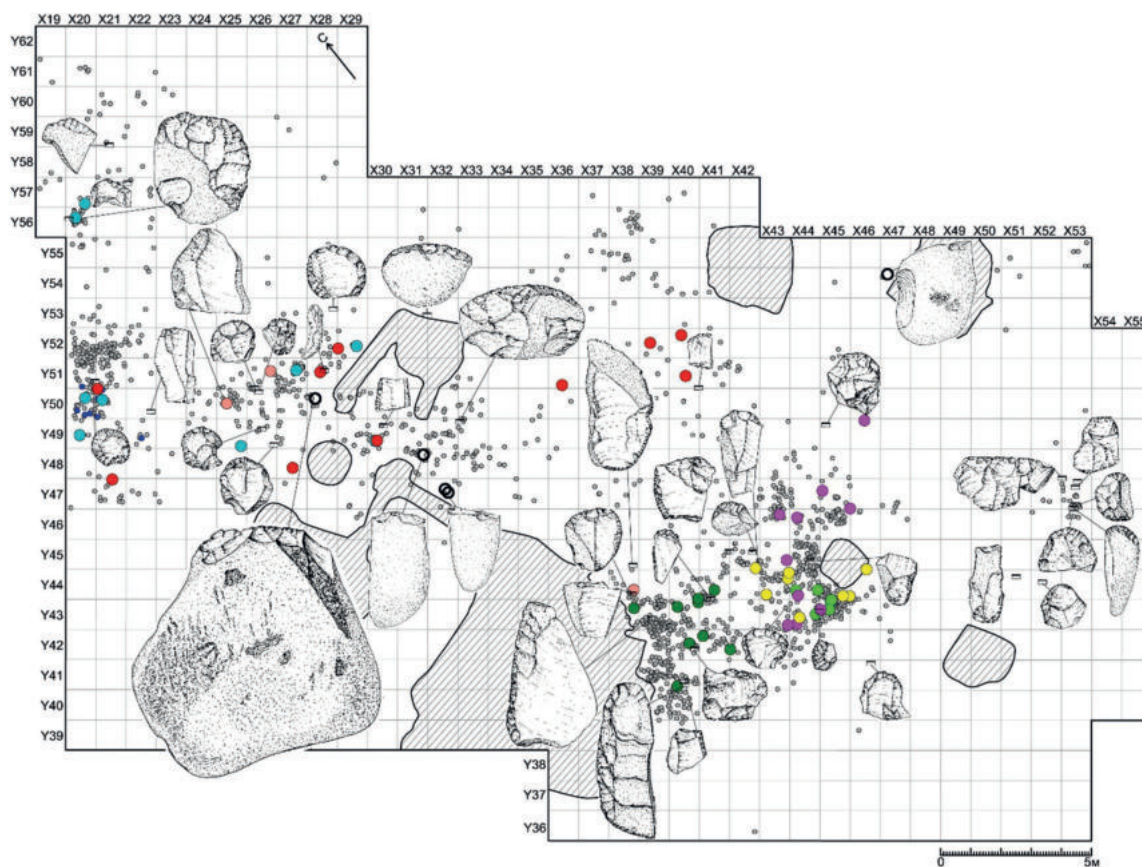

Рис. 3. Стоянки Афонтова Гора IV (Овражная), раскоп 1. Схема размещения орудий: 1, 2 – дебитаж; 3 – резец; 4 – скребок; 5 – обломок орудия; 6 – пластина; 7 – микропластина; 8 – изделие с ретушью; 9 – нуклеус; 10 – «охра»; 11 – кость; 12 – фрагмент гальки; 13 – техногенные выемки; 14 – проекция точки предмета; 15 – аппликативные связи

Последовательность сколов из бурой мелкозернистой породы устанавливает пространственное смещение производственных операций из *P3-4* и на участок восточной периферии *СК* на расстояние от 2 до 8 м.

Ремонтаж осколков уплощенно-овальной гальки иллюстрирует этапы оформления чопперовидного орудия и заготовки нуклеуса. Инициальный скол с тонкого конца гальки и сколы подготовки ударной площадки были найдены СВ валуна-наковальни. Снятие второго порядка с гальки выявлено в мини-скоплении в 8,25 м западнее площадки *СК*. Поперечный галечный скол – преформа нуклеуса, находился в 2,3 м севернее валуна-наковальни. Схожее направление пространственных связей с удалением элементов на расстояние до 5,86 м демонстрируют сколы еще одной схожей формы гальки.

Коллекция орудий *P3-4* включает скребково-режущий инструментарий (8 экз.) (см. рис. 3). Два микроскребка найдены рядом с валуном вместе с клиновидными микронуклеусами. Два скребка обнаружены в 1,5–2 м в центральной части *P3-4* вместе с фрагментом рога предположительно северного оленя. В 2 м южнее от них найдена округлой формы галька-манупортиз коричневого халцедона (2,9×2,3×2,5 см).

Вторая подобная галька из светло-коричневого халцедона (2,4×2,5×17 см) найдена СВ от валуна-наковальни вместе с пластинчатым отщепом с ретушью из красно-коричневой яшмы. В 2–2,5 м северо-восточнее валуна на периферии *P3-4* выявлены скребок и продольное скребло.

Фаунистические материалы в *P3-4* (29 фр.) содержали определяемые кости северного оленя (9 фр.) и горного барана (фрагмент блока метаподиальной кости).

Рабочая зона № 5 (далее – *P3-5*) выделена в южной части скопления *СК* (рис. 1В). Здесь представлены более крупного размера нуклеусы (3), их заготовки (3), галечные изделия (см. рис. 3), а также отщепы (14), в т. ч. первичные (2), фрагменты пластин (5), чешуйки (4). В числе орудий – поперечное скребло на галечном сколе и фрагмент пластины с ретушью (см. рис. 3).

Ремонтаж артефактов выявил пространственные и технологические связи. Стадию начальной обработки нуклеуса в одном случае иллюстрирует аппликация краевого скола. Стратегию подготовки другого экземпляра характеризуют блок плоской гальки, найденный в СВ части *P3-5* и сколы с неё, фиксирующие смещение производственного процесса от центра *P3-5* по двум направлениям – на ЮЗ (6 м) и В (более 7 м). Еще одна заготовка нуклеуса найдена в пространстве слоя между *ЮК* и *СК*. В 2,5 м западнее неё обнаружена третья галька-манупорт из халцедона (2,0×2,0×1,5 см).

К заготовкам нуклеусов типологически отнесены две половинки расколотой поперек гальки с оформленными на них ударными площадками (см. рис. 2). Более массивный экземпляр (10×5,5×4,6 см) с инициальным отщеповым снятием по фасу сохранил следы забитости, характерные для отбойников. Рядом найдены части еще одной продольно расколотой гальки и четвертая галька-манупорт из коричневого халцедона (3,2×1,9×2 см).

Фаунистические остатки (151 фр.) *P3-5* включали практически все элементы скелета, за исключением костей осевого скелета (позвонков, ребер, грудины). Определено присутствие двух особей северного оленя, одна – первого года жизни. Судя по костным остаткам и набору каменного инвентаря, цикл операций в южной части *СК* был связан с разделкой добычи, с употреблением в пищу мясных четвертей туш.

Планиграфия культурных остатков и их состав на площадке *СК* отражают направления производственной деятельности. Участок *P3-4* рядом с валуном-наковальней демонстрирует признаки места целевой камнеобработки с утилизацией принесенного запаса сырья. Дебитаж иллюстрирует стадии расщепления микронуклеусов и галек-преформ от декортикации до получения нуклеусов и орудий. При индивидуальности пород морфология клиновидных нуклеусов свидетельствует о стандартизации приемов обработки. При этом найденный отдельно от группы экземпляра не был присоединен к остальным, а полученные микропластины были унесены.

Представленный в *P3-5* набор нуклеусов и их заготовок отличают более крупные размеры и менее тщательная отделка. Не исключено, что в этом случае целью являлась подготовка именно преформ. Преобладание в целом в орудиях *СК* скребков означает востребованность инструментов данного типа и предполагает операции по органическим материалам.

Показательным для *СК* является распределение костных остатков и их скелетная принадлежность. В пределах *P3-4* и *P3-5* зон имеется некоторое отличие от типичного лагеря промысловиков – более четверти отходов связано с пищевым использованием мясных отделов тушь оленей.

Примечательно, что все определимые кости на участке *P3-4* найдены на его периферии северо-восточнее валуна-наковальни. Мелкие осколки костей зафиксированы рядом с валуном и *СЗ* от него в сочетании с орудийным инвентарем. Такое расположение характерно для падения остатков на месте обработки и потребления пищевых ресурсов – извлечение костного мозга с формированием зон выброса отходов.

В 3 м западнее площадки *СК* компактное скопление артефактов (53) и костных остатков (175) обозначило месторасположение рабочей зоны № 6 (далее – *P3-6*) (см. рис. 1В). По определимым костям установлено присутствие северного оленя.

Дебитаж включал отщепы (21, в т. ч. 10 первичных), сколы (20), пластины (4), обломки микропластин (2), чешуйки (6). Ремонт элементов удлиненной плоской гальки иллюстрирует начальную стадию обработки. Поперечные сколы обнаружены южнее и юго-восточнее медиальной части на расстоянии ~7 м друг от друга. Аппликация фрагментов, найденных на расстоянии более 9 м устанавливает производственные связи *P3-4*, *P3-6* и *СВ* участка раскопа. Орудия в *P3-6* представлены микроскребком, пластинчатым сколом и фрагментом скола с ретушью.

Мини-скопление в крайнем северном пикете раскопа приуроченное к поверхности нижней части правого борта палеолога фиксирует рабочую зону № 7 (*P3-7*) (рис. 1В). Здесь найдены крупное скре-

бло на галечном сколе и два обломка скребков (см. рис. 3). Показательна находка заготовки подпризматического нуклеуса – элемента целевого расщепления плоской удлиненной гальки-преформы, использовавшейся до начала обработки в качестве «платформы-наковальни» (см. рис. 2). Первичные снятия с гальки зафиксированы на расстоянии ~15 м на периферии скопления *СК* и в 18 м восточнее почти на границе раскопа напротив площадки *ЮК*. Среди костных элементов *P3-7* встречены единичные кости конечностей северного оленя и горного барана.

Заключение. Планиграфический анализ участка палеолитического слоя стоянки Афонтова Гора IV (Овражная) в границах раскопа 1 выявил хорошую сохранность пространственно-технологических контекстов и подтвердил нахождение археологических материалов *in situ* на участках вне техногенных выборок. В геоморфологической ситуации юго-восточного склона Афонтовой горы комплексы остатков приурочены к поверхности южного борта древней ложбины, имеющей плавный уклон. Состав и планиграфия скоплений свидетельствуют о функционировании на участке склона двух площадок на расстоянии 5–7 м друг от друга, с организацией вспомогательных рабочих зон по периметру. Отметим, что скопления культурных остатков не перекрывали друг друга.

Устойчивые группы связей между *Южным* и *Северным* комплексами в процессе анализа установить не удалось. В коллекциях артефактов представлены сырьевые «экзоты» условно изолирующие площадки, при этом для каменной индустрии характерно разнообразие минеральной базы. Серии клиновидных микронуклеусов и их заготовки, а также группы орудий демонстрируют близость технологических традиций. Состав фаунистических материалов характеризует промысловую направленность стоянок, при доминировании в остатках костей северного оленя. В числе объектов добычи обитателей *Южной* площадки установлено присутствие четырех особей северного оленя, *Северной* площадки – трех особей.

Список литературы

1. Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.
2. Абрамова З. А., Щелинский В. Е. Типология и функции остроконечных орудий палеолитической стоянки Кокорево I на Енисее // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 3–10.
3. Акимова Е. В., Новосельцева В. М., Стасюк И. В. Кокоревские стоянки Афонтовой горы // Записки Института истории материальной культуры. 2021. № 24. С. 104–119. DOI: 10.31600/2310-6557-2021-24-104-119.
4. Аксенов М. П. Аппликативный метод в анализе археологических источников // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: ИрГУ, 1976. С. 34–47.
5. Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Славинский В. С. Анализ сырьевых единиц как способ изучения структуры культурных отложений и реконструкции систем мобильности и жизнеобеспечения // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 1. С. 125–146.
6. Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий (методика макро-микроанализа древних орудий труда). СПб., 1997. Ч. 2. 198 с.
7. Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 34–45.
8. Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.
9. Колесник А. В., Леонова Н. Б. Структурные элементы памятника и планиграфический анализ // Археологический альманах. 2002. № 11. С. 23–97.
10. Леонова Н. Б. Возможности выявления критериев длительности обитания на верхнепалеолитических памятниках // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: тезисы докладов советско-американского симпозиума. Л.: Наука, 1989. С. 32–34.
11. Леонова Н. Б. Характер скопления камня на кремнеобрабатывающих мастерских // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1980. № 5. С. 67–79.
12. Матюхин А. Е. Опыты по разделке туш крупных животных орудиями палеолитического облика // Советская археология. 1984. № 4. С. 5–25.
13. Новосельцева В. М., Акимова Е. В., Стасюк И. В., Орешников И. А., Ключников Т. А. Раскопки позднепалеолитической стоянки Афонтова гора IV (Овражная) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 181–188. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.181-188.
14. Новосельцева В. М., Стасюк И. В., Акимова Е. В., Муратов Н. С., Орешников И. А., Румянцев А. А. Афонтова гора-4. Предварительные итоги по результатам спасательных работ 2020 года // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С. М. Цейтлина: путеводитель полевой экскурсии. Красноярск: Изд-во «Ситалл», 2020. С. 23–28.
15. Разгильдеева И. И., Акимова Е. В., Барков А. В., Клементьев А. М., Новосельцева В. М. Позднепалеолитический жилищно-хозяйственный комплекс стоянки Афонтова Гора IV (Овражная): результаты исследований 2020–2021 гг. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 4. С. 27–38. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.4.027-038.
16. Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1987. 216 с.
17. Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И. Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 1. С. 145–154.
18. Щелинский В. Е. Изучение производственных функций галечных орудий из позднепалеолитических стоянок Енисея // МИА. 1972. Вып. 185. С. 142–149.
19. Щелинский В. Е. Цели и методы изучения каменных изделий в археологических комплексах // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петерб. востоковедение, 2017. С. 7–28.
20. Leroi-Gourhan A., Brezillon M. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse Ethnographique d'un Habitat Magdalénien (La section 36). Vlle Suppl. à "Gallia Préhistoire" Paris: Ed. CNRS, 1972. 331 p.

Информация об авторах

Разгильдеева Ирина Иннокентьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, labpaleo@yandex.ru

Акимова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, Elaki2008@yandex.ru

Новосельцева Валентина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, novlm@mail.ru

Клементьев Алексей Михайлович, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск, Россия, klem-al@bk.ru

Information about the authors

Razgildeeva Irina I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Transbaikalian State University, Chita, Russia, labpaleo@yandex.ru

Akimova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, Elaki2008@yandex.ru

Novoseltseva Valentina M., Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, novlm@mail.ru

Klementyev Alexey M., Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Institute of the Earth's Crust, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, klem-al@bk.ru

УДК 55

Хронология этапов врезания и заполнения долин временных водотоков на правобережье р. Селенги во второй половине сартанского криохрона (МИС 2) и голоцене по данным ОСЛ и радиоуглеродного датирования

**Юрий Викторович Рыжов¹, Виктор Александрович Голубцов²,
Максим Вячеславович Смирнов³, Юрий Михайлович Кононов⁴,
Реджеп Нурмурадович Курбанов⁵**

^{1,3}Институт земной коры Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия

^{1,2,3}Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия

^{1,2,4,5}Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Россия

^{1,3}Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

⁵Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

¹ryzhovyurij@yandex.ru, ²tea_88@inbox.ru, ³sms.38@mail.ru, ⁴ymkononov@igras.ru,

⁵roger.kurbanov@gmail.com

На основе детального изучения ОСЛ и радиоуглеродного датирования исследованы строение, состав, последовательность стадий врезания и заполнения временной долины ручья на правобережье р. Селенга (разрез Вознесенка) во второй половине сартанского криохрона (МИС 2) и в голоцене. Выявлены стадии врезания и заполнения эрозионной формы. Полученные результаты сопоставлены с опубликованными материалами по бассейну р. Куйтунка. На разрезе Вознесенка впервые для Западного Забайкалья выявлены две фазы врезания возрастом ~18,5–18,3 и ~14,7–14,3 тыс. лет назад. Определены стадии заполнения осадками временной долины ручья с различным составом и генезисом отложений во второй половине сартанского криохрона (МИС 2) и голоцене в зависимости от ландшафтно-климатических условий. В фазы потепления и увлажнения климата накапливались коллювиальные отложения, чередовались этапы почвообразования и седиментации. В фазы похолодания и аридизации климата во второй половине сартанского криохрона в Западном Забайкалье накапливались эоловые и эолово-делювиальные отложения.

Ключевые слова: временная долина ручья, отложения, почвы, OSЛ и 14С датирование, сартанский криохрон (МИС 2), голоцен, врез, седиментация, Западное Забайкалье

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-17-00265. Используемое в работе научное оборудование установлено в ЦКП «Геодинамика и геохронология» Института земной коры СО РАН, Иркутск (грант № 075-15-2021-682).

Stages of Incision and Filling Chronology of the Chronology of Temporary Stream Valleys on the Right Bank of the Selenga River in the Second half of the Sartan Cryochron (MIS 2) and the Holocene According to OSL and Radiocarbon Dating

Yuri V. Ryzhov¹, Viktor A. Golubtsov², Maksim V. Smirnov³,
Yuri M. Kononov⁴, Rejep N. Kurbanov⁵

^{1,3}*Institute of the Earth's Crust of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia*

^{1,2,3}*V. B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia*

^{1,2,4,5}*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{1,3}*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*

⁵*M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹ryzhovyurij@yandex.ru, ²tea_88@inbox.ru, ³sms.38@mail.ru, ⁴ymkononov@igras.ru,

⁵roger.kurbanov@gmail.com

The structure, composition, sequence of stages of incision and filling of a temporary stream valley on the right bank river Selenga (Voznesenovka section) during second half of the Sartan cryochron (MIS 2) and in the Holocene were studied based on a detailed study, OSL and radiocarbon dating. The stages of incision and filling of the erosional form were identified. The obtained results were compared with published materials on the Kuytunka river basin. In the Voznesenovka section, for the first time for western Transbaikalia, two phases of incision were revealed with an age of ~18,5–18,3 and ~14,7–14,3 kyr BP. The stages of sediments filling in temporary stream valley with different composition and genesis of deposits in the second half of the Sartan cryochron (MIS 2) and Holocene were identified depending on the landscape and climatic conditions. During climate warming and humidification phases colluvial deposits accumulated, stages of pedogenesis and sedimentation alternated. Within cooling and aridization climatic phases in the second half of the Sartan cryochron, aeolian and aeolian–deluvial deposits accumulated in the Western Transbaikalia.

Keywords: temporary stream valley, deposits, soils, OSL and 14C dating, Sartan cryochron (MIS 2), Holocene, incision, sedimentation, Western Transbaikalia

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-17-00265. The scientific equipment used in the work was installed at the Geodynamics and Geochronology Collective Use Center of the Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk (grant No. 075-15-2021-682).

Введение. В разрезах отложений фиксируются этапы врезания и заполнения падей, балок, оврагов разной продолжительности [3; 6; 8; 11; 14]. В Забайкалье исследованы и датированы отложения и почвы эрозионных форм (падей, балок, оврагов) возрастом до 15 тыс. кал. л. н. (тыс. л. н.), выделены этапы осадконакопления и почвообразования [3]. В то же время более древние осадки долин временных водотоков из-за отсутствия в их разрезах органических отложений остаются менее изученными.

Район и методы исследования. Детально исследованы отложения заполнения безымянной широкой пади на правом берегу р. Селенги (разрез Вознесенка) мощностью 825 см (координаты 51°42'29,72" с. ш., 07°29'16,30" в. д.). Разрез расположен в Тарбагатайском районе Республики Бурятия в 1,3 км восточнее цен-

тральной части с. Вознесенка. Выполнено его детальное описание. В Институте земной коры СО РАН на лазерном дифракционном анализаторе "ANALYSETTE 22" (модель NanoTec, компания Fritsch, Германия) изучен гранулометрический состав отложений. Для разреза получено 14 датировок методом оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ) по кварцу почв и отложений и 2 радиоуглеродные датировки гумусовых горизонтов (табл. 1, 2). Метод оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ) датирования образцов основан на световой эмиссии (люминесценции) широко распространенных минералов, преимущественно кварца. Метод позволяет определить момент последнего экспонирования зерен кварца и полевых шпатов на свету, либо момент воздействия высоких температур на осадок. Определение абсолютного возраста погребенных

почв выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете по углероду гуминовых кислот погребенных почв. Определение остаточной активности углерода выполнено на радиометре QUANTU-

LUS-1220 (Liquid Scintillation Counters). Обобщены данные по семи разрезам отложений долин временных водотоков в бассейне р. Куйтунки на правом берегу р. Селенги [3].

Таблица 1

Абсолютный возраст отложений и почв методом оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ) разреза Вознесеновка

Лаб. номер	Образец	Глубина, Н, см	Влажность, w, %	Эквивалентная доза, грей			Мощность дозы, грей/ тыс. лет		Возраст, тыс. лет		
				И _{КС} 0	ИКС _{Л280} 0	ОСЛ	КПШ	Кварц	ИК ₅₀	ИКСЛ ₂₈₀	ОСЛ
220865	VZN-1	15	25	8 ± 0	18 ± 0	11,9 ± 0,6	3,78 ± 0,14	2,84 ± 0,12	2,1 ± 0,1	4,9 ± 0,2	4,2 ± 0,3
220866	VZN-2	60	25	12 ± 0	20 ± 0	17,4 ± 0,4	3,60 ± 0,13	2,66 ± 0,12	3,4 ± 0,2	5,6 ± 0,4	6,6 ± 0,4
220867	VZN-3	110	25	21 ± 1	40 ± 0	24,7 ± 1,2	3,80 ± 0,14	2,85 ± 0,13	5,5 ± 0,3	10,5 ± 0,6	8,7 ± 0,6
220868	VZN-4	135	25	19 ± 0	37 ± 0	25,3 ± 1,1	3,79 ± 0,14	2,85 ± 0,13	5,1 ± 0,4	9,8 ± 0,7	8,9 ± 0,6
220869	VZN-5	170	25	20 ± 1	45 ± 0	28,9 ± 3,0	3,72 ± 0,14	2,77 ± 0,12	5,5 ± 0,2	12,1 ± 0,7	10,4 ± 1,2
220870	VZN-6	185	10	23 ± 1	46 ± 0	35,9 ± 2,0	4,54 ± 0,20	3,60 ± 0,19	5,1 ± 0,3	10,1 ± 0,6	10,0 ± 0,8
220871	VZN-7	240	10	26 ± 1	56 ± 0	36,9 ± 3,8	4,12 ± 0,17	3,17 ± 0,16	6,4 ± 0,3	13,7 ± 0,7	11,6 ± 1,4
220872	VZN-8	315	10	28 ± 1	56 ± 0	41,7 ± 3,1	4,32 ± 0,18	3,38 ± 0,18	6,4 ± 0,4	13,1 ± 0,8	12,3 ± 1,2
220873	VZN-9	400	10	28 ± 1	58 ± 0	40,6 ± 3,0	4,09 ± 0,18	3,15 ± 0,17	6,8 ± 0,3	14,3 ± 0,7	12,9 ± 1,2
220874	VZN-10	440	10	24 ± 1	52 ± 0	42,5 ± 3,5	4,00 ± 0,17	3,05 ± 0,16	6,0 ± 0,3	13,1 ± 0,7	13,9 ± 1,4
220875	VZN-11	495	10	26 ± 1	54 ± 0	49,3 ± 4,0	4,14 ± 0,18	3,20 ± 0,17	6,3 ± 0,3	13,1 ± 0,8	15,4 ± 1,5
220876	VZN-12	625	10	26 ± 1	56 ± 0	54,1 ± 5,2	3,91 ± 0,17	2,96 ± 0,16	6,7 ± 0,4	14,2 ± 0,8	18,3 ± 2,0
220877	VZN-13	690	25	39 ± 2	61 ± 0	46,4 ± 4,6	3,43 ± 0,13	2,49 ± 0,12	11,4 ± 0,8	17,8 ± 1,0	18,6 ± 2,1
220878	VZN-14	775	10	43 ± 2	67 ± 0	54,8 ± 3,6	3,91 ± 0,17	2,96 ± 0,16	11,0 ± 0,8	17,2 ± 1,0	18,5 ± 1,6

Радиоуглеродный и календарный возраст отложений разреза Вознесеновка*

Отложения	Глубина, см	Лабораторный номер	¹⁴ C возраст, л. н.	Календарный возраст, л. н.
Супесь гумусированная	130–140	ЛУ-10213	7510±190	8320±210*
Супесь гумусированная	180–185	ЛУ-10203	8050±210	8950±270

* Примечание. Перевод радиоуглеродных дат в даты календарные производился при помощи программы Calib Rev 8.1.0 (калибровочная кривая IntCal20) [13].

Результаты. На рисунке отражена стратиграфическая схема разреза, гранулометрический состав отложений, данные радиоизотопного датирования. В разрезе выявляется четыре пачки отложений заполнения эрозионной формы (0–640 см) и аллювием четвертой (20–25 м) надпойменной террасы (640–825 см, различных по строению, возрасту, гранулометрическому составу. Ниже приведено описание пачек сверху вниз.

Пачка 1 (0–250 см) (почвенно-седиментационная) золовых и золово-делювиальных отложений включает пять погребенных гумусовых горизонтов почв на глубинах 28–84, 130–158, 180–195, 205–215, 227–250 см голоценового возраста (11,7–0 тыс. л. н.). Границы слоев ровные, слабонаклонные. Гумусовые горизонты сложены супесями, мелко- и тонкозернистыми пескам и разделены слоями золовых и золово-делювиальных мелко- и тонкозернистых песков.

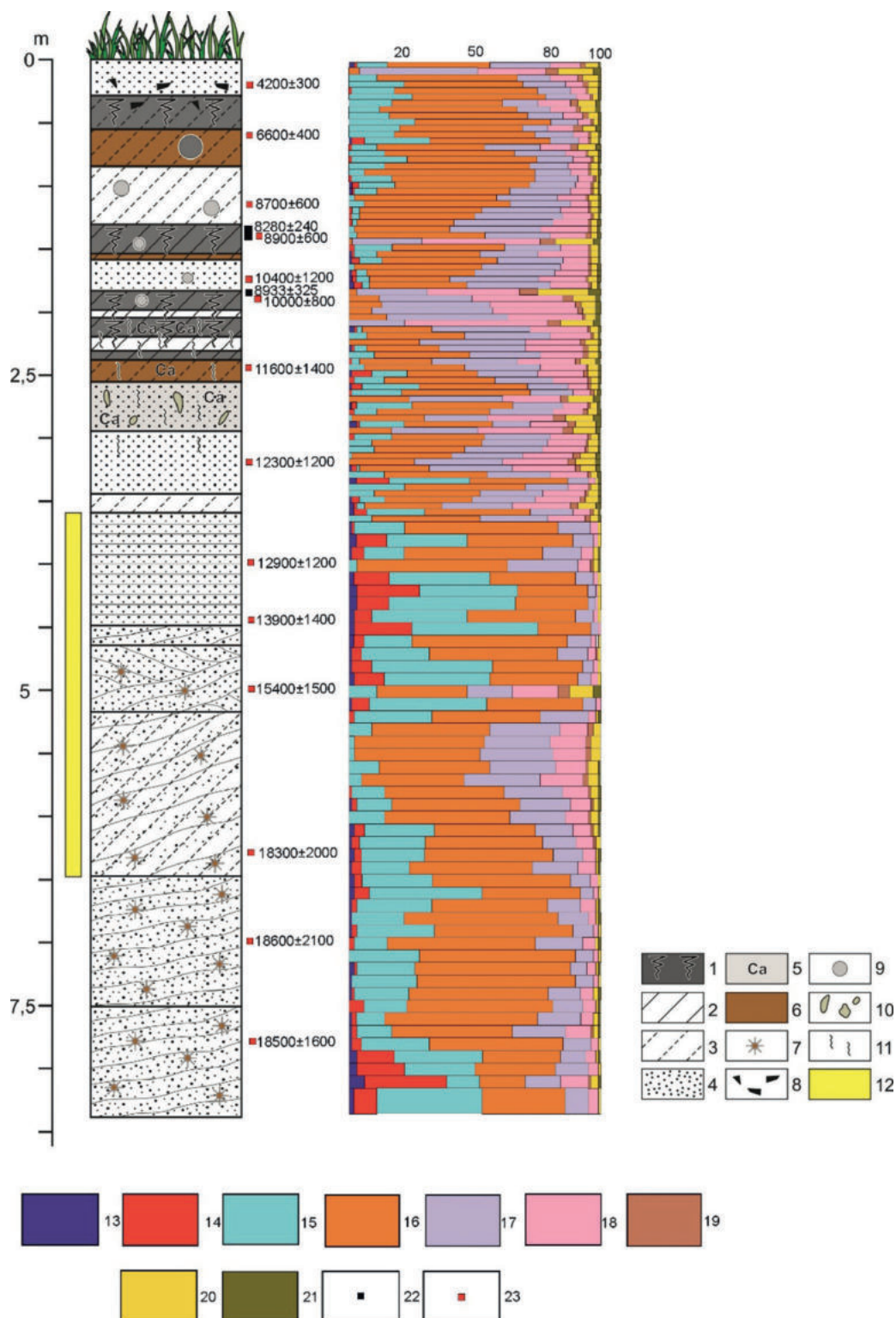
Пачка 2 отложений (250–375 см) возрастом 12,7–11,7 тыс. л. н. представлена чередованием золовых и золово-делювиальных песков мелко- и тонкозернистых и супесей. Границы слоев ровные, слабонаклонные. Отложения накапливались в условиях похолодания и аридизации климата в позднеледниковый стадиал поздний дриас.

Пачка 3 отложений (375–485 см) возрастом 15–12,7 тыс. л. н. сложена песками делювиально-пролювиальными средне- и мелкозернистыми с включением дресвы. Слоистость косая, наклонная. Границы слоев наклонные, волнистые. Осадки пачки накапливались в условиях потепления и увлажнения климата в течение позднеледникового интерстадиала. В подошве пачки вскрыта погребенная эрозионная форма глубиной 0,45 м, шириной 2–3 м, выполненная песками разнозернистыми с дресвой.

Пачка 4 отложений (485–640 см) возрастом 18,3–14,7 тыс. л. н. представлена

чередованием песков золово-делювиальных и делювиально-пролювиальных. На глубине 485–520 см залегают пески мелко- и среднезернистые делювидьно-пролювиальные возрастом ~16–15 тыс. л. н. Ниже (520–550 см) отложения представлены преимущественно песками 640 см мелко- и тонкозернистыми золовыми возрастом 16,8–16 тыс. л. н. На глубине 550–610 см залегают пески мелко- и тонкозернистые с включение среднезернистых, делювиальные и золово-делювиальные. Ниже (610–640 см) залегают пески разнозернистые с дресвой пролювиальные и золово-делювиальные (см. рисунок). Отложения накапливались в условиях кратковременных потеплений и похолоданий в начале второй половины сартанского криохрона (18,3–16,9 тыс. л. н.) и раннем дриасе (16,9–14,7 тыс. л. н.) [4].

Пачка 5 (640–825 см) сложена аллювием четвертой надпойменной террасы. Отложения представлены песком разнозернистым с гравием. Вся пачка речных отложений хорошо отмыта от пылеватых фракций. Слоистость пологоволнистая и слабонаклонная. На глубине (640–740 см) залегают пески мелко- и среднезернистые с примесью крупнозернистого песка и гравия. Ниже (740–785 см) отложения представлены чередованием песка мелко-среднезернистого и мелко-тонкозернистого с включение крупнозернистого песка и гравия. На глубине (785–825 см) залегают аллювий разнозернистый с гравием. ОСЛ возраст (18,6–18,5 тыс. л. н.) кровли аллювия отражает время последнего его экспонирования на дневную поверхность. Согласно радиотермолюминисцентному (РТЛ) датированию речных отложений четвертой террасы р. Селенги, представленных наклонно слоистыми мелко- и среднезернистыми песками, время их формирования 160–180 тыс. л. н. [5, с. 108].

Строение и гранулометрический состав разреза Вознесенновка. Условные обозначения: 1 – гумусовые горизонты почв; 2 – суглинки; 3 – супеси; 4 – пески; 5 – аккумулятивно-карбонатные горизонты почв; 6 – срединные горизонты почв; 7 – признаки переменного ох-red режима в виде Fe-Mn конкреций и стяжений; 8 – углистые включения; 9 – кротовины; 10 – карбонатные белоглазки; 11 – карбонатные жилки; 12 – отложения заполнения погребенного палеоруслу. Гранулометрический состав (мм): 13 – 2–1; 14 – 1–0,5; 15 – 0,5–0,25; 16 – 0,25–0,1; 17 – 0,1–0,05; 18 – 0,05–0,01; 19 – 0,01–0,005; 20 – 0,005–0,002; 21 – <0,002. Точки отбора проб на датирование и абсолютный возраст отложений (л. н.) 22 – ОЛС, 23 – ^{14}C

Обсуждение результатов, дискуссия. Большая разница в ОСЛ возрасте кровли аллювия и РТЛ возрасте речных отложений свидетельствует об активном эоловом воздействии (дефляции) на поверхность террасы не позднее первой половины сартанского криохрона (29–18,5 тыс. л. н.). На высоких террасах р. Селенги верхняя часть пойменного аллювия, представленного песками тонко- и мелкозернистыми были вынесены сильными северо-западными ветрами и накопились в виде лёссов на водоразделах и пологих склонах, лёссовидных отложений в долинах временных и постоянных водотоков и на пологих склонах на правом берегу р. Селенги [1; 3].

Для Западного Забайкалья впервые для разреза отложений получены ОСЛ и радиоуглеродные датировки. Их сравнение (см. табл. 1, 2) показывает достаточно близкий и/или более древний (<500 лет) ОСЛ возраст двух раннеголоценовых погребенных почв. Вероятно, разница в возрасте связана с омоложением возраста гумуса погребенных почв в следствие проникновения корней растений на глубину до 3–5 м и накопления более молодого гумуса. Выделяются следующие этапы врезания и заполнения долины временного водотока (разрез Вознесенка).

Этап врезания эрозионной формы (18,5–18,3 тыс. л. н.). Впервые выявлен в начале позднеледниковья в отложениях разреза Вознесенка на основе серии ОСЛ датировок после завершения последнего ледникового максимума (ПЛМ). Эрозионной фазе в долинах временных водотоков в бассейне р. Селенги благоприятствовало понижение базиса эрозии (уровня оз. Байкал) на 40–45 м во время последнего оледенения [10]. В Селенгинском среднегорье в Байкальском регионе постепенное увеличение доли древесных растений в донных осадках озер при господстве безлесных тундрово-степных ландшафтов выявлено ~18 тыс. л. н. [14]. Залегание пролювиальных и пролювиально-делювиальных отложений в подошве разрезов долин временных водотоков, нередко на коренных породах и коре выветривания в бассейне р. Куйтунки [3], свидетельствует об этапе врезания и ак-

кумуляции вероятно в начале второй половины сартанского криохрона (~19–17 тыс. л. н.).

Этап аккумуляции эоловых и делювиально-пролювиальных мелкозернистых с включением средне- и тонкозернистых песков в условиях кратковременных потеплений и похолоданий после окончания ПЛМ (18,3–16,9 тыс. л. н.) и в течение похолодания раннего дриаса (16,9–14,7 тыс. л. н.) [4]. В бассейне р. Куйтунки на правом берегу р. Селенги в подошве разрезов долин временных водотоков залегают пролювиальные и пролювиально-делювиальные песчаные и супесчаные отложения с включением прослоев и линз крупнозернистого песка и дресвы с пятнами и конкрециями окислов железа и марганца (балочный аллювий) [3], с криогенными деформациями (клинья, криотурбации, грунтовые жилы) [9].

Этап врезания эрозионных форм на рубеже раннего дриаса и начала позднеледниковья (14,7–14,3 тыс. л. н.). В разрезе Вознесенка на глубине 440–485 см вскрыт погребенный эрозионный врез шириной до 2–3 м. Время его образования и заполнения ~15–14 тыс. л. н. В бассейне р. Куйтунки вскрыт погребенный овраг в лёссовидных отложениях (разрез Куйтун) глубиной 3,3 м, врезанный в лёссовидные отложения, образовавшийся 14,5–14,3 тыс. л. н. [8]. Фаза врезания в долинах временных водотоков связана с резким глобальным потеплением и увлажнением климата, увеличением годового поверхностного стока, деградацией многолетней мерзлоты в начале позднеледникового интерстадиала [9]. Согласно геохимическим данным донных осадков оз. Байкал [12] с ~14,7 тыс. л. н. в течение менее 300 лет произошло двукратное увеличение количества осадков. Резкие изменения климата, ландшафтов, химического состава отложений в этот временной интервал зафиксированы в донных осадках оз. Байкал, Котокель [2; 14]. В овражно-балочных системах Восточно-Европейской равнины выделяется эрозионная фаза [11].

Этап заполнения эрозионных форм в позднеледниковый интерстадиал (14,3–12,7 тыс. л. н.). Отложения представ-

лены песками делювиально-пролювиальными средне- и мелкозернистыми с включением дресвы. Отложения, вынесенные из верхней и средней частей водосбора, накапливались в приустьевой части. В бассейне р. Куйтунки фиксируется заполнение долин временных водотоков, чередование лёссовидных отложений и гумусовых горизонтов почв [3; 9]. Генезис отложений делювиальный, делювиально-пролювиальный, солифлюкционный.

Этап аккумуляции 12,7–11,7 тыс. л. н. Отложения представлены чередованием эоловых и эолово-делювиальных песков мелко- и тонкозернистых и супесей. В бассейне р. Куйтунки отложения представлены эоловыми и эолово-делювиальными отложениями со следами криогенных деформаций [3; 9].

Этап заполнения долины временного водотока в голоцене. Отложения представлены почвенно-лессово-седиментационной последовательностью. Выделяется пять гумусовых горизонтов почв. Согласно OSL и радиоуглеродному датированию почвы формировались ~7,3–4,8, 9,8–8,8, 10,9–10,5, 11,2–11 и 11,7–11,35 тыс. л. н. Они достаточно хорошо коррелируются с этапами педогенеза, выделенными ранее в Селенгинском среднегорье [3].

Заключение. 1. Впервые для Забайкалья на основе OSL датирования отложенный разреза Вознесеновка установлены этапы врезания временного водотока (18,5–18,3 и 15–14 тыс. л. н.) и заполнения эрозионной формы во второй половине сартанского криохрона и в голоцене. Полученные результаты хорошо коррелируются с материалами изучения разрезов в других районах Селенгинского среднегорья [3], Европейской части России [11].

2. Выявлена изменчивость гранулометрического состава отложений, заполняющих эрозионные врезы, в зависимости от ландшафтно-климатических условий второй половины сартанского криохрона. В долинах временных водотоков в этапы потеплений и увлажнения климата, увеличения стока воды накапливались делювиально-пролювиальные отложения. В условиях снижения темпов экзогенных процессов в днищах балок, падей формировалась почвенно-лессово-седиментационные серии (голоцен, позднеледниковый интерстадиал).

3. В этапы похолоданий и аридизации климата во второй половине сартанского криохрона и в голоцене в долинах временных водотоков Западного Забайкалья накапливались преимущественно эоловые и эолово-делювиальные отложения.

Список литературы

1. Базаров Д.-Д. Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 156 с.
2. Безрукова Е. В., Тарасов П. Е., Кулагина Н. В., Абзаева А. А., Летунова П. П., Кострова С. С. Палинологическое исследование донных отложений озера Котокель (район озера Байкал) // Геология и геофизика. 2011. Т. 52, № 4. С. 586–595.
3. Голубцов В. А., Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В. Почвообразование и осадконакопление в Селенгинском среднегорье в позднеледниковье и голоцене. Иркутск: ИГ СО РАН, 2017. 139 с.
4. Величко А. А., Фаустова М. А., Писарева В. В., Карлухина Н. В. История Скандинавского ледникового покрова и окружающих ландшафтов в валдайскую ледниковую эпоху и начале голоцена // Снег и лед. 2017. Т. 57, № 3. С. 391–416.
5. Коломиец В. Л., Будаев Р. Ц. О возрасте осадочных толщ долины р. Селенга (Западное Забайкалье) // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 1, ч. 1. С. 106–109.
6. Панин А. В., Еременко Е. А., Ковда И. В. Цикл эрозионного расчленения и выполнения эрозионной сети на северо-востоке Ставрополя в конце плейстоцена (ст. I. Ложбинная сеть) // Геоморфология. 2011. № 1. С. 77–87. DOI: 10.15356/0435-4281-2011-1-77-87.
7. Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В., Голубцов В. А., Арсланов Х. А., Максимов Ф. Е., Рященко Т. Г. Развитие эрозионно-аккумулятивных процессов в малых водосборных бассейнах Западного Забайкалья в позднеледниковье и голоцене // Геоморфология. 2015. № 3. С. 81–91. DOI: 10.15356/0435-4281-2015-3-81-91.
8. Рыжов Ю. В. Формирование оврагов на юге Восточной Сибири. Новосибирск: ГЕО, 2015. 178 с.

9. Рыжов Ю. В., Голубцов В. А. Криогенез и развитие эрозионных форм рельефа в лесостепных ландшафтах Селенгинского среднегорья в позднеледниковье и голоцене // Геоморфология. 2018. № 2. С. 88–97. DOI: 10.7868/S0435428118020074.
10. Хлыстов О. М., Ханаев И. В., Грачев М. А. Свидетельство низкого стояния уровня озера Байкал во время последнего оледенения // Доклады РАН. 2008. Т. 422, № 2. С. 254–257.
11. Сидорчук А. Ю., Борисова О. К., Панин А. В., Чернов А. В. Эволюция эрозионно-руслых систем на Восточно-Европейской равнине за последние 150 тысяч лет // Маккавеевские чтения-2013: сб. материалов. М.: МГУ, 2014. С. 117–138.
12. Chebykin E. P., Erdington D. N., Grachev M. A., Zheleznyakova T. O., Vorobyova S. S., Kulikova N. S., Azarova I. N., Khlystov O. M., Goldberg E. L. Abrupt Increase in Precipitation and Weathering of Soil in East Siberia Coincident with End of the Last Glaciations (15 cal. kyr BP) // Earth Planet Science Letters. 2002. Vol. 200, no. 1–2. P. 167–175. DOI: 10.1016/S0012-821X(02)00588-5.
13. Reimer P. J., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Ramsey C. B., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., Manning S. W., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson C., Plicht J. van der, Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Turney C. S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahmi S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, no. 4. P. 725–757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41.
14. Bezrukova E. V., Tarasov P. E., Solovieva N., Krivonogov S. K., Riedel F. Last Glacial-interglacial Vegetation and Environmental Dynamics in Southern Siberia: Chronology, Forcing and Feedbacks // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2010. Vol. 96. P. 185–198. DOI: 10.1016/J.PALAEO.2010.07.020.
15. Panin A., Adamiec G., Buylaer J.-P., Matlakhova E., Moska P., Novenko E. Two Late Pleistocene climate-driven incision/aggradation rhythms in the middle Dnieper River basin, west-central Russian Plain // Quaternary Science Reviews. 2017. Vol. 166. P. 266–288. DOI: 10.1016/j.quascirev.2016.12.002.

Информация об авторах

Рыжов Юрий Викторович, доктор географических наук, Институт земной коры СО РАН; Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН; Иркутский государственный университет, г. Иркутск; Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Россия, ryzhov Yuriy@yandex.ru

Голубцов Виктор Александрович, кандидат биологических наук, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия, tea_88@inbox.ru

Смирнов Максим Вячеславович, младший научный сотрудник, Институт земной коры СО РАН; Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН; Иркутский государственный университет г. Иркутск, Россия, smv.38@mail.ru

Кононов Юрий Михайлович, кандидат географических наук, Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Россия, ymkononov@igras.ru

Курбанов Режеп Нурмурадovich, кандидат географических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Россия, roger.kurbanov@gmail.com

Information about the authors

Ryzhov Yuri V., Doctor of Geographical Sciences, Institute of the Earth's Crust of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; V. B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Irkutsk State University, Irkutsk; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ryzhov Yuriy@yandex.ru

Golubtsov Viktor A., Candidate of Biological Sciences, V. B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tea_88@inbox.ru

Smirnov Miksim V., Junior Research fellow, Institute of the Earth's Crust of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; V. B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Irkutsk State University, Irkutsk, smv.38@mail.ru

Kononov Yuri M., Candidate of Geographical Sciences, Institute of the Earth's Crust of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ymkononov@igras.ru

Kurbanov Rejep N., Candidate of Geographical Sciences, Moscow State University, M. V. Lomonosov; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia, roger.kurbanov@gmail.com

УДК 902:55

Почвенно-седиментационная последовательность и археологические находки по данным изучения покровного генетического комплекса отложений пятой надпойменной террасы р. Селенги (разрез Дэбэн, Селенгинское среднегорье)

Юрий Викторович Рыжов¹, Максим Вячеславович Смирнов²

^{1,2}*Институт земной коры Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия*

^{1,2}*Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия*

¹*Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Россия*

^{1,2}*Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия*

¹ryzhovyurij@yandex.ru, ²smv.38@mail.ru

Изучены отложения чехла и верхней части аллювиальных генетических комплексов пятого (40–45 м) разреза речной террасы в Убун-Дзакоейской впадине на правом берегу р. Селенги (разрезы Дэбэн 1 и Дэбэн 2). Отмечено активное развитие современных эоловых процессов на речных террасах в долине р. Селенги. Выявлена почвенно-осадочная толща из семи гумусовых горизонтов и погребенных почв, разделенных эоловыми мелкопылеватými песками и слоем коллювиальных отложений. Получены три радиоуглеродные даты по гумусу погребенных почв и древесному углю. Выявлены этапы накопления эоловых отложений в конце позднего плейстоцена и в голоцене. В погребенной почве разреза Дебен 2 обнаружены фрагменты керамического сосуда, чугунного лемеха и древесного угля времен империи хунну (220 г. до н. э. – II в. н. э.). Археологические находки свидетельствуют об экономическом освоении территории, возделывании почвы, земледелии и выпасе скота и коррелируют с римским климатическим оптимумом (~250 г. до н. э. – 400 г. н. э.).

Ключевые слова: эоловая седиментация, почвообразование, речная терраса, разрез Дэбэн, поздний голоцен, империя Хунну, Западное Забайкалье

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-17-00265.

Soil-Sedimentary Sequence and Archaeological Finds Based on the Study of the Mantle Deposits Genetic Complex of the Fifth Terrace River Selenga (Deben Section, Selenga Middle Mountains)

Yuri V. Ryzhov¹, Maksim V. Smirnov²

^{1,2}*Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia*

^{1,2}*V. B. Sochava Institute of Geography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia*

¹*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{1,2}*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*

¹ryzhovyurij@yandex.ru, ²smv.38@mail.ru

The deposits of the mantle and upper part of the alluvial genetic complexes of the fifth (40–45 m) river terrace section in the Ubun-Dzakoi depression on the Selenga River right bank (sections Deben 1 and Deben 2) were studied. Active development of modern aeolian processes on the river terraces in the Selenga River valley is noted. A soil-sedimentary sequence of seven humus horizons and buried soils separated by aeolian fine silty sands and a layer of colluvial deposits was revealed. Three radiocarbon dates were obtained for humus of buried soils and charcoal. The stages of accumulation of aeolian deposits at the Late Pleistocene finishing and in the Holocene were revealed. Fragments of a ceramic vessel, a cast-iron ploughshare, and charcoal from the time of the Xiongnu Empire (220 BC – 2nd century AD) were found in the buried soil in the Deben 2 section. The archaeological finds indicate economic development of the territory, soil cultivation, farming, and grazing, and correlate with the Roman climatic optimum (~250 BC – 400 AD).

Keywords: aeolian sedimentation, pedogenesis, river terrace, Deben section, Late Holocene, Xiongnu Empire, Western Transbaikalia

Acknowledgments: the work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-17-00265.

Введение. В разрезах отложений террас Западного Забайкалья выше аллювиальных отложений фиксируется почвенно-седиментационная последовательность отложений покровного генетического комплекса. Гумусовые горизонты почв разделены золовыми, золово-делювиальными, пролювиальными отложениями [2; 5]. Отложения покровного генетического комплекса отражают ландшафтно-климатические изменения. Высокие террасы наиболее выражены в устьевых частях крупных притоков и являются районами детальных геоархеологических исследований [6].

В устьевой части р. Джиды на правом берегу р. Селенги выявлены высокие тер-

расовые уровни (террасоувалы) [5]. В 4 км южнее улуса Дэбэн (в переводе с бурятского высокое место) отмечаются высокие террасы (рис. 1). Высота последних меняется от 35–40 до 60–62 м. Они сложены озерно-аллювиальными и аллювиальными отложениями с примесью грубого неокатанного крупнообломочного материала и галечниками [Там же]. В разрезе песчаной толщи мощностью 56 м выделено 12 литологических горизонтов, приведена их краткая характеристика [Там же]. Разрез до глубины 3,2 м сложен золовыми образованиями, состоящими из серовато-коричневых мелкозернисто-алевритовых песков, перемежающихся четырьмя горизонтами погребенных почв [1, с. 120].

Рис. 1. Уступ высокой пятой (40–45 м) террасы р. Селенги

Нами в 2020 г. заложен разрез верхней части пятой террасы р. Селенги высотой 40–45 м мощностью 6,75 м (разрез Дэбэн 1, рис. 2). Он расположен в южной части Убур-Дзакской котловины. Климат резко континентальный. Годовая норма осадков 200–250 мм. Рельеф террас моделирован современными золовыми процессами [1;

8]. Сильными северо-западными ветрами частицы мелко- и тонкозернистого песка поднимаются к вершине уступа и образуют валик высотой до 30 см, шириной до 0,5 м. Далее от уступа тонкозернистые пески образуют современный покров мощностью до 20 см. Ландшафт – ильмовая лесостепь и степь разнотравная.

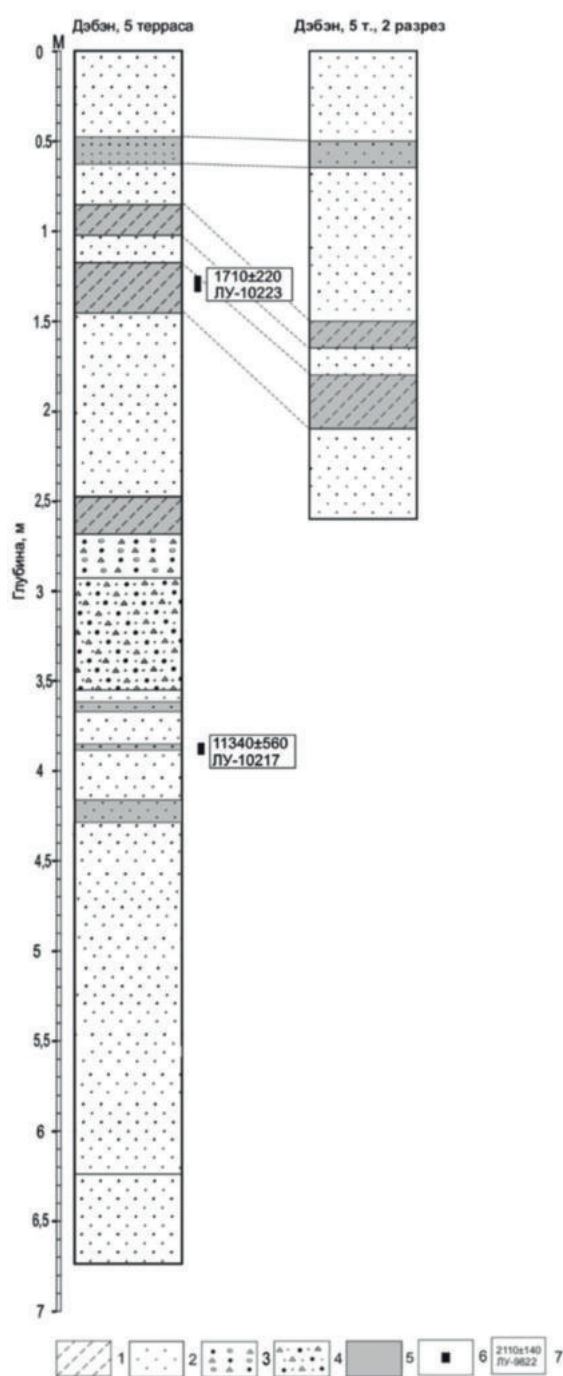

Рис. 2. Разрезы Дэбэн 1 и Дэбэн 2. Условные знаки: 1 – супесь; 2 – песок мелко- и тонкозернистый; 4 – дресвяник, заполнение – песок разнозернистый с дресвой и щебнем, редкими глыбами; 5 – песок мелко- и среднезернистый с включением дресвы; 6 – гумусированные горизонты; 7 – интервал отбора проб на ^{14}C ; 8 – календарный возраст, л. н. и лабораторный номер

Результаты. Толща разреза состоит из двух различных пачек. Верхняя (0–580 см) включает пески тонкозернистые пылеватые желтовато светло-серые, светло-серые с включением карбонатов, эоловые, семь гумусовых горизонтов почв, слой пролювия на глубинах 270–355 см (дресвяник со щебнем и редкими глыбами, песок разнозернистый с обильным включением дресвы) (см. рис. 1). Гумусовые горизонты имеют более темный цвет, супесчаный и тонкопесчаный состав. Они выявляются на глубине 45–65, 85–105, 120–115, 250–270, 390–405 и 420–430 см. Для двух почв получены радиоуглеродные датировки (см. таблицу). Нижняя пачка (580–675 см) – аллювий песчаный мелкозернистый с прослоями среднезернистого волнисто- и горизонтально слоистый с пятнами ожелезнения.

Радиоуглеродный и календарный возраст отложений разреза Дэбэн 1 и Дэбэн 2*

Отложения	Глубина, см	Лабораторный номер	^{14}C возраст, л. н.	Календарный возраст, л. н.
Разрез Дэбэн 1				
Супесь гумусированная	124–134	ЛУ-10223	1780±190	1710±220
Супесь гумусированная	388–394	ЛУ-10217	9800±350	11340±560
Разрез Дэбэн 2				
Уголь	200–210	ЛУ-10195	1870±70	1780±90

* Примечание. Перевод радиоуглеродных дат в даты календарные производился при помощи программы Calib Rev 8.1.0 (калибровочная кривая IntCal20) [The IntCal20 Northern ..., 2020].

В толще покровных отложений (5,8 м) эоловые пылеватые пески и слой пролювия разделены семью гумусовыми горизонтами почв и образуют почвенно-седиментационную последовательность. Наиболее мощные почвы датированы (см. таблицу) и имеют, соответственно, позднеголоценовый (~2,4–1,6 тыс. л. н.) и раннеголоценовый (~11,7–11,3 тыс. л. н.). Для других почв из-за малого количества гумуса возраст не удалось определить.

Более детально остановимся на рассмотрении верхней 1,2–2 м толще. В ней обнаружены следы хозяйственной деятельности древнего человека. В 50 м южнее разреза Дэбэн 1 в уступе террасы на глубине 200–210 см в 2020 г. были обнаружены в подошве погребенной почвы фрагменты керамического сосуда на глубине 200–210 см (рис. 3). В подо-

шве погребенной почвы на глубине 200–210 см вскрыт древесный уголь диаметром до 10 см. Почва и отложения прокалены на глубину до 30 см. По углю получена датировка 1870 ± 70 (ЛУ-10195) ^{14}C л. н. (1870 ± 90 кал. л. н.). Исходя из возраста погребенной почвы и угля археологические находки относятся ко времени империи Хунну (IV в. до н. э. – II в. н. э.) [7].

В 2024 г. выполнено краткое описание разреза с находками керамики (Дэбэн 2, рис. 1). В нем, по сравнению с разрезом Дэбэн 1, увеличение мощности эоловых песков тонкозернистый пылеватых с 25 до 85 см между верхней (первой) и второй погребенными почвами (см. рис. 2). В кровле погребенной почвы на глубине 180–190 см найден чугунный сошник (рис. 4).

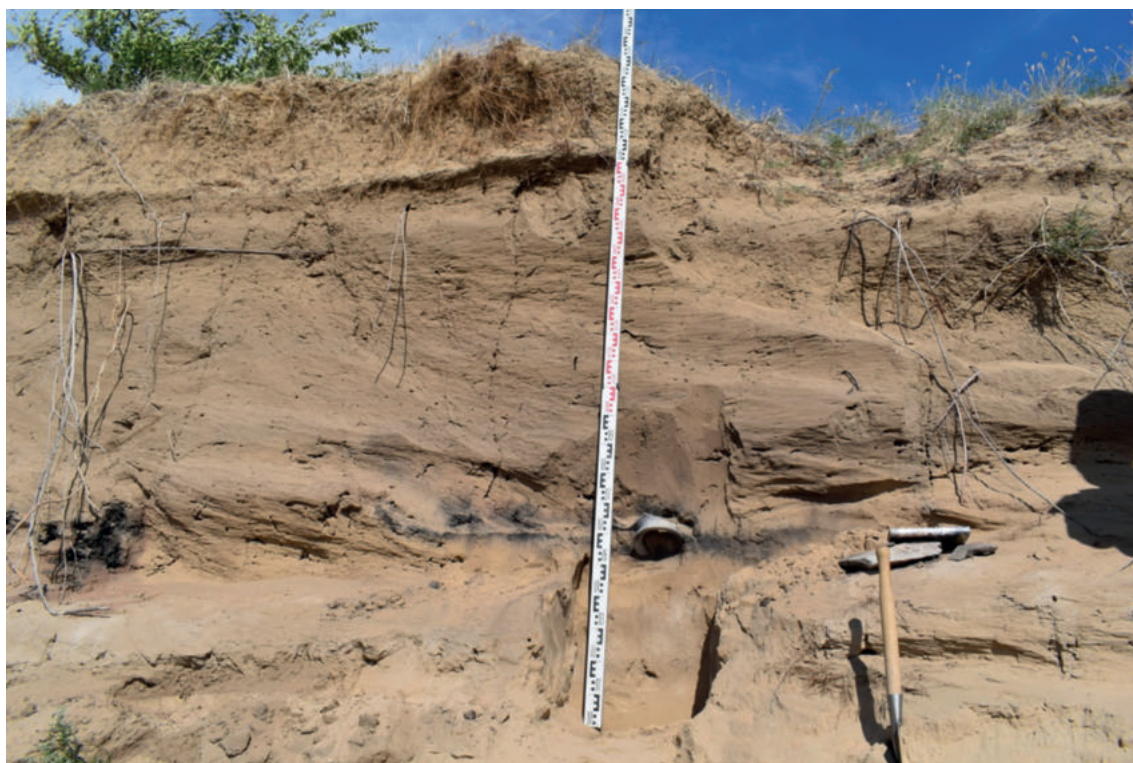

Рис. 3. Фрагменты керамического сосуда и древесный уголь в разрезе Дэбэн 2 на глубине 200–210 см

Литой чугунный сошник имеет длину 12 см, ширину 10,5 см, толщину 5,5 см. Гладкая задняя сторона сошника имеет длину 12,5 см, несколько шире передней, которая по отношению к первой является

как бы стоячим «кармашком», слегка суживающимся к нижнему основанию. В поперечном сечении сошник образует трапецию размерами 6 × 5 × 3,5 см. Вокруг «кармашка» выступает с трех сто-

рон в виде крыльев режущий рабочий край, который у нижнего основания имеет округлые очертания. Крылья выступают на 0,8–1 см от основания «кармашка». Передняя часть сошника («кармашек») имеет по два продольных валика. Два из них проходили вдоль боковых граней сошника, два – посередине. Такой же валик идет по верхнему краю «кармашка». На передней стороне, примерно в центре сошника, в створе, имелись отверстия в виде прямоугольника со сторонами 1,2 и 1 см. На задней стороне орудия – 1 и 0,8–0,9 см. Эти отверстия служили для закрепления сошника на деревянном стержне плуга при помощи чеки. На задней стороне сошник имеет эллипсообразное отверстие длиной 4,6 см, шириной 0,5 см. Боковые узкие грани «кармашка» слегка скошены к передней части сошника, что делало ее на 6–8 мм короче задней.

Рис. 4. Чугунный сошник из кровли погребенной почвы (180–190 см) разреза Дэбэн 2

Находка сошника свидетельствует о земледелии на пятой террасе и возможном нахождении временного населенного пункта. В пользу этого свидетельствует прокол отложений и почвы на глубину до

30 см, фрагменты керамического сосуда, нагар на глыбах обнаруженных ниже находов на уступе террасы. Возраст погребенной почвы (61–437 гг. н. э.) и угля (78–244 гг. н. э.) соответствует римскому климатическому оптимуму (250 г. до н. э. – 400 г. н. э.). Климат этого времени был в Забайкалье, вероятно, более влажным, ландшафты лесостепными. Многочисленные чугунные сошники времени империи Хунну (220 гг. до н. э. – II в. н. э.) найдены в могильнике в Ильмовой пади Г. П. Соновским, на выдувах близ поселков Нижние Дурены (низовья р. Чикоя), Усть-Кяхты и Средние Суджи [4]. Помимо сошников, были найдены зерна проса, серпы, каменные зернотерки, железные наконечники лопаты, костяные мотыги, железоплавильный горн [3].

Заключение. 1. Изучены отложения покровного (5,8 м) и аллювиального (0,9 м) генетических комплексов отложений разреза пятой террасы р. Селенги (разрез Дэбэн 1). Выявлено семь горизонтов погребенных почв, разделенных эоловыми тонкозернистыми пылеватыми песками и слоем пролювиальных отложений. Получены две радиоуглеродных датировки.

2. Почвенно-седиментационная последовательность свидетельствует об активном проявлении эоловых процессов в конце позднего плейстоцена (ниже погребенной почвы на глубине 390–405 см возрастом ~11,7–11,3 тыс. л. н.) и в голоцене.

3. В 50 м южнее в разрезе Дэбэн 2 в третьей сверху погребенной почв были обнаружены фрагменты керамического сосуда, чугунный сошник и двевесный уголь времени существования империи Хунну (220 гг. до н. э. – II в. н. э.).

Находка сошника свидетельствует о хозяйственном освоении данной территории, обработке почвы и земледелии, а фрагментов керамического сосуда и обожженных глыб о временном поселении. Возраст погребенной почвы и угля соответствуют римскому климатическому оптимуму (~250 г. до н. э. – 400 г. н. э.).

Список литературы

1. Будаев Р. Ц., Коломиец В. Л. Особенности золотого рельефообразования в Юго-Восточном Прибайкалье и Западном Забайкалье // Географические исследования в Сибири и Алтае-Саянского трансграничного региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2021. С. 112–125.
2. Голубцов В. А., Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В. Почвообразование и осадконакопление в Селенгинском среднегорье в позднеледниковье и голоцене. Иркутск: ИГ СО РАН, 2017. 139 с.
3. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: ЛГУ, 1985. 111 с.
4. Давыдова А. В., Шилов В. П. К вопросу о земледелии у гуннов // Вестник древней истории. 1953. № 2. С. 193–201.
5. Коломиец В. Л., Будаев Р. Ц., Буянов А. В. Происхождение осадочных отложений высоких террасоувалов р. Селенга в Усть-Джидинской и Гусиноозерской впадинах Западного Забайкалья // Геология и окружающая среда. 2021. Т. 1, № 1. С. 27–40. DOI: 10.26516/2541-9641.2021.1.27.
6. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 180 с.
7. Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Логос, 2001. 312 с.
8. Черных В. Н., Цыдыпов Б. З., Содномонов Б. В., Аюржанаев А. А., Жарникова М. А., Гуржапов Б. О. Современное состояние ландшафтов развееваемых песков Селенга-Чикойского междуречья (Центральная часть Селенгинского среднегорья) // Успехи современного естествознания. 2020. № 12. С. 163–168.

Информация об авторах

Рыжов Юрий Викторович, доктор географических наук, Институт земной коры СО РАН; Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН; Иркутский государственный университет, г. Иркутск; Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Россия, ryzhov Yuriy@yandex.ru

Смирнов Максим Вячеславович, младший научный сотрудник, Институт земной коры СО РАН; Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН; Иркутский государственный университет г. Иркутск, Россия, smv.38@mail.ru

Information about the authors

Ryzhov Yuri V., Doctor of Geographical Sciences, Institute of the Earth's Crust SB RAS; V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; Irkutsk State University, Irkutsk; Institute of Geography RAS, Moscow, Russia, ryzhov Yuriy@yandex.ru

Smirnov Miksim V., Junior Research fellow, Institute of the Earth's Crust of the North SB RAS; V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; Irkutsk State University, Irkutsk, smv.38@mail.ru

УДК 902

Изучение адаптации людей к условиям конца Последнего ледникового максимума на основе исследований стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме

Алексей Владимирович Тетенькин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
altet@list.ru

В 2004–2024 гг. автором были проведены исследования на стоянке Коврижка IV на р. Витим в Байкало-Патомском нагорье. Она расположена на 10–11-й террасе. Тринадцать нижних культурных горизонтов (2А, 2Б, 2Г, 2Г, 3/1, 3/2, 3А, 3Б, 4, 5, 6, 7 к. г.) датируются серией дат AMS в диапазоне 19 100–18 500 л. н. Они залегают в отложениях пойменных фаций аллювия в ситуациях захоронения, близких к *in situ*. В бассейне р. Витим нижние культурные горизонты Коврижки IV являются древнейшими четко стратифицированными археологическими комплексами. Систематически раскапывались и исследовались очагово-жилые сооружения в 6, 2Б, 2Г, 3/2 и 3Б к. г. Получены свидетельства использования охры и предметов искусства. Представительные наборы каменных орудий и дебитаж характеризуют камнеобрабатывающую и орудийную деятельность. Методами классической палеонтологии и Zoo-MS определены виды охотничьей добычи. Антрапологическим методом определены виды деревьев местного ландшафта, которые использовались людьми в качестве дров. В совокупности полученная информация открывает возможность разработки комплексного представления об образе жизни древних людей на начальном этапе

позднего верхнего палеолита. И как таковая – позволяет представить способ адаптации населения к условиям поздней фазы последнего ледникового максимума.

Ключевые слова: поздний верхний палеолит, последний ледниковый максимум, река Витим, Коврижка IV, жилище, очаг, охотничья добыча, каменные источники и орудия, охра, искусство

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00028 (<https://rscf.ru/project/24-28-00028>).

The Study of Human Adaptation to the Conditions of the End of the Last Glacial Maximum Based on Studies of the Kovrizhka IV site on the Lower Vitim

Alexey V. Tetenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
altet@list.ru

During 2004–2024, the author conducted research on the Kovrizhka IV site on the Vitim River in the Baikal-Patom Upland. It is located on a 10–11-meter terrace. The thirteen lower cultural horizons (2A, 2B, 2G, 3/1, 3/2, 3A, 3B, 4, 5, 6, 7 c. h.) are dated by a series of AMS dates in the range 19100–18500 BP. They occur in sediments of the floodplain facies of alluvium in burial situations close to *in situ*. In the basin of the Vitim River, the lower cultural horizons of Kovrizhka IV are the oldest clearly stratified archaeological complexes. The hearth-dwelling structures in 6, 2B, 2G, 3/2 and 3B c. h. were systematically excavated and investigated. Evidence of the use of ochre and art objects were obtained. Representative sets of stone tools and debitage characterize the stone production and tool activities. The types of hunting prey were determined using the methods of classical paleontology and Zoo-MS. The tree species of the local landscape, which were used by people as firewood, were determined by the anthracological method. In the aggregate of the information obtained, it opens up the possibility of developing an integrated understanding of the way of life of ancient people at the initial stage of the Late Upper Paleolithic. And as such, to present a way for the population to adapt to the conditions of the late phase of the Last Glacial Maximum.

Keywords: Late Upper Paleolithic, Last Glacial Maximum, Vitim River, Kovrizhka IV, dwelling, hearth, hunting procurement, lithic sources and tools, ochre, art

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00028 (<https://rscf.ru/project/24-28-00028>).

В течение 2004–2024 гг. под руководством автора ведутся исследования стоянки Коврижка IV на р. Витим в Байкало-Патомском нагорье. Она расположена на 10–11-метровой цокольной террасе. В современном виде это многослойный памятник, состоящий из 15 культурных горизонтов. 1 культурный горизонт (к. г.) принадлежит раннему неолиту, датируется временем 8 500–7 000 л. н. 2 к. г. относится к поздней стадии позднего верхнего палеолита, 13 300–13 100 л. н. Тринадцать нижних культурных горизонтов (2A, 2B, 2G, 3/1, 3/2, 3A, 3B, 4, 5, 6, 7 к. г.) датируются серией AMS-дат в интервале 19 100–18 500 л. н. Они залегают в отложениях пойменной фации аллювия в ситуациях погребения близких к *in situ*. В бассейне р. Витим нижние культурные горизонты Коврижки IV являются древнейшими четко стратифицированными археологическими комплексами. Планово

раскопаны и исследованы очажно-жилищные структуры в 6, 2B, 2G, 3/2 и 3B к. г. Получены свидетельства использования охры, предметы искусства. Представительные наборы каменных орудий и дебитажа характеризуют производственную и орудийную деятельность. Методами классической палеонтологии и Zoo-MS определены виды охотничьей добычи. Антракологическим методом установлены породы деревьев локального ландшафта, использовавшиеся людьми как дрова. В совокупности добытых сведений открывается возможность выработки интегрированного представления об укладе жизни древних людей начальной стадии позднего верхнего палеолита. И в этом качестве представить способ адаптации населения к условиям поздней фазы Последнего ледникового максимума.

Ландшафтно-климатическая обстановка по определениям древесных углей

преимущественно как кустарниковой ивы характеризуется как тундро-степная с островами кустарниковой растительности [1]. Доминирующим в палеонтологических определениях видом является снежный баран. В 6 и 2Б к. г. есть также и определения лося [2; 3].

Ландшафт поселения. Местом поселения людей была пляжная береговая линия за скальным мысом, оканчивающимся в сторону стоянки отвесным обрывом. Скальный мыс, по-видимому, играл ключевую роль в охоте загонного характера. Поселение людей на пляже могло быть безопасным только в беспаводковое время, т. е. не летом. В 6 и 2Б к. г. по характеру выроста зубов А. М. Клементьевым определена зима. По крайне ограниченному характеру набора и количества артефактов из эффузивов во 2Г к. г. также сделан вывод о зимнем сезоне [8].

Жилища. В 6, 2Г, 3/2 и 3Б к. г. определены остатки жилищ в виде несплошных каменных выкладок по кольцевому периметру диаметром до 5,5 м, с очагом внутри [3; 8; 10]. В двух случаях 2Б и 2Г к. г. выбранные площадки в самом начале поселения обсыпались толченым гематитом – охрой [7]. Внутри жилищ неравномерность распределения культурных остатков позволяет выделить рабочую привходовую и тыловую, условно, «спальную» зоны в 3/2 и 3Б к. г.; зону производства микропластин и зону работы «домашними» орудиями в 6 к. г.; зону работы орудиями и «пищевую» зону во 2Г к. г.

Очаги. Судя по различному характеру устройства очагов, обитатели владели большим набором приемов манипуляций с огнем, прогрета очажных камней, пола жилищ. В 6 к. г. одно кострище устроено в центре жилища, а другое на входе. Последнее имело мощную (до 6 см) углистую линзу. Кострище в центре было дважды пересыпано песком. То, что засыпались именно горячие угли, можно утверждать, поскольку лежащая на набросе плитка была нагрета, по данным палеомагнитного анализа, до 250 °С [5].

Во 2Г к. г. зона углей гораздо больше площади каменных выкладок. Последние были в виде полукольца из четырех плит и конструкции из большой плиты, обрамлен-

ной с противоположащих сторон стоящим на ребре массивным яйцевидным валуном диаметром до 40 см, реберчатым обломком, поставленным на мелкие плитки и тем самым приподнятым над углями, а также шестью небольшими плитками и валунчиками. Яйцевидный валун накалялся в течение нескольких часов на костре до температуры 380–440 °С. Обширная, до 3,5 м в длину зона концентрации углей с темным от прогрева грунтом здесь, во 2Г к. г., и пересыпанное песком кострище в 6 к. г. выступают аргументом в выводе о намеренном прогреве пола жилища. Во 2Г к. г. сделан вывод о горении костра в течение нескольких часов в открытом пространстве и лишь затем о сооружении над ним жилища [8]. В 3Б к. г. очаг размерами ~2,10×0,80 м практически перегораживает поперек внутреннее пространство жилища диаметром ~4,60 м. Узкие края вытянутого кострища обрамлены очажными камнями. В жилище 3/2 к. г. камни были установлены на горящий костер очага [10]. В сумме, мы полагаем, что люди активно и разнообразно применяли прием нагрева на огне камней и медленного остывания для обогрева и приготовления пищи. Большие фрагменты костей во 2Г к. г. как раз найдены рядом с очажной конструкцией из плит и валунов.

Особую роль, не ясную пока, играло «черное вещество» [5]. Алеврит черного цвета аллювиального генезиса использовался в засыпке кострища в центре жилища в 6 к. г. Идентичного состава линза диаметром 12 см найдена у очага во 2Б к. г. Наброс из «черного вещества» выявлен в центральной части очага 3Б к. г.

Орудийная деятельность: охотничий промысел, пищевое потребление, обработка шкур и кости. Основу охотничьего вооружения составляло вкладышевое оружие [11]. Производство микропластин везде, за исключением 2Г к. г., играло ведущую роль [4]. С разделкой туш, пищевым потреблением, расщеплением кости связаны трасологически определенные мясные ножи и долотовидные орудия *piece esquilee*. С обработкой шкур связаны скребла и скребки, с обработкой кости и рога – скобели и резчики [8; 10]. Паттерны 6, 2Б, 2Г, 3/1, 3/2 и 3Б к. г. демонстрируют раз-

личные по объему и содержанию видов деятельности ситуации.

Каменные (минеральные) ресурсы. Эксплуатировалось, в основном, местное галечное сырье эффузивной породы. В меньшей доле использовался жильный или чистый кварц (горный хрусталь), в единичных случаях коричневый аргиллит, принесенный с удаленных источников. В исключительном случае 2Г к. г. в небольшой коллекции каменных артефактов (всего 1437 ед.; для сравнения, ассамбляж жилища 3Б к. г. составляет более 13000 ед.) жильный кварц занимает около 60 % всего дебитаж, что, вероятно, связано со снежным покровом, препятствующим сбору галечного сырья с пляжей.

Практически во всех комплексах сырье принесено в виде расколотых галек, сколов, пластин, бифасов, т. е. первично переработанных. В 3Б и 2Б к. г. выявлены случаи преднамеренного оставления готовых орудий (депозиты). В двух случаях 6 и 2Б к. г. установлено, что каменный запас люди принесли вместе с охрой [9]. Гематит, дроблением которого получали охру, доставлялся с месторождений, удаленных от Коврижки IV на сотни киломе-

тров. В случае 2Г к. г. – с принципиально отличных источников, предположительно, западного (ленского) и восточного происхождения [7].

К знаково-символической деятельности, несомненно, относятся антропоморфная фигура из пластины из бивня мамонта из 6 к. г. [3; 5] и обломок заготовки подвески из графита из 4 к. г. Как минимум в ряде случаев, вероятно, имело место символическое применение охры, ассоциированной с антропоморфными поделками (6 к. г.), очагом (2Б и 3Б к. г.), камнями обкладки жилища (3/2 к. г.). Предположено знаково-символическое значение для пяти парных выкладок валуна и плиты в 6 к. г. [3].

В совокупности эти данные формируют уникальные в своей репрезентативности представления о культурном феномене многократного сезонного обитания охотников-собирателей на берегу реки, в холодное время года, в тени скального обрыва-выступа, во время дпящегося еще Последнего ледникового максимума МИС-2. Комплекс представлений, который в итоге сложится, предстоит к корреляции с опорными культурными комплексами позднего верхнего палеолита Северо-Восточной Азии.

Список литературы

1. Анри А., Безрукова Е. В., Тетенькин А. В., Кузьмин М. И. Новые данные к реконструкции растительности и климата в Байкало-Патомском нагорье (Восточная Сибирь) в максимум последнего оледенения – раннем голоцене // Доклады Академии наук. 2018. Т. 478, № 5. С. 584–587. DOI: 10.7868/S0869565218050195.
2. Тетенькин А. В., Анри О., Жакье Дж., Клементьев А. В., Уланов А. А. Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015–2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4. С. 9–18.
3. Тетенькин А. В., Анри А., Клементьев А. М. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести. СПб., 2017. Вып. 23. С. 33–55.
4. Тетенькин А. В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 21. С. 107–135.
5. Тетенькин А. В., Жмур О. В., Демонтерова Е. И., Канева Е. В., Сальная Н. В. Фигуры из бивня мамонта и знаково-символический контекст палеолитического жилища на стоянке Коврижка IV в низовье Витима // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 4. С. 3–12. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.003-012.
6. Тетенькин А. В. Планиграфический анализ очажного комплекса 2Б культурного горизонта Коврижки IV: реконструкция деятельности ситуации // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 2. С. 26–51.
7. Тетенькин А. В., Демонтерова Е. И., Канева Е. В., Анри О., Говри Ру Э. Охра в позднепалеолитических контекстах стоянки Коврижка IV на Байкало-Патомском нагорье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 33–42. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.033-042.

8. Тетенькин А. В., Демонтерова Е. И., Поплевко Г. Н., Разгильдеева И. И., Сальная Н. В., Анри О. Позднепалеолитический комплекс культурного горизонта 2Г стоянки Коврижка IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье) // *Stratum Plus*. 2021. № 1. С. 259–300.

9. Тетенькин А. В., Демонтерова Е. И., Статкус М. А., Абдрашитова И. В. Охру и каменный запас люди переносили вместе // *Российские нанотехнологии*. 2023. Т. 18, № 5. С. 636–644. DOI: 10.56304/S1992722323050187.

10. Тетенькин А. В., Анри А., Говри Ру Э., Демонтерова Е. И., Разгильдеева И. И. Вновь открытый комплекс остатков жилища позднего верхнего палеолита на севере Прибайкалья: исследования культурного горизонта 3/2 стоянки Коврижка IV на реке Витим // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2024. Т. 52, № 1. С. 47–57. DOI: 10.17746/1563-0102.2024.52.1.047-057.

11. Gauthier Roux E., Teten'kin A. V., Henry A. Which uses for the Late Glacial microblades of Eastern Siberia? Functional analysis of the lithic assemblage of Kovrizhka IV, level 6 // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17, № 2. С. 9–22.

Информация об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, altet@list.ru

Information about the author

Tetenkin Alexey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy, Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Life Systems of the Peoples of North Asia, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, altet@list.ru

УДК 902

К вопросу о хуннском влиянии в Южном Приангарье

Илья Викторович Уланов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
ussr-ilya@yandex.ru

В статье рассматриваются масштабы и формы влияния империи хунну на Южное Приангарье. Согласно археологическим данным, в конце I тыс. до н. э. в Прибайкалье мы видим достаточно сильный культурный импульс хунну в виде большого количества инородных для этого региона предметов. А. В. Харинский предполагает наличие культурно-экономических связей между двумя регионами, исключая версию о вхождении южной части долины р. Ангара в состав государства хунну, поскольку отсутствуют захоронения по хуннскому обряду и керамика хунну. Однако, на наш взгляд, эти факты не исключают включения региона в состав империи. Во-первых, государство хунну представляло собой конфедерацию, включавшую различные племена. Соответственно, власть империи не обязательно должна была устанавливаться этническими хунну, это могли быть жители соседнего народа, отправленные на переселение или в качестве экспедиционного корпуса. Во-вторых, культурно-экономические связи между немногочисленным населением, населявшим скромные (по меркам среднеазиатских степей) степные острова Прибайкалья, и могущественной державой, где с позиции силы выступала империя Хунну, безусловно, были неравномерными.

Ключевые слова: Южное Приангарье, ранний железный век, хуннское время, погребальные комплексы, сопроводительный инвентарь, случайные находки

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ. Проект № 23-78-01132 (<https://rscf.ru/project/23-78-01132>) «Заполняя лакуны: Древние культуры раннего железного века и раннего средневековья в Южном Приангарье».

On the Issue of the Xiongnu Influence in the Southern Angara Region

Ilya Viktorovich Ulanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

ussr-ilya@yandex.ru

The article discusses the extent and forms of influence of the Xiongnu Empire on the Southern Angara region. According to archaeological data, at the end of the 1st millennium BC in the Cis-Baikal region we see a fairly strong cultural Xiongnu impulse in the form of a large number of objects foreign to this region. A. V. Kharinskii suggests cultural and economic ties between the two regions, excluding the version of the southern part of the Angara River valley becoming part of the Xiongnu state, since there are no burials according to the Hunnic rite or Xiongnu ceramics. However, in our opinion, these facts do not exclude the inclusion of the region in the empire. Firstly, the Xiongnu state was a confederation that included various tribes. Accordingly, the power of the empire did not necessarily have to be established by ethnic Xiongnu, they could be residents of the neighboring people who were sent for resettlement or as expeditionary corps. Secondly, the cultural and economic ties between the small population that inhabited the modest (by the standards of the Central Asian steppes) steppe islands of the Baikal region and the mighty power were certainly uneven, where the Xiongnu Empire acted from a position of strength.

Keywords: Southern Angara region, Early Iron Age, Xiongnu time, burial complexes, accompanying inventory, random finds

Acknowledgments: the research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation. Project No. 23-78-01132 (<https://rscf.ru/project/23-78-01132>) "Filling the gaps: Ancient cultures of the early Iron Age and early Middle Ages in the Southern Angara region."

Держава хунну, будучи первой кочевой империей на степных просторах Центральной Азии, на пике могущества включала в свою орбиту сопредельные территории, в том числе часть сибирских регионов. Хорошо известно о хуннском присутствии или влиянии в Западном Забайкалье и Южной Сибири [1; 3–5; 11], однако о роли хунну в жизни народов, заселявших Предбайкалье, известно гораздо меньше.

Во многом это объясняется географической изолированностью региона горными хребтами и таежными массивами от степей Южной Сибири, Монголии и Забайкалья. Среди лесных и лесостепных ландшафтов в Предбайкалье выделяется три степных района – Балаганский (Унгинско-Осинский), Кудинский и Приольхонский. Исследователями скотоводческих культур эта территория справедливо рассматривалась как периферия относительно Центральной Азии, где с конца I тысячелетия до н. э. происходили бурные политические события, приводившие к созданию и гибели кочевых империй.

В основном памятники конца I тысячелетия до н. э. – начала I тысячелетия н. э. в Предбайкалье маркируются предметами, характерными для культуры хунну. Такие артефакты происходят в большинстве случаев из захоронений либо в виде случай-

ных находок. Наиболее археологически изученным районом для этого периода в регионе является Приольхонье [15–18].

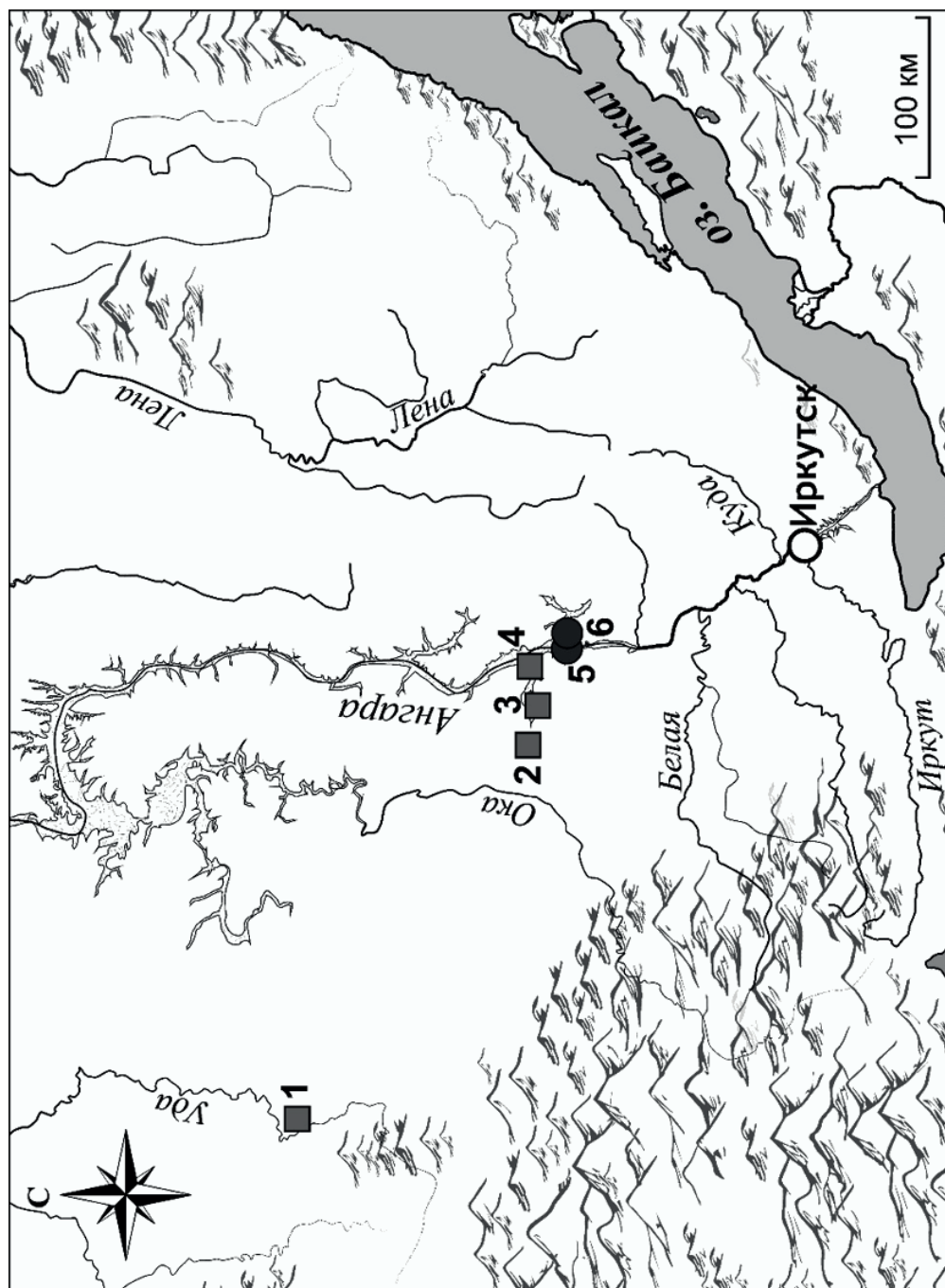
Гораздо меньше данных имеется по остальным районам Предбайкалья. Одним из наименее изученных является Южное Приангарье. Археологические объекты с находками хуннского облика здесь немногочисленны, но интересны (см. рисунок).

Погребальные комплексы представлены двумя могильниками, компактно локализованными на территории Осинского расширения Братского водохранилища р. Ангары.

Первый – могильник Остров Осинский, расположенный на одноименном острове напротив входа в Осинский залив Братского водохранилища р. Ангары. Исследовался В. И. Смотровой в 1981–1982 гг. и автором в 2016 г. Из 14 разновременных захоронений (от неолита до бурятских трупосожжений XVIII–XIX вв.) три уверенно отнесены к хуннскому времени. Это погребения № 4 (1981 г.), № 2 (1982 г.) и № 1 (2016 г.) [7].

Захоронения располагались в южной части острова и найдены в разрушенном (волноприбойной деятельностью) состоянии. Надмогильные конструкции отсутствовали. О положении погребенных в могиле судить невозможно.

300 лет научных исследований в Забайкалье

Местонахождения хуннского времени в Южном Приангарье (круглыми значками обозначены могильники и одиночные захоронения, квадратными – случайные находки из подъемных сборов): 1 – находка поясных пластин на берегу р. Уды возле п. Вознесенский; 2 – находка бронзового наконечника ремня на левом берегу р. Куйта; 3 – находка фрагмента поясной пластины в Унгинском заливе; 4 – находка наконечника ремня в устье р. Унги; 5 – могильник Остров Осинский; 6 – захоронение Игетейский Лог 2

Погребение № 4 (1981 г.). Могильная яма не прослежена. Кости двух индивидов – подростка 13–15 лет и мужчины 30–35 лет, располагались единым скоплением, лишь кости нижних конечностей подростка в анатомическом состоянии найдены в 3 м юго-восточнее основных, а кости правой голени мужчины находились на севере скопления. Это наиболее погребение богатое по количеству и разнообразию инвентаря (34 экз.). Здесь найдены изделия из железа (ножи, кольца, трубочка, пряжка, пуговица), кости (накладки лука, наконечники стрел, пряжка, кольца-ворворки, детали прибора для получения огня) и три бронзовые поясные пластины [10].

Погребение № 2 (1982 г.). Захоронение представляло скопление костей и артефактов, зафиксированных на участке размерами 3 × 8 м. При дальнейшей расчистке выявлен контур могильной ямы овальной формы (3 × 2 × 0,44 м), вытянутой по оси СВ – ЮЗ, в которой обнаружены отдельные кости скелета, принадлежавшие пожилому мужчине. Находки представлены железными (ножи, пряжка, кольца, пуговица), костяными предметами (накладка лука, наконечник стрелы, пряжка, палочка, трубочка, фрагменты колец-ворворок) и бронзовыми пряжкой и ложечковидным наконечником ремня [7].

Погребение № 1 (2016 г.). Отдельные кости левой ступни частично сохранили анатомический порядок. При расчистке были также найдены фрагменты левой голени и еще несколько костей ступни. Останки принадлежали индивидууму 30–45 лет. Могильная яма не прослежена, только вокруг костей зафиксированы остатки засыпки захоронения. Среди костей и рядом найдены предметы из железа (пуговица и кольцо) и кости (подпружная пряжка и наконечник стрелы). По фаланге стопы погребенного получена ¹⁴C-дата – 2155±20 л. н. (UCIAMS-186302) [14].

Второй комплекс – одиночное захоронение на памятнике Игетейский Лог 2. Он располагается на левом берегу Осинского залива Братского водохранилища рядом с одноименным логом и входит в число местонахождений Игетейского комплекса, известного своими палеолитическими стоянками. В 1985 г. В. И. Смотровой и А. И. Ува-

ровым найдены четыре безы Inventарных захоронения, а в 40 м к западу от них в осыпи и при зачистке обнажения найдено погребение хуннского времени, ограбленное еще в древности [13]. Кости располагались беспорядочно, вследствие чего первоначальное положение погребенного установить не удалось. Погребальный инвентарь представлен изделиями из кости (накладки лука, наконечник ремня, пряжки) и наконечником ремня из бронзы.

Случайные находки и подъемные сборы являются еще одним источником обнаружения предметов хуннского облика.

На могильнике Остров Осинский в районе описанных погребений в 2016–2017 гг. была собрана коллекция предметов по всей видимости из разрушенных захоронений. В нее вошли сферические бусины и шестигранная пронизка из камня, костяные ворворка и подпружная пряжка, а также бронзовое зеркало с орнаментом.

Случайные находки в других местах Южного Приангарья представлены следующими предметами.

Две поясные пластины: одна со сценой поединка куланов, другая с изображением борьбы двух кошачьих и дракона найдены на берегу р. Уды возле пос. Вознесенского недалеко от г. Нижнеудинска [6, с. 402 (рис. 150)].

Фрагмент поясной пластины с решетчатым орнаментом найден О. Б. Варламовым в 1987 г. на левом берегу Унгинского залива Братского водохранилища р. Ангары.

Один бронзовый ложечковидный наконечник ремня найден в устье р. Унги М. П. Овчинниковым в 1907–1910 гг. Другой – В. С. Николаевым на левом берегу р. Куйты в Нукутском районе Иркутской области.

Фрагменты бронзового зеркала с орнаментом, аналогичного упомянутому зеркалу из сборов на о-ве Осинском, найдены черными копателями в Заларинском районе Иркутской области.

подавляющее большинство предметов, найденных в захоронениях Острова Осинского и Игетейского Лога 2 и все из описанных случайных находок и подъемных сборов имеют аналоги в хуннских комплексах Забайкалья и Монголии, а также

на местонахождениях Южной Сибири хуннского времени.

На основании результатов сравнительного анализа сопроводительного инвентаря из погребений и случайных находок, а также единственной ^{14}C -дате, полученной по фаланге стопы из захоронения 2016 г. с Острова Осинский – 2155 ± 20 л. н. (UCIAMS-186302), можно сделать вывод о датировке описанных комплексов III в. до н. э. – I в. н. э.

Культурная интерпретация погребальных комплексов затруднена, поскольку все захоронения разрушены. Современная культурно-хронологическая схема раннего железного века Байкальской Сибири впервые была предложена О. И. Горюновой. Исследователь разделила все имеющиеся на тот момент погребения на три большие культурно-хронологические группы: плиточные могилы (VII–II вв. до н. э.), елгинская (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) и бутухейская (II в. до н. э. – I в. н. э.) [2].

По мере наполнения источниковой базы, эта схема была уточнена и дополнена [6; 12; 17]. Для западного побережья оз. Байкал в хуннское время исследователи выделяют две группы захоронений: 1) погребения бутухейского типа (с XIV в. до н. э. до начала I в. н. э.), для которого характерно наличие плоской овальной каменной кладки и положение погребенного в могильной яме вытянуто на спине, головой ориентированного на восток – юго-восток; 2) погребения елгинского типа (V в. до н. э. – IV в. н. э.). Для второй группы характерно наличие плоских каменных кладок, по форме овальных либо четырехугольных и положением костяка в могильной яме на боку с подогнутыми ногами, головой ориентированного на юго-восток. Их появление исследователи связывают с двумя волнами миграций населения из Забайкалья (Сотниково), причём, вторая волна (в конце III в. до н. э.) связана с вхождением этой территории в состав державы хунну [6; 17].

Захоронения острова Осинский и Игетейского Лога 2, несмотря на отсутствие доказанного положения, ориентировки погребенных и каких-либо следов надмогильных сооружений, также были включены елгинскую группу [6, с. 214–217; 17, с. 21].

В качестве аргумента исследователи приводят еще одно захоронение на Острове Осинском – № 3 (1982 г.), в котором умерший – подросток находился на правом боку со слегка согнутыми ногами, головой – на ЮВ. По положению и ориентировке А. В. Харинский относит его к елгинской традиции. А. М. Коростелев, отмечая, что погребение находится на удалении от захоронений хуннского времени, считает его поздним елгинским. Однако в 2016 г. недалеко от места обнаружения этого погребения найдено захоронение на боку с подогнутыми ногами, отнесенное к черенхынской традиции и датированное по AMS ^{14}C V–VI вв. н. э. [14]. Также в захоронении № 3 (1982 г.) бросается в глаза почти полное отсутствие инвентаря (за исключением ножа), в то время как южные захоронения имеют довольно многочисленный и разнообразный инвентарь. Нельзя исключать, что данное погребение также может относиться к раннему средневековью.

Вполне может быть, что захоронения хуннского времени на Острове Осинский и Игетейский Лог 2 относятся к елгинской погребальной традиции, в захоронениях которой также имеется большое количество хуннских предметов.

Главным остается вопрос о месте Южного Приангарья и всего Предбайкалья относительно империи хунну. Скудные данные китайских письменных источников не дают сколь-нибудь отчетливой картины политических событий в этом регионе, а на современных картах хуннской империи, историки весьма условно рисуют ее северную границу поперек оз. Байкал [см., напр., 19, с. 285–288]. По археологическим же данным, в конце I тыс. до н. э. в Предбайкалье мы видим довольно сильный культурный хуннский импульс в виде большого количества инородных для данного региона предметов. А. В. Харинский предполагает тесные культурно-экономические связи между двумя регионами, исключая версию о вхождении южной части долины р. Ангары в состав державы хунну, поскольку здесь отсутствуют захоронения по хуннскому обряду и хуннская керамика [16].

Однако, на наш взгляд, отсутствие керамики и захоронений по классическому

хуннскому обряду не исключает вхождение этого региона в состав империи.

Во-первых, держава хунну являлась конфедерацией, включавшей различные племена. Соответственно власть империи не обязательно должны были устанавливать этнические хунны, это могли быть жители народа по соседству, которых отправили по приказу имперской военной верхушки на переселение или в качестве экспедиционного корпуса. Представители этих племен могли иметь свой обряд и керамику, отражающую его этническую специфику, но при этом нести на себе печать хуннского культурного и политического влияния. Это предположение не противоречит концепции А. В. Харинского и А. М. Коростелева о приходе в Предбайкалье из Забайкалья во время хуннской экспансии второй волны сотниковцев.

Здесь же стоит отметить, что изделия из бронзы (ажурные пластины и зеркало с Осинского) отличаются от хуннских и китайских слабой прорисовкой изображений, т. е., вероятно, это могли быть копии хуннских предметов, сделанные нехуннскими (забайкальскими или прибайкальскими?) мастерами.

Во-вторых, культурно-экономические связи небольшой популяции, населявшей

скромные по площади (по меркам центральноазиатских степей) степные островки Предбайкалья, с могучей державой наверняка носили неравномерный характер, где империя хуннов действовала с позиции силы. Проще говоря, зачем торговать, когда можно подчинить и заставить поставлять интересующий ресурс в виде дани?

Интересно отметить, что такой сильный культурный импульс ощущается далеко не по всей территории Байкало-Енисейской Сибири. В таежной зоне Сибири, например, в Северном Приангарье и Среднем Енисее среди материалов оригинальных археологических культур присутствуют отдельные элементы хуннской культуры [9], а в соседней с регионом Якутии хуннское влияние, выражено в отдельных находках и местных подражаниях в орнаменте и формах некоторых предметов [8].

Тем не менее для уверенной трактовки влияния империи хунну на Южное Приангарье у нас на данный момент недостаточно данных. Главной задачей, встающей перед исследователями сегодня, является поиск и исследование погребальных комплексов хуннского времени, что усложняется отсутствием надмогильных сооружений.

Список литературы

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1: М–Л. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
2. Горюнова О. И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современные проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-Удэ, 1993. С. 76–80.
3. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 97 с.
4. Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // Археологические вести. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
5. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 219 с.
6. Коростелев А. М. Бутухейские и елгинские погребально-поминальные комплексы Предбайкалья V в. до н. э. – IV в. н. э.: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. Барнаул, 2022. 413 с.
7. Уланов И. В., Веренская А. В., Иванов Г. Л., Никулина Е. Д., Тарановский А. Ю. Погребальные комплексы острова Осинский (Братское водохранилище) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 22. С. 124–149.
8. Савинов Д. Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 2. С. 59–72.
9. Сенотрусова П. О. «Хуннский» компонент в культуре средневекового населения Нижнего Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. С. 78–86.
10. Смотрова В. И. Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 136–143.

11. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. № 3. С. 31–40.
12. Туркин Г. В. Погребальная обрядность населения Предбайкалья в конце II – I тыс. до н. э. (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 82–93.
13. Уваров А. И., Бердникова В. И. Исследования Осинского залива Братского водохранилища // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 288.
14. Уланов И. В. Новые погребения на острове Осинском (Братское водохранилище) // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2017. Вып. 6. С. 292–299.
15. Харинский А. В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э.: генезис культуры и их периодизация. Иркутск: ИрГТУ, 2001. 199 с.
16. Харинский А. В. О хуннах в Предбайкалье // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): материалы междунар. науч. конф. (23–29 августа 2005 г.). Улан-Удэ, 2005. С. 15–17.
17. Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3. С. 19–43.
18. Харинский А. В., Коростелев А. М. Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011. С. 173–203.
19. Xiongnu Historical Maps // Encyclopaedia Xiongnu / ed. by Ts. Turbat. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology MAS, 2013. P. 284–288.

Информация об авторе

Уланов Илья Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, научный сотрудник, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, ussr-ilya@yandex.ru

Information about the author

Ulanov Ilya V., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Researcher, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ussr-ilya@yandex.ru

УДК 902

Каменные индустрии эпохи неолита-палеометалла на территории Северного Приангарья по материалам памятников в устье реки Кутарей: особенности, хронология, аналогии

Анна Николаевна Чеха

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Россия
cheha.anna@yandex.ru*

В результате исследования археологических материалов памятника Устье Реки Кутарей удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и смешанные, была произведена выборка и выполнен сравнительный анализ материалов с соседних памятников (Гора Кутарей и Сенькин (Синий) камень). Проведенные исследования позволили выявить на памятнике Устье Реки Кутарей концентрацию производства мелких пластинчатых сколов, а на памятнике Гора Кутарей производства тесел, топоров и веерных скребков, представлен анализ целевых пластинчатых сколов. В результате удалось (с долей условности) выделить более ранний (средний) этап неолита (гор. 2 сл. 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (сл. 3. гор. 1, сл. 2 стоянки Устье Реки Кутарей, Гора Кутарей). В данной статье обобщаются результаты полученных ранее данных в контексте проблематики изучения региона, описывается круг основных аналогий.

Ключевые слова: Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы

Благодарности: работа выполнена по Государственному заданию № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Neolithic-Paleometal Stone Industries from the Sites of the Kutarey River Mouth in the North Angara Region: Specific, Chronology, Analogies

Anna N. Chekha

*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

cheha.anna@yandex.ru

As a result of the study of archaeological materials from the Ust'-Kutarey site, it was possible to identify conditionally "pure" Neolithic complexes and mixed ones, and a comparative analysis of materials from neighboring sites (Gora Kutarey and Senkin (Sinyi) Kamen) was made. The conducted research allowed to reveal the concentration of production of microblade chippings at the Ust'-Kutarey site, and at the Gora Kutarey site- production of cadzes, axes and fan scrapers, the analysis of target blade blanks was also performed. As a result, it was possible (with a degree of conventionality) to distinguish an earlier (middle) stage of the Neolithic (hor. 2, layer. 3 Ust'-Kutarey site) and a later (layer. 3, hor. 1 ; layer. 2 Ust'-Kutarey site, Gora Kutarey site). In general, the sites in the Ust'-Kutarey area demonstrate the continuation of Mesolithic traditions of Ust-Kova I. The closest analogies of stone industries are found in the materials of the Kato-Yodarminsky extension (arrowheads), Kezhemsky area (Ust-Kova I, Utes Medvezhy, Toloknyanka 2), as well as with the materials of Yakutia and Continental Priokhotie.

Keywords: Northern Angara region, Neolithic, paleometal, stone industry, compressional nature of deposits, ceramic complexes, rescue archaeological work

Acknowledgments: the work was carried out under State Assignment No. FWZG-2022-0003 "Northern Asia in the Stone Age: Cultural Dynamics and Environmental Context".

Памятники в устье реки Кутарей относятся к Северному Приангарью (Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей; археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма; археологический памятник Сенькин (Синий) Камень расположен в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 621 км от ее устья, в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км ниже по течению от села Кежма).

Исследователями отмечается географическая, климатическая и орографическая обособленность региона, что создавало благоприятные условия для формирования и развития на юге Средней Сибири в раннем неолите самобытных культурных общностей без серьезного влияния извне.

Однако изучение археологических памятников региона сопряжено с другими не столь благоприятными факторами: как правило, памятники Северного Приангарья носят преимущественно стояночный

характер с отсутствием закрытых комплексов, отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений слабо стратифицированы (компрессионный характер отложений (макростоимость).

По современным данным время появления гончарства (сетчатая и шнуровая хайтинская керамика) в регионе сегодня определяется датами по костям копытных для слоя 3 стоянки Холмушино 3 на р. Белая в интервале 8 510–8 380 кал. л. н. [1]. Указанные типы керамики продолжают бытовать на территории региона вплоть до ~7 000–6 900 кал. л. н. [6]. Первые немногочисленные погребения фиксируются в интервале ~8600-8000 кал. л. н., однако керамика в них отсутствует [15].

В среднем неолите, после ~7 000 кал. л. н., культурная ситуация в Байкало-Енисейской Сибири меняется. Это выражено в появлении в материалах стоянок новых типов керамики – посольского и усть-бельского. Наиболее надежные AMS-даты по 7 образцам зубов и костей оленей для комплексов с этой керамикой, полученные в результате раскопок поймы на местонахождении Усть-Белая в Южном Приангарье, демонстрируют ее возраст в интервале – 6 700–6 300 кал. л. н. По нага-

ру с двух сосудов из раскопок Усть-Белой получены более древние определения, но это, видимо, является следствием эффекта пресноводного резервуара [2].

Для посольской керамики на данный момент достаточно надежные AMS-даты со значениями в диапазоне 6 750–6 310 кал. л. н. получены для местонахождений байкальского побережья [6].

Погребальные комплексы для среднего этапа неолита до сих пор не были идентифицированы [14]. Исследователями были проанализированы доступные сведения по региону и создана база данных, которая включает 108 погребальных комплексов Приангарья и Канско-Енисейского региона, обладающих рядом признаков, не характерных в своем сочетании для захоронений раннего и позднего неолита. Серийное датирование погребений из данной базы позволит выделить группу захоронений для среднего неолита [2].

Материалы могильников позднего неолита исаковской и серовской традиций захоронений (5 600–4 600 кал. л. н.) [15] хорошо коррелируют с комплексами стоянок, особенно байкальского побережья, где, примерно, в этот же период фиксируется серовская и пунктирногребенчатая керамика [7].

Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала сл. 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. Выявлено, что для слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей, на уровне обоих его горизонтов, преобладает керамика, относящаяся к неолиту (усть-бельская, сетчатая, посольского типа). В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий на памятнике удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики). Для более целостного понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку была сделана выборка орудий и пластинчатых сколов, а также нуклеусов со стоянок Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень для сравнения с полученными данными.

На памятнике Устье Реки Кутарей выявлена концентрация микропластинчатого производства.

Среди орудий, соотносящихся с комплексом 1 многофасеточный резец-дрель. Как правило, в ситуации преобладания микропластинчатой технологии, орудия такого типа связывают с мезолитической традицией. Как, например, в материалах культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова-I, где представлена серия типологически близких орудий [11, с. 82, 96]. Также подобные изделия известны на памятниках Якутии, Континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) [10]. Индустрию комплекса также отличает и наличие листовидных/овальных бифасов, в большинстве своем представленными заготовками и фрагментами (4 целых экз. (один 10 см длиной), 15 фрагментов, 6 заготовок), а также шлифованных форм (12 экз. тесел, переоформлены и/или оббиты по одному из продольных краев, изготовлены из туфоалевролитов).

Среди орудий, соотносящихся со смешанным керамическим комплексом следует отметить остроконечник с вентральной ретушью, бифасиально обработанную проколку на пластинке, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников, микроскребок на отщепе размером 16,3 мм оформленный крутой чешуйчатой ретушью, цапфенный топор из плитки сланцевой породы, выполненный в технике фасонажа по всему периметру отдельности с выделением цапф с пришлифовкой лезвия. Морфологически наиболее близкие изделия (для обоих экз. топоров) найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и IV уровней отложения культуры) [9, с. 88, 94]. В целом комплекс отличается отсутствием орудий на пластинах, тесел (1 экз.), ретушированных отщепов (11 экз. с утилизацией), отсутствием двойных концевых скребков (представлены лишь 4 экз. концевых скребков: 3 – на отщепах, 1 – на пластине).

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннежелезному веку и средневековой (тонкожгутиковая, посуда шилкинского типа 2 400–2 100 л. н.), керамика цэпаньской культуры (2 800–2 200 л. н.). Неолитический компонент присутствует в неболь-

шом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками, широко распространенными на Северо-Востоке Азии. Подобные изделия присутствуют прямо или косвенно в материалах Чукотки (стоянки Верхнетытыльская IV и Нижнетытыльская IV; Тытыль, п. 2), Якутии (Уолбинский могильник; Юбилейный), Камчатки (Ушки I, -II, III-IV слой; Авача-1, -9) и рассматривается исследователями в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся в первой половине голоцена, примерно 8800–6 000 л. н. [10]. На памятниках Верхней Колымы (Уи; Агробаза II), Якутии (Уолба), Приохотья (Кухтуй II), Камчатки (Авача I) также отмечаются трех и четырехгранные наконечники.

Важно также отметить, что на стоянке Устье Реки Кутарей не зафиксированно характерной для региона керамики с «жемчужником», распространенной также на территории Канско-Рыбинской котловины, время существования которой оценивается в 4–2,8 тыс. л. н., а уже на стоянке Гора Кутарей данный тип посуды встречается.

Учитывая данные планиграфического анализа, сопоставления с керамикой и статистического анализа пластинчатых заготовок можно сделать предположение, что горизонт 2 (сл. 3) относится к более ранней (средней) стадии неолита, характеризующейся большим количеством мелких пластинчатых (целевых) микропластинчатых сколов шириной 5–6 мм. Для более поздней стадии характерно снижение количества мелких пластинчатых заготовок, появляется большее количество листовидных бифасов, тесла, топоры. На памятнике Гора Кутарей уже фиксируется концентрация производства тесел, топоров и скребков веерного типа. Количество пластинчатых сколов незначительно, не зафиксировано конусовидных и карандашевидных ядрищ. Среди орудий весомую группу составляют нако-

нечники (6 экз.): листовидный с прямым насадом (42,1 мм) треугольный с прямым насадом (25,3 мм), треугольный черешковый (22,5 мм, черешок длиной 5,4 мм), еще два экз. – треугольные с вогнутым насадом (16 мм и 56 мм), один из них удлиненный, с глубокой выемкой (13 мм). Подобный экз. был обнаружен на Устье-Кове I пункт 2 (2 культурный горизонт), а также на памятнике Сосновый Мыс в культурном горизонте 3 [8]. Материалы, обнаруженные в отложениях I надпойменной террасы р. Ковы, предположительно отнесены к раннему голоцену [11]. Особо следует отметить шлифованный по всей поверхности нож с обушком, выполненный из нефрита длиной 65 мм. По петрографическим данным ближайшие выходы нефрита могут быть в Бурятии и на юге Иркутской области.

Учитывая, что горизонт 2 слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей содержит только неолитическую керамику (по последним данным, комплексы с керамикой посольского типа ряд авторов относит к среднему неолиту и датирует (5,5–5 тыс. л. н.) [7] по материалам Саган-Заба II; керамику с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6 900–4 100 л. н.). Отсюда с большой долей условности можно сделать предположение, что эти материалы относятся к более раннему этапу неолита (среднему), а горизонт 1 содержит материалы более поздней развитой стадии неолита. Статистический анализ пластинчатых сколов и бифасиальных изделий также частично свидетельствует в пользу данной гипотезы [12; 13].

Безусловно, важную для хронологического определения материалов стоянки Устье Реки Кутарей информацию дало датирование погребения (хотя и безынвентарного), обнаруженного под слоем 3. Получена радиоуглеродная дата 6619 ± 87 (NSKA-1863). Полученные данные также вносят существенный вклад в разработку проблем культурной принадлежности и генезиса средненеолитических погребальных комплексов Байкало-Енисейской Сибири [3].

В целом памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Устье-Ковы I [11].

Ближайшие аналогии каменные индустрии района (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка 2) [4], а также с материалами расширения (наконечники), Кежемского Якутии и Континентального Приохотья.

Список литературы

1. Бердников И. М., Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 21. С. 5–32.
2. Бердников И. М., Бердникова Н. Е. Погребальные комплексы Байкало-Енисейской Сибири с неопределенной культурно-хронологической принадлежностью: анализ и корректировка базы данных // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2022. Т. 40. С. 12–25.
3. Бердников И. М., Макаров Н. П., Савенкова Т. М., Бердникова Н. Е., Соколова Н. Б., Ким А. М., Райх Д. Среднеолитические погребения Байкало-енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. 51. С. 42–51.
4. Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) // Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1.
5. Гришин А. Е., Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Гурулев Д. А., Шнайдер С. В., Кулик Н. А., Васильев С. К., Кребс Е. А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.) // Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 2.
6. Горюнова О. И., Новиков А. Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 98–107.
7. Долганов В. А., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2013. Т. 12, вып. 7. С. 125–132.
8. Кузнецов А. М., Дударёк С. П., Лохов Д. Н., Роговской Е. О., Савельев Н. А., Тимошенко А. А. Баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 1. С. 35–61. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-35-61.
9. Липнина Е. А., Лохов Д. А., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1. С. 71–101.
10. Слободин С. Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Известия СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 2. С. 110–119.
11. Томилова Е. А., Стасюк И. В., Акимова Е. В., Кукса Е. Н., Михлаева Ю. М., Горельченкова О. А., Харевич В. М., Орешников И. А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 8. С. 82–99.
12. Чеха А. Н. Неолитические комплексы Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье (проблемы, особенности, аналогии) // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2022. Т. 28. С. 394–399.
13. Чеха А. Н. Бифасиальные орудия эпохи неолита-палеометалла из памятников Усть-Кутарейского участка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2023. Т. 29. С. 431–435.
14. Weber A. W., Katzenberg M. A., Schurr Th. G. Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. 319 p.
15. Weber A. W., Schulting R. J., Ramsey C. B., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Berdnikova N. E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. Vol. 419. P. 74–98.

Информация об авторе

Чеха Анна Николаевна, инженер-исследователь, магистр истории, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, cheha.anna@yandex.ru

Information about the author

Cheha Anna Nikolaevna, Research Engineer, Master of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, cheha.anna@yandex.ru

УДК 55:902

К вопросу о природе кремней в индустриях палеолита

Георгий Александрович Юргенсон¹, Павел Валерьевич Мороз²

¹Институт природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Чита, Россия

²Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹yurgga@mail.ru, ²frostius.81@mail.ru

На основе сравнительного анализа понятий термина «кремь», используемого в археологии, минералогии и петрографии в историческом аспекте и современном его толковании, рассмотрен химический и минеральный состав пород, представленных в артефактах. Изучены состав и свойства халцедона, микрозернистого кварца и опала, слагающих кремь. Показано, что между понятиями «кремь», «яшма» и «яшмоид» не существует четких различий, поскольку нет общепринятых величин соотношений этих минеральных видов в кремнях, яшмах и яшмоидах. Исходя из этого, целесообразным является использование для этих минеральных образований применительно к артефактам на археологических памятниках традиционного названия «кремь» с указанием происхождения минерального агрегата или горной породы. На примере памятников Сухотино-2 и Сухотино-4, расположенных на территории древнего палеовулкана, показано, что в равной мере использовались и ороговикованные вулканогенные горные породы, обладавшие необходимыми технологическими свойствами.

Ключевые слова: Забайкалье, минеральное сырьё, каменные индустрии, кремь

Благодарности: работа выполнена в рамках госзадания по теме (рег. № FUFР-2021-0005).

On the Issue of the Nature of Flints in Paleolithic Industries

Georgy A. Yurgenson¹, Pavel V. Moroz²

¹Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Chita, Russia

²Transbaikal State University, Chita, Russia

¹yurgga@mail.ru, ²frostius.81@mail.ru

Based on a comparative analysis of the concepts of the term flint, used in archaeology, mineralogy and petrography in the historical aspect and its modern interpretation, their chemical and mineral composition is considered. The composition and properties of chalcedony, micro-grained quartz and opal that make up flint are considered and it is shown that there are no clear differences between the concepts of flint, jasper and jasperoids, since there are no generally accepted values for the ratios of these mineral species in flints, jasper and jasperoids. Based on this, it is advisable to use the traditional name flint for these mineral formations in relation to artifacts at archaeological sites, indicating the origin of the mineral aggregate or rock. Using the example of the Sukhotino-2 and Sukhotino-4 monuments, located on the territory of an ancient paleovolcano, it is shown that hornfelsed volcanic rocks, which had the necessary technological properties, were equally used.

Keywords: Transbaikalia, mineral raw materials, stone industries, flint

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the state assignment on the topic (registration No. FUFР-2021-0005).

Камни с названием «кремень» известны с XVII века, но еще Плиний Старший знал его как твердый материал, используемый для наконечников оружия с незапамятных времён, называя его силексом, что в переводе и означает кремнь. В сводке «Система минералогии» [1, с. 279–289] приведены данные о том, что В. Николс в 1652 году описывал его под названием флинт (flint) или, вслед за Плинием Старшим, силекс (silex), откуда пошло название Silicium. Под названием кизельштейн (kieselstein) знали его и немецкие горняки. Все горные породы, представляющие собой твердые минеральные тела, обладавшие структурой, неразличимой простым глазом, имели это имя.

В геологическом словаре, изданном в 1960 г., к кремням отнесён «...нечистый халцедон, обычно образующий желваки, а иногда линзы и неправильной формы прослойки в осадочных породах» [2, т. 1, с. 353]. Почти также формулируется и понятие яшма во втором томе этого словаря: «яшма – осадочная кремнистая порода, нередко пестрая или полосчатая, сложенная в основном криптокристаллическим халцедоном, окрашенным в различные цвета. В яшмах встречаются радиолярии, иногда сохранившие свою структуру. Распространены в палеозое и очень редко в мезозое. Благодаря высокой прочности и окраске яшмы широко применяются как поделочный камень» [2, т. 2, с. 444].

Такое же толкование этого термина как осадочной высококремнеземистой горной породы дал и крупнейший специалист в области осадочных горных пород Френсис Петтиджон [8].

Как видим, то и другое есть фрагмент осадочной горной породы. Это определение соответствует представлениям, когда проблема образования такого же состава и строения существенно кремнеземных минеральных агрегатов в вулканитах еще не рассматривалась. Действительно, артефакты из кремня изученных нами памятников Костёнковской группы и других стоянок Русской равнины происходят из меловых отложений, развитых, например, на русской равнине [7].

В геологическом словаре кремнь определен как «...агрегат кристаллического и аморфного кремнезема. Различаются кремни халцедоново-кварцевый, кварцевый, халцедоновый и опало-халцедоновый. Часто содержат примеси карбонатов. Излом раковистый. Цвет от желто-серого до черного. Твердость 7. Образует желваки и конкреции в осадочных горных породах, обычно в известняках» [3, т. 1, с. 369].

Во втором томе этого словаря приводится описание яшмы «...осадочная кремнистая горная порода, твердая (твердость 7), непрозрачная, обладающая раковистым изломом, пестрая, полосчатая или пятнистая, сложенная криптокристаллическим кварцем, иногда с примесью халцедона, окрашенная, преимущественно окислами Fe и Mn, в различные цвета: преобладают различные оттенки красного, желтого, иногда коричневого и зеленого цвета. Распространена от докембрия до кайнозоя. Выделяются радиоляриевые и безрадиоляриевые разновидности. ... Безрадиоляриевые яшмы могут иметь вулканогенно-осадочное, химическое и биохимическое происхождение» [3, т. 2, с. 448].

Среди существенно кремнеземных горных пород, близких по составу к яшмам и кремням, в этом словаре (с. 121) выделяются также яшмоиды, представляющие собой кремнистую горную породу, по внешнему виду и физико-химическим свойствам, близкую к яшмам. Яшмоиды подразделяются на две группы:

1) первично-осадочные и по происхождению аналогичные некоторым типам яшм и отличающиеся от них преимущественно окраской (преимущественно черные) или текстурой (кремнистые сланцы);

2) вторичные, образовавшиеся путем окремнения горных пород различного происхождения (осадочные, магматические, метаморфические). В осадочных и вулканогенных (существенно халцедоновых и яшмоидных) кремнях может присутствовать и опал.

О таких же минерально-петрографических ассоциациях указано и в известной сводке Дж. Дэна, Э. С. Дэна и Клиффорда Фронделя «Система минералогии» [1, с. 286]: «...яшмы постепенно переходят

...в тонкозернистый материал, носящий различные названия – кремь, роговик, новакулит и т. д.».

В справочнике определено, что «...наряду с собственно кварцем халцедон представляет собой характерный минерал многих кремней (chert, flint), слагающих желваки различной окраски и величины в осадочных породах» [4, с. 197]. Но при этом отмечается: «Происхождение кремней может быть различным» [Там же].

Халцедон, являющийся одной из главных составных частей кремней относится к скрытокристаллическим разновидностям кварца и обычно находится «...в виде сплошных масс, натечных (почковидных, гроздевидных и сталактитоподобных) выделений и конкреций. Под микроскопом имеет параллельно- или радиальноволоконистое, также сферолитовое или сферолитоподобное строение» [Там же, с. 192]. «Формы нахождения и месторождения халцедона весьма разнообразны. Распространены его жеоды в миндалинах базальтов, липаритов и других эффузивных пород» [Там же, с. 194].

Халцедон образуется как из гидротермальных растворов, так и в гипергенных условиях, в частности, в результате затвердевания коллоидов в осадочных горных породах в «...виде неправильных выделений, желваков, конкреций, караваев, прослоев и псевдоморфоз по растительным и животным остаткам» [Там же]. Он же входит и в состав кремней.

На рисунках 1 и 2 представлены фото типичного халцедона палеовулкана Дунда-Ага в Забайкалье, а на рис. 3 и 4 – серого вулканогенного кремня, являющегося источником сырья для изготовления орудий памятника Сахюрта в Забайкалье, строение которого незначительно отличается от сырья Костёнок.

Согласно Геологическому словарю [3, т. 2, с. 33], опал (от санскритского *ирала* – драгоценный камень), о котором есть сведения у Плиния Старшего, – минерал $\text{SiO}_2 \cdot n\text{H}_2\text{O}$, аморфный твёрдый гидрогель. На рентгеновских снимках часто присутствуют линии, отображающие присутствие плоских сеток α -кristобалита с деформированной кубической кристаллической структурой [4, с. 226]. Обычно он

матовый, просвечивающий, массивный. Излом раковистый до неровного, хрупок, твердость 5–6,5. Цвет чистого опала белый, и изменяется в зависимости от примесей, прежде всего железа и марганца, редко – никеля, бледно-желтый, бурый до черного, зелёный, серый, голубой. Содержание SiO_2 достигает 98–99 %, а содержание воды меняется от 1 до 4 %, редко достигая 13–20 %. Известны и почти безводные опалы. Примеси Fe, Al, Mn, Mg обычны, а их содержания бывают связаны с тонкими включениями глинистых и других минералов [Там же, с. 227]. Опал обычно состоит из мельчайших сферических частиц, между которыми находятся включения OHx (воды или гидроксильных групп) (рис. 5).

Рис. 1. Халцедон из миндалекаменного андезибазальта палеовулкана Дунда-Ага

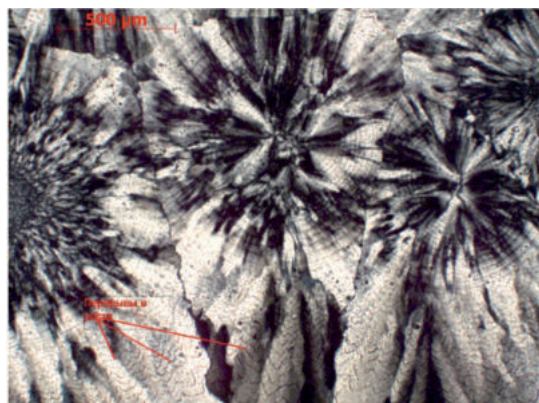

Рис. 2. Микрофото строения халцедона палеовулкана Дунда-Ага. Николи скрещены (видно сфероидальное строение и направления роста отдельных лучеобразных агрегатов микрокристаллов кварца)

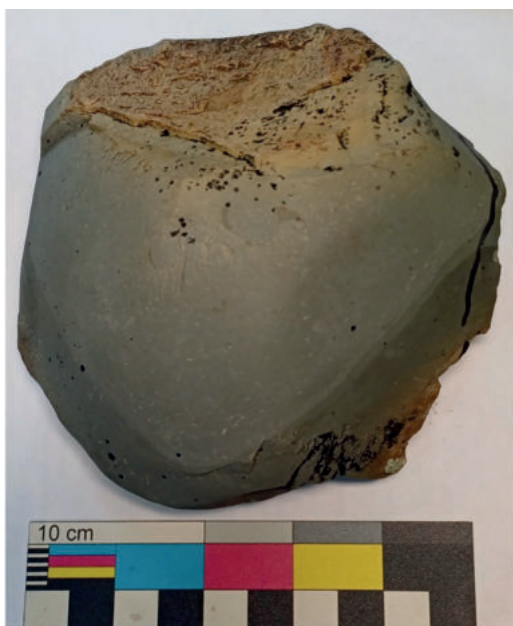

Рис. 3. Серый скрытокристаллический вулканогенный кремнь, состоящий из кварца (выпуклая сторона крупнораковистого скола. Образец ДНД-100)

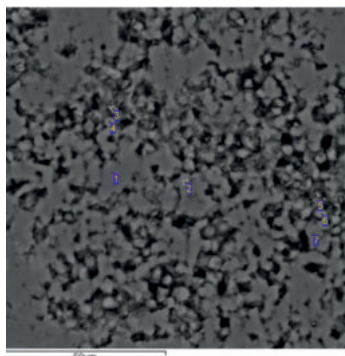

Рис. 4. Фрагмент этого же образца кремня, состоящего из микрозернистого разнозернистого агрегата кварца. Размеры индивидов от первых до 50 мкм

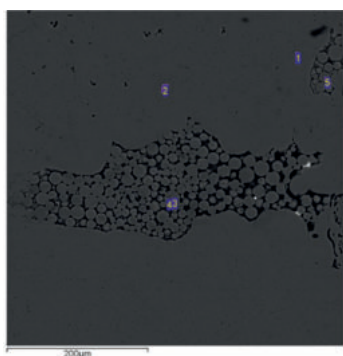

Рис. 5. Опал (3–5) в халцедоновидном кварце (1, 2) (электронно-микроскопический снимок)

Из этих описаний следует, что по минеральному и химическому составу кремни, яшмы и яшмоиды отличаются незначительно и основой их всех является скрытокристаллический микро- и тонкозернистый кварц, халцедон, а в осадочных и вулканогенных кремнистых агрегатах также и опал.

Дело в том, что основные результаты в изучении каменных индустрий в археологии до середины XX века были совершены на европейских памятниках палеолита, где, вероятно, основным сырьем был действительно кремнь, кремнистый сланец или халцедон осадочных пород, и реже – другого происхождения. В европейской части Евразийского континента, где широко развиты стяжения кремней в верхнемезозойских мелководных карбонатных породах, наибольшим потреблением пользовался, безусловно, кремнь. Наряду с ним применялся и халцедон, развитый в вулканогенных образованиях на территории современной Германии (например, Идар-Оберштейн), Богемии, Румынии. Это, прежде всего, относится к территории Рудных гор Чехии и Саксонской части Германии, где интенсивно развиты и вулканогенные образования, продукты которых были среди сырья индустрий палеолита. Сравнительный анализ состава и свойств кремней Русской равнины и Украины, проведенный авторами [7], выявил типохимические свойства кремней памятников Костенковской группы, Валуйки и других, и позволил высказать обоснованные предположения об их источниках и условиях образования. Известно, что источниками сырья для индустрий древних поселений Кавказа были вулканические постройки. Здесь использовались высокотехнологичные обсидианы, халцедоны и фельзиты.

При этом вопрос о генетической природе кремневого сырья не возникал. Не возникал он и с открытием в 1952 году А. П. Окладниковым каменной мастерской на Титовской Сопке южнее г. Читы. И вся огромная коллекция каменных орудий и артефактов, собранная на Забайкальских памятниках палеолита, не изучалась геологами с позиций диагностики их минералого-петрографического состава.

Особенность вулканических горных пород, слагающих Титовскую сопку, заключается в том, что среди них отсутствуют их миндалекаменные разновидности, являющиеся источниками упомянутых выше трех наиболее важных видов сырья: халцедона, кремней и яшм. Это обусловлено специфическим петрохимическим составом вулкаников, слагающих оставшуюся после смыва верхней части палеовулкана, где они были. Лавы явно недосыщены кремнеземом, главным компонентом этих трех камней. Сохранившаяся часть Титовского палеовулкана сложена переслаивающимися лавами, недосыщенными кремнеземом: андезибазальтами, андезитами, андезитацитами, дацитами и трахитами, и

лишь редко – фельзит-порфирами, обогащенными им. О том, что в его верхних, достаточно сильно эродированных, частях, были миндалекаменные вулканики, свидетельствуют редкие находки среди галек аллювиальных отложений р. Ингода окатанных фрагментов халцедоновых миндалин и вулканогенных кремней. Вследствие их редкости люди палеолита, обитавшие на склоне Титовской Сопки вблизи от р. Ингода научились использовать именно перечисленные выше горные породы в качестве сырья для изготовления необходимых орудий.

Об этом свидетельствуют результаты изучения коллекции артефактов памятников Сухотино-2 и Сухотино-4 (см. таблицу).

Сухотино-2			Сухотино-4		
Горная порода	Кол-во образцов	Доля, %	Горная порода	Кол-во образцов	Доля, %
Высокремнистые горные породы (микрокварцит, микросланец)	5	27,77	Высокремнистые горные породы (кремень, микрокварцит, халцедон, яшма)	15	23,44
			Дацитовый порфир	7	10,9
			Трахидациит	7	10,9
			Кристаллокластический туф	7	10,9
			Туфолава, лавобрекчия дацитового состава	6	9,34
Риодацит	1	5,56	Риодацит	5	7,81
Туфопесчаник	1	5,56	Туфопесчаник	4	6,25
Андезидацит	1	5,56	Андезидацит	3	4,69
Андезит	2	11,12	Андезит	3	4,69
Фельзит-порфир	4	22,22	Фельзит-порфир	2	3,12
			Трахиандезит	2	3,12
			Трахит	1	1,56
			Монцонитовый порфирит	1	1,56
			Микросланец	1	1,56
Андезидацитовый туф	4	22,22			
Итого	18	100	Итого	64	100

В группе образцов относительно стоянки Сухотино-2 из 18 лишь 5 (27,77 %) были представлены высококремнистыми горными породами (микросланцем и микрокварцитом). Остальные диагностированы как вулканики (фельзит-порфир – 4) и ороговикованные вулканики: андезидацитовый туф (4), андезит (2) и по одному – риодацит, андезидацит и туфопесчаник. И только среди артефактов более поздней мастерской

Сухотино-4 присутствуют халцедон, вулканогенный кремль, яшмоид, выполненные по технологии микротехники, слагающие 15 (23,54 %) образцов из 64 (см. таблицу). Анализ данных этой таблицы свидетельствует о том, что 52,97 % артефактов представлены пятью горными породами дацитового состава (дацитовый порфир, трахидациит, ороговикованные кристаллокластический туф и туфолава дацитового состава, а

также риодацит и фельзит-порфир). Все эти горные породы обогащены кремнезёмом. А артефакты из горных пород среднего состава, содержащие менее 64 % кремнезёма (туфопесчаник, андезидацит, андезит, трахиандезит, трахит, монцонитовый порфирит) составляют лишь 23,43 %.

Ко времени появления человека на террасе Ингоды и склонах палеовулкана верхние его части были уже сэродированы. Поэтому, не находя среди аллювия лишь мелкие гальки халцедона и вулканических кремней, он вынужден был искать подходящее сырьё на склонах вулкана среди слагающих его горных пород. Массивные, плотные высококремнистые микрокварциты фельзит-порфиры, риодациты и ороговикованные микросланцы, а также ороговикованные андезидацитовые туфы, оказались достаточно технологичными и на их выходах были основаны мастерские для его добычи и обработки. Доля их составила 77,76 %, а слабо ороговикованные туфопесчаник, андезидацит и андезит, менее пригодные для расщепления, – всего 22,24 %. Другим важным вопросом является соотношения технологии расщепления и минерального сырья. Следует отметить, что памятники младше 20 т. л. ориентированы на использования халцедона, кремня и яшмы для производства микропластин, в то время как более древние стоянки, демонстрируют крайне низкий процент этого сырья, пожалуй, за исключением Каменки-Б. Судя по всему, человек до прихода в Забайкалье микро-техники не обладал инструментом обработки более технологичного, но мелкого сырья в виде небольших халцедоновых миндалин и их фрагментов.

В результате изучения минерального сырья артефактов памятников Титовской Сопки выяснилось, что, по минеральному составу и петрофизическим свойствам, близким к кремням, обладают микрокварциты, ороговикованные микросланцы, фельзит-порфиры и яшмы, доля которых в общем балансе сырья среди артефактов памятников Титовской Сопки составляет 52,92 %. Остальное приходится на нетрадиционные виды сырья. Это связано с тем, что крупные фрагменты миндалин, пригодные для изготовления орудий труда, сохраняются редко

в связи с их трещиноватостью, обусловленного резко континентальным климатом в Забайкалье. И в качестве сырья для изготовления орудий в Забайкалье использовались микрозернистые агрегаты горных пород, обладавшие хорошими технологическими свойствами, по основным своим диагностическим признакам соответствовавшие вулканогенному кремню или яшмоиду.

Таким образом, анализируя особенности использовавшегося человеком палеолита минерального сырья, следует определить, что он преимущественно стремился использовать тонко или микрозернистое минеральное сырьё, особенностью которого были отсутствие зернистости, массивность сложения, твердость, способность к расщеплению с образованием крепких острых краев.

Заключение. Такими свойствами обладают только высококремнистые минеральные агрегаты, среди которых непрозрачные или слабо просвечивающие по краям или в тонких срезах их разности имеют традиционные названия кремней, яшм или яшмоидов. Но они не различимы макроскопически и состоят из переменных количеств различных минеральных форм кремнезема, принадлежность которых к определённому минеральному виду возможна лишь с использованием микроскопических и рентгеноструктурных исследований. Среди них лишь обсидианы стоят особо и с условной мерой определенности могут быть визуально диагностированы по черному цвету, раковистому излому и просвечиваемости на тонких сколах. Важным признаком является нахождение их в вулканических областях.

Поэтому наиболее целесообразным является использование для этих минеральных образований применительно к артефактам на археологических памятниках традиционного названия «кремень».

В связи с тем, что эти минеральные образования образуются в результате различных геологических минералогенетических процессах, в необходимых и доказанных инструментальными методами диагностики минералов и горных пород случаях к ним целесообразно применять определения осадочные кремни, вулканогенные кремни, метаморфогенные яшмы,

вулканогенные яшмы, яшмоиды. И даже в этих случаях принадлежность к определенным коренным источникам минерального сырья для индустрий палеолита, в конкретных археологических памятниках требуется сравнительный анализ типохимизма с позиций технологической минерагении.

Список литературы

1. Дэна Дж., Дэна Э. С., Фрондель К. Система минералогии. Т. 3: Минералы кремнезёма / пер. с англ. С. С. Чекина, В. В. Наседкина; под ред. и с предисл. П. П. Смолина. М.: МИР, 1966. 431 с.
2. Геологический словарь: в 2 т. / отв. ред. Т. Н. Спичарский. М.: Госгеолтехиздат, 1960. Т. 1. 402 с.; Т. 2. 445 с.
3. Геологический словарь: в 2 т. / Х. А. Арсланов [и др.]. М.: Недра, 1978. Т. 1. 486 с.; Т. 2. 456 с.
4. Минералы: справочник. Вып. 2. Простые окислы. М.: Наука, 1965. Т. 2. 343 с.
5. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2015. С. 184–188.
6. Юргенсон Г. А., Мороз П. В. Технологическая археоминерагения как направление на сочленении минерагении и археологии // Теория, история, философия и практика минералогии: материалы междунар. минерал. семинара. Сыктывкар: Геопринт, 2006. С. 89–90.
7. Юргенсон Г. А., Гиря Е. Ю., Мороз П. В. Кремнёвое сырьё Костёнок и кремни Русской равнины (опыт сравнения) // *Stratum Plus*. 2012. № 1. С. 179–191.
8. Pettjohn. Symposium on Silica in Sediments // *Soc. Econ. Paleo. and Min. Spec. Publ.*, 1959. Vol. 7.

Информация об авторах

Юргенсон Георгий Александрович, доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник лаборатории геохимии и рудогенеза, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г. Чита, Россия, yurgga@mail.ru

Мороз Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, frostius.81@mail.ru

Information about the authors

Yurgenson Georgy A., Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Chief Researcher of the Laboratory of Geochemistry and Ore Genesis, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chita, Russia, yurgga@mail.ru

Moroz Pavel V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Transbaikalian State University, Chita, Russia, frostius.81@mail.ru

УДК 902(571.55)

Антропоморфные изображения в наскальном искусстве Забайкальского края

Олег Юрьевич Ячменёв

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
19970725dyuu@gmail.com

Впервые дан широкий анализ типов антропоморфных изображений Забайкалья. Автором выделено несколько типов: одиночные антропоморфные изображения, парные антропоморфные фигуры, цепные фигуры, грибовидные фигуры, маски, роговидные антропоморфные изображения, полуизображения, охотники, фантастические антропоморфные фигуры, антропоморфы с предметами в руках, шаманы, солнцеголовые фигуры и существа в лодках. Отмечается, что классификация не является полной и возможны дальнейшие корректировки.

Ключевые слова: Забайкалье, наскальное искусство, антропоморфные изображения, типология, А. П. Окладников, А. И. Мазин

Anthropomorphic Images in Rock art of the Trans-Baikal Region

Oleg Yu. Yuchmenev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

19970725dyuu@gmail.com

This article is the first to conduct a broad analysis of the types of anthropomorphic images of the Trans-Baikal region. In total, the author identified several types: single anthropomorphic images, paired anthropomorphic figures, chain figures, mushroom-shaped figures, masks, horn-shaped anthropomorphic images, half images, hunters, fantastic anthropomorphic figures, anthropomorphs with objects in their hands, shamans, sun-headed figures and creatures in boats. It is noted that the classification is not complete and further adjustments are possible.

Keywords: Transbaikal region, rock art, anthropomorphic images, typology, A. P. Okladnikov, A. I. Mazin

На территории Забайкальского края известно более 50 петроглифических объектов. Все они выполнены красной охрой, и датируются широким хронологическим диапазоном. А. П. Окладников и В. Д. Запорожская датируют наскальные изображения бронзовым веком, железным веком и эпохой средневековья, подразделяя их на различные традиции (селенгинская, кяхтинская и лесная) [9, с. 69]. По мнению А. И. Мазина, забайкальские писаницы могут датироваться эпохой палеолита, ранним голоценом, неолитом, эпохой раннего металла и железным веком [8, с. 99–121]. В основу их предположений легли стилистические характеристики наскальных изображений, этнографические и археологические данные. Специальных естественнонаучных методов, с целью получения более точной хронологии, в Забайкалье не применялось. По этой причине все датировки являются условными и построены исключительно на теоретических предположениях.

Как правило, в основу сюжета древних наскальных изображений входят зооморфные и антропоморфные фигуры. Самыми многочисленными и разноплановыми с точки зрения стилистики и облика являются антропоморфные изображения. В данной работе мы охарактеризуем наиболее яркие и выраженные антропоморфные фигуры, встречающиеся на памятниках наскального искусства Забайкальского края.

Условно наскальные антропоморфные изображения Забайкалья можно разделить на несколько типов, имеющих свои характерные черты: одиночные изображения, парные изображения, фигуры, выполнен-

ные цепочкой, грибовидные, личины, рогообразные, половинчатые, фантастические, в лодках, охотники, с предметами в руках, солнцеголовые (солярные), шаманы.

1. *Одиночные изображения.* Самый распространенный тип антропоморфных фигур в Забайкалье. Данный тип подразделяется на подгруппы: фигуры с загнутыми конечностями, танцующие фигуры, фигуры с округлой, клиновидной и приплюснутой головой, фаллические. Всех их объединяет четко выраженные стилизованные черты человека. Это наличие туловища, выполненного в виде штриха, двух рук, двух ног и головы. Памятники с одиночными антропоморфными изображениями: Сохатиный Камень [9, с. 44–45] (рис. 1 1), Сухотино-13 [15, с. 198–200] (рис. 1 2), Смоленские Скалы [1, с. 268], Гыршелунский Камень [12, с. 24–26] (рис. 1 3), Имандан-Макит [3, с. 18], Бараун-Чулутай, Кондуй 16 км, Цорон III, Усть-Цорон [8, с. 179, 193–194, 196, 199–201, 203] (рис. 1 4, 5, 6, 7) и др.

2. *Парные изображения.* Характеризуются наличием двух антропоморфных фигур, держащихся за руки. С точки зрения стилистики парные изображения не отличаются от *одиночных*. В редких случаях в паре могут находиться фаллические фигуры, изображения с предметом в руке, рогообразные фигуры. Иногда изображения не соединены. В основном, изображения такого типа располагаются на востоке Забайкальского края: Колочнинская писаница, Средне-Шайкино (рис. 2 1), Копчил (рис. 2 2), Цорон III (рис. 2 3), Усть-Цорон (рис. 2 4), Бараун Кондуй II (рис. 2 5), Маргуцек (рис. 2 6) [8, с. 171–173, 186, 200, 206, 211, 216–217] и др.

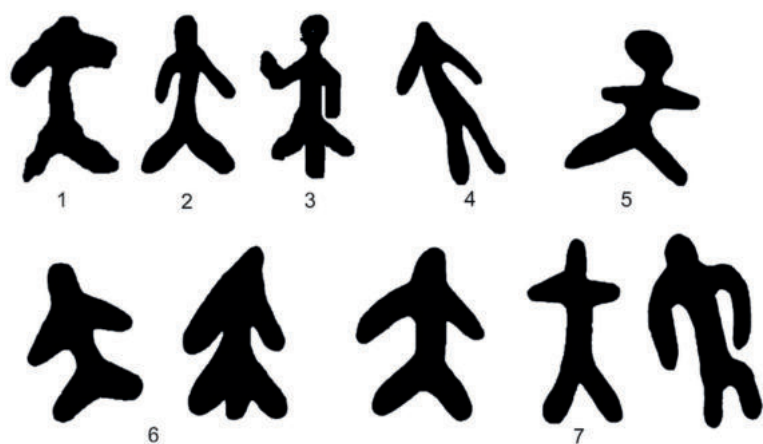

Рис. 1. Одиночные изображения: 1 – Сохатиный Камень; 2 – Сухотино-13; 3 – Гыршелунский камень; 4 – Бараун-Чулутай; 5 – Кондуй-16; 6 – Цорон III; 7 – Усть-Цорон

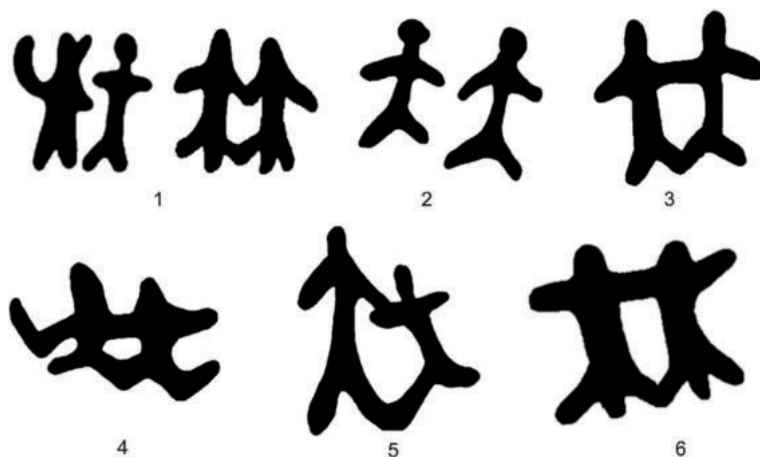

Рис. 2. Парные изображения: 1 – Средне-Шайкино; 2 – Копчил; 3 – Цорон III; 4 – Усть-Цорон; 5 – Бараун Кондуй II; 6 – Маргуцек

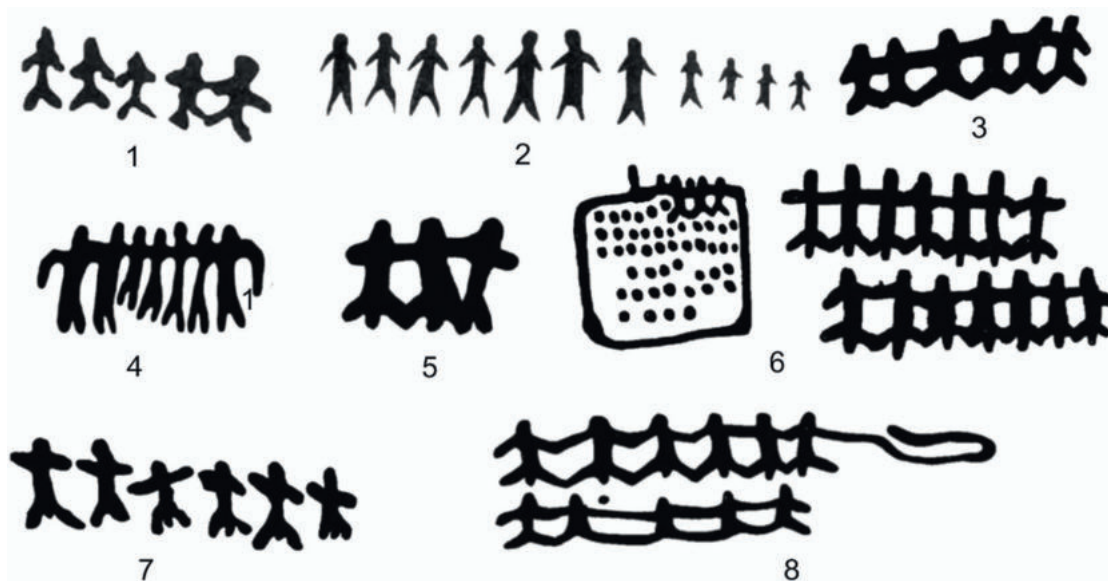

Рис. 3. Фигуры цепочками: 1 – Титовская Сопка; 2 – Бараун-Кондуй I; 3 – Цорон III; 4 – Малый Улестай; 5 – Маргуцек; 6 – Урулюнгу I; 7 – Урулюнгу III; 8 – Нортуй I

3. *Фигуры цепочкой*. Особенностью данного типа является расположение антропоморфных изображений цепочкой из нескольких фигур. Стилистически эти изображения имеют те же характеристики, что и предыдущие типы. Антропоморфы могут быть как объединены руками и ногами, так и стоять раздельно друг от друга. Особый интерес представляет оградка, образованная группой антропоморфных фигур, расположенных цепочкой на писанице Урулжунгуй I (рис. 3 5) [8, с. 221]. Подобные изображения встречаются на следующих памятниках: Титовская Сопка (рис. 3 1), Бараун-Кондуй I (рис. 3 2) [9, с. 212, 229], Цорон III (рис. 3 3), Малый Улистая (рис. 3 4), Маргузец (рис. 3 5), Урулжунгуй III (рис. 3 7), Нортуй I (рис. 3 8) [8, с. 197, 214, 218, 224] и другие памятники.

4. *Грибовидные фигуры*. Главной отличительной чертой данного типа антропоморфов является наличие головного убора в виде шляпки гриба. В Забайкальском крае подобные изображения встречаются достаточно редко. На сегодняшний день достоверно известно о двух памятниках, где присутствуют грибовидные фигуры. Это такие памятники, как Усть-Цорон (рис. 4 1) [Там же, с. 203] и Софьин Гриб [17, с. 177].

5. *Личины*. Это тип антропоморфных изображений, напоминающих, как правило, контур окружности с человеческими чертами лица. На территории Забайкальского края присутствуют на следующих писаницах: Средне-Шайкино (рис. 4 2), Доно (рис. 4 3) и Бырка (рис. 4 4) [8, с. 171, 182, 240].

6. *Рогообразные*. Антропоморфные фигуры со всеми чертами *одиночных изображений*, голову которых венчает головной убор с двумя рогами. К числу памятников с подобными изображениями относятся – Средне-Шайкино (рис. 4 4), Судунтуй (Бараун-Чулутай) (рис. 4 5), Усть-Цорон (рис. 4 6) [Там же, с. 171, 180, 205].

7. *Половинчатые фигуры*. Данный тип антропоморфных изображений характеризуется тем, что фигуры изображены наполовину. Присутствуют голова, руки, туловище, т. е. все признаки *одиночных изображений*, но отсутствует нижняя часть – ноги.

Изображения такого типа встречаются на Сохатином Камне (рис. 4 7) [17].

8. *Охотники*. В данной работе отражены только те изображения охотников, которые имеют все визуальные признаки этого рода деятельности. Самый выразительный образ охотника в Забайкальском крае располагается на Бутихе (рис. 4 8). В сюжете этого памятника показана сцена охоты, где фигура человека, натягивая тетиву, направляет лук в сторону оленя [13, с. 82–85]. Групповая сцена охоты отражена на основном панно Большого грота писаницы Шаман-Гора [4, с. 4–8].

9. *Антропоморфы с предметами в руках*. Как правило, данный тип изображений имеет те же характеристики, что и *одиночные изображения*. Различие состоит лишь в том, что в руке фигура держит предмет, напоминающий палку. Возможно, это один из подтипов изображений шаманов, охотников или пастухов. К числу памятников, где встречается такой тип изображений, относятся: Титовская Сопка (рис. 4 9) [17], Джалинда (рис. 4 10) [10, с. 553], Усть-Цорон (рис. 4 11) [8, с. 200] и другие объекты.

10. *Фантастические антропоморфные фигуры*. Самый сложной с точки зрения интерпретации тип антропоморфных наскальных изображений. На территории Забайкальского края встречается повсеместно, и представлен самыми причудливыми формами. В этой статье укажем на наиболее выразительные изображения. Например, фаллическая фигура писаницы Кара, которая выполнена в профиле, руки вытянуты вперед, голова имеет форму головного убора (рис. 5 1). Большое многообразие фантастических фигур находится на писанице Судунтуй. Особое внимание заслуживает рогообразная фигура, выполненная в профиль, голова с двумя рогами повернута влево, руки загнуты в кистях, лицо у фигуры объемное, выражена шея и спина (рис. 5 2). Там же располагается изображение антропоморфа, также выполненного в профиль. Складывается впечатление, как будто бы существо находится в состоянии прыжка (рис. 5 2) [Там же, с. 169, 181]. Также (*вкратце*) следует упомянуть другие памятники, где встречаются фантастические фигуры: Сень (рис. 5 3), Ималык-I (рис. 5 4), Кегей (рис. 5 5) [7,

с. 151–153], Дворцы (рис. 5 6) [16, с. 210], Арахлейская писаница (рис. 5 7) [5, с. 43] и т. д.

11. *Шаманы*. Антропоморфные изображения с элементами шаманской ритуальной атрибутики (колотушка и бубен, иногда только бубен). Нередко голову шамана венчает рогообразный убор с двумя

или одним отростком. На территории Забайкальского края изображения шаманов встречаются на следующих памятниках: Шаман-Гора (рис. 6 1) [6, с. 84], Дворцы (рис. 6 2) [17], Усть-Цорон (рис. 6 3) [8, с. 205–209], Ималык-I (рис. 6 4) [7, с. 154]. Шаман с двумя бубнами располагается на писанице Церковка [2, с. 326] и т. д.

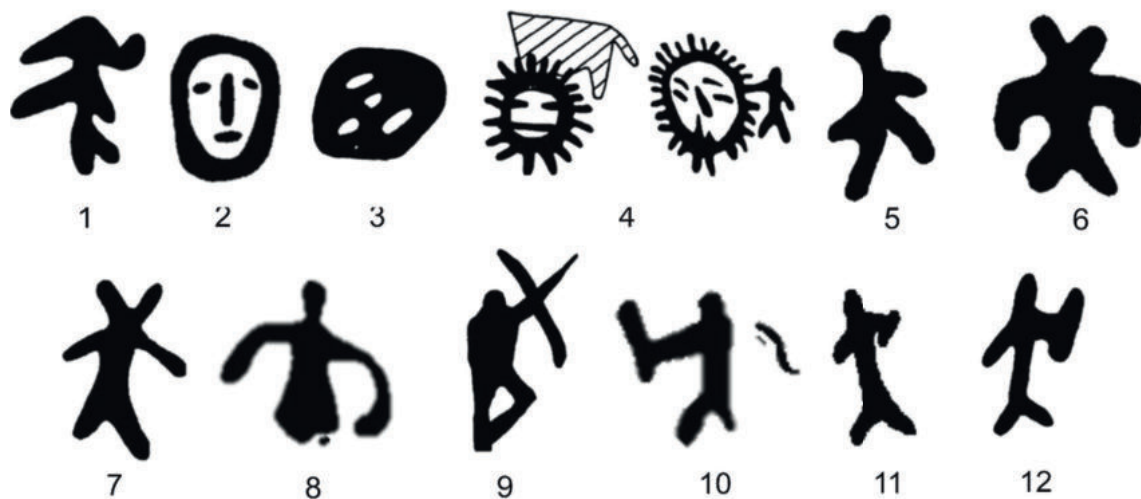

Рис. 4. Грибовидные изображения: 1 – Усть-Цорон. Личины: 2 – Средне-Шайкино; 3 – Доно; 4 – Бырка. Рожковидные: 5 – Средне-Шайкино; 6 – Судунтуй; 7 – Усть-Цорон. Половинчатые фигуры: 8 – Сохатиный Камень. Охотники: 9 – Бутиха. Фигуры с предметом в руке: 10 – Титовская Сопка; 11 – Джалинда; 12 – Усть-Цорон

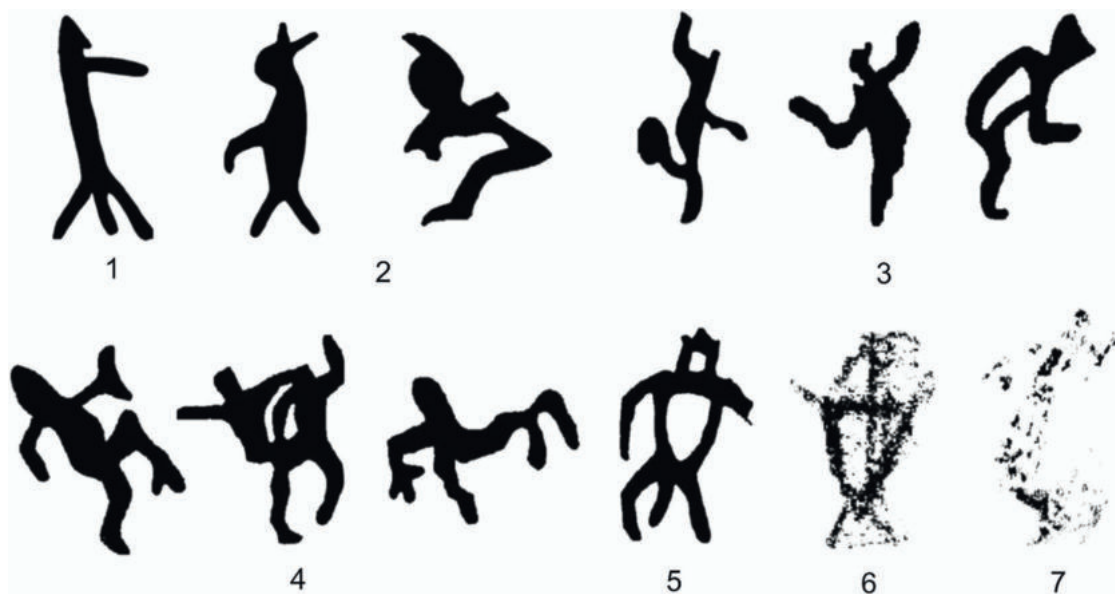

Рис. 5. Фантастические фигуры: 1 – Кара; 2 – Судунтуй; 3 – Сень; 4 – Ималык-I; 5 – Кегей; 6 – Дворцы; 7 – Арахлей

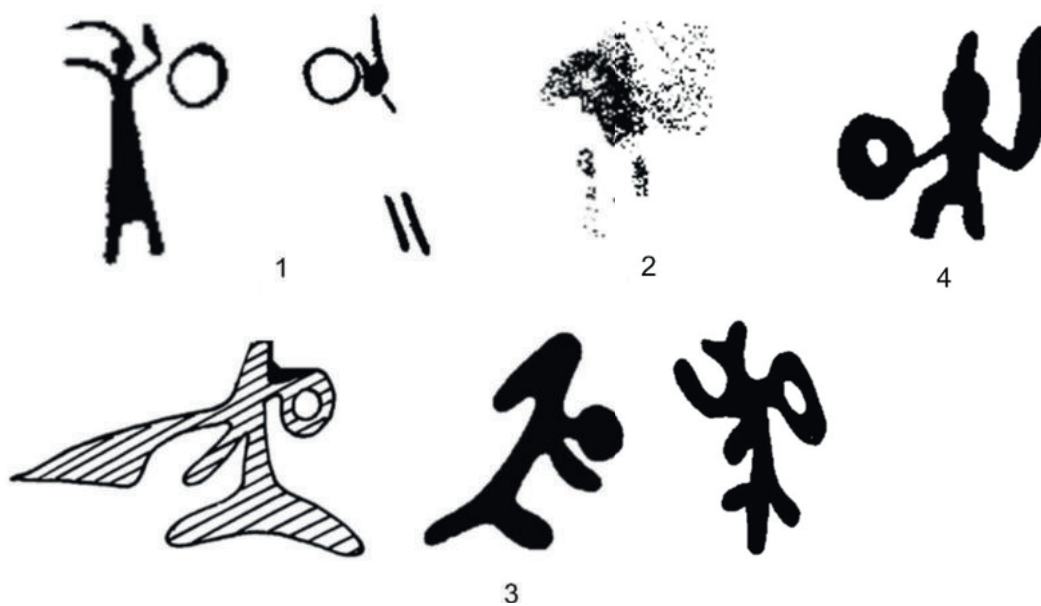

Рис. 6. Изображения шаманов: 1 – Шаман-Гора; 2 – Дворцы; 3 – Усть-Цорон; 4 – Ималык-I

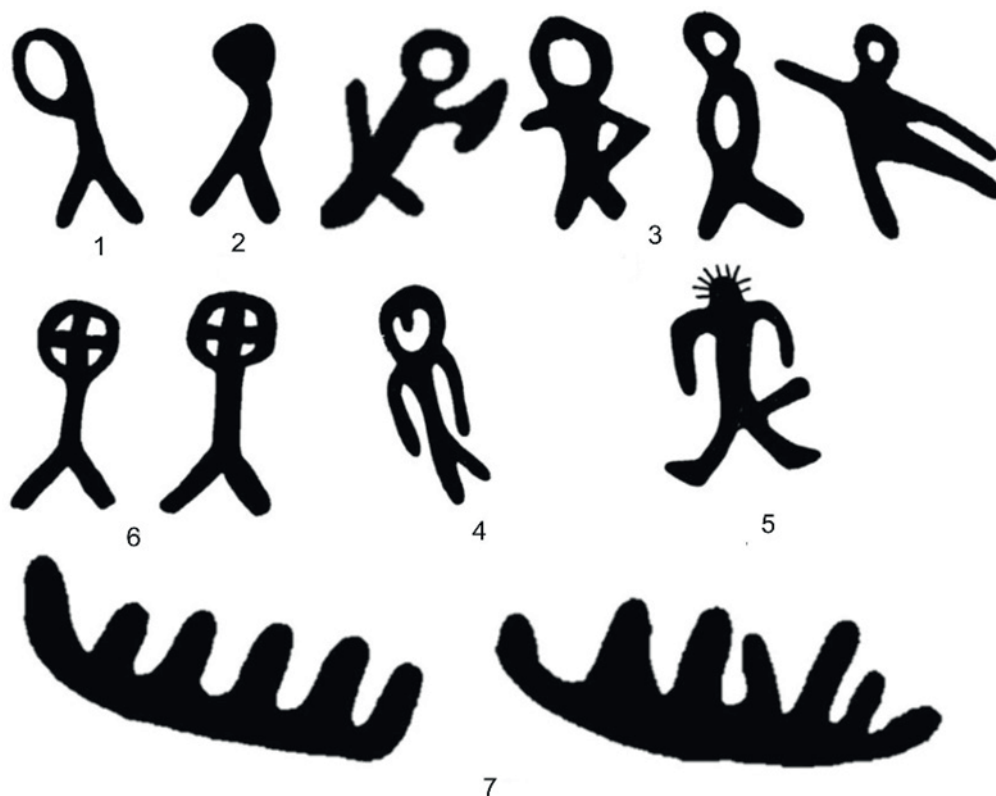

Рис. 7. Солнцеголовые (солярные) фигуры: 1 – Судунтуй; 2 – Цорон-II; 3 – Усть-Цорон; 4 – Калашниково; 5 – Могойтуй; 6 – Казачий-I; 7 – Средне-Шайкино

12. Солнцеголовые (солярные) изображения. Данный тип антропоморфных фигур характеризуется тем, что вместо головы у существа располагается солярный символ. Чаще всего в качестве головы в

виде солярного знака изображается окружность с пустой полостью или залитой внутри. Такие изображения присутствуют на Судунтуе (Бараун-Чулутай) (рис. 7 1), Цорон II (рис. 7 2), Усть-Цорон (рис. 7 3), Ка-

лашниково (рис. 7 4) [8, с. 180, 193, 206–207, 213]. На писанице Могойтуй встречается антропоморфное изображение с отростками на голове в виде лучей (рис. 7 5) [11, с. 211]. На писанице Казачий-1 А. И. Мазиным были обнаружены две антропоморфные фигуры с солярными головами, внутри заполненными перекрестием (рис. 7 6) [8, с. 226].

13. *Антропоморфные фигуры в лодках*. Особенностью данного типа изображений является то, что группа антропоморфных фигур сидит в лодке. Подобные древние рисунки встречаются в Забайкалье редко, преимущественно на Востоке. Виды лодок также могут быть различными как по строению, так и по облику. Сидящие фигурки в лодках встречаются на писанице Средне-Шайкино (рис. 7 7) [Там же, с. 172].

Итак, мы рассмотрели основные типы антропоморфных изображений в наскаль-

ном искусстве Забайкальского края. Первые подобную классификацию разработали А. П. Окладников и В. Д. Запорожская в монографии «Петроглифы Забайкалья». Они выделили в селенгинской традиции несколько типов изображений. Это оградки (разные их подвиды), птицы (орлы, соколы и т. д.) и антропоморфные фигурки [9, с. 67–75]. Подробную классификацию разработал В. А. Цыбиктаров. Им был сформирован сравнительный анализ антропоморфных фигур, где он попытался обозначить различие и сходства антропоморфных изображений селенгинского и лесного типа в Прибайкалье, Восточном Забайкалье и в верховье Амура [14, с. 274]. Данная тема, с точки зрения дальнейшего изучения, достаточно перспективная. В настоящее время проблема заключается в недостатке археологического материала и новейших исследований в области наскального искусства.

Список литературы

1. Верещагин С. Б., Пуховской Д. А. Смоленские скалы // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 268.
2. Верещагин С. Б. Церковка // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 326.
3. Константинов А. В., Пономарева И. А. Новая таёжная писаница Забайкалья: на перекрестках времени и пространства // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 15–27.
4. Под покровительством большого шамана / М. В. Константинов, А. В. Константинов, С. Г. Васильев [и др.] // Археологические путешествия по Забайкалью. Чита, 2003. С. 4–8.
5. Константинов А. В. Отчет по результатам археологической разведки в районе Иваново-Арахлейских озёр, Яблоновый хребет, на территории Читинского района Забайкальского края, за исключением территории земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению // Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. Чита, 2024. 47 с.
6. Константинов М. В. Древние святилища Шаман Горы (Забайкалье) // История и культура Востока Азии: материалы междунар. науч. конф. (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 83–87.
7. Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1994. 262 с.
8. Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 259 с.
9. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья: в 2 т. Л.: Наука, 1970. Т. 2. 262 с.
10. Пахунов А. С., Алкин С. В., Илюшечкин В. С. Изучение писаницы на реке Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 549–555.
11. Пономарева И. А. Изображения шаманов в наскальном искусстве Забайкалья: новые материалы // Тропой тысячелетий. Памяти М. А. Дэвлет / отв. ред. Г. Г. Король, Е. А. Миклашевич. М.: ИА РАН, 2023. С. 205–216.
12. Петрова С. В., Петров В. Ф. Итоги экспедиционного сезона 2011 года Хилокского краеведческого музея в свете топонимических и мифорелигиозных исследований // Традиционная культура населения Сибири и Дальнего Востока: изучение, сохранение, популяризация: материалы IV Кузнецовских чтений (Чита, 11–13 апреля 2012 г.). Чита: ЗабГУ, 2012. С. 23–27.
13. Рижский М. И. Из глубины веков. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 171 с.
14. Цыбиктаров В. А. Петроглифы Забайкалья / отв. ред. В. И. Молодин. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 276 с.

15. Ячменёв О. Ю., Власенко Д. Е., Гармаева А. В., Викулова Н. О. Наскальное искусство Титовской сопки: результаты новейших исследований // *Genesis: исторические исследования*. 2023. № 12. С. 190–208.

16. Ячменев О. Ю. Писаницы в урочище «Дворцы» (бассейн р. Ингоды, восточное Забайкалье) // *Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая: материалы XII Междунар. конф. (Иркутск, 25–30 сентября 2023 г.) / отв. ред. Д. Н. Лохов, Е. А. Липнина*. Иркутск: Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 208–213.

17. Ячменев О. Ю., Власенко Д. Е. Исследования памятников наскального искусства в бассейне р. Онон (Восточное Забайкалье): предварительные результаты // *Актуальная археология 7: материалы междунар. науч. конф. молодых ученых (Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г.)*. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 177–180.

Информация об авторе

Ячменёв Олег Юрьевич, магистрант, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, 19970725dyuu@gmail.com

Information about the author

Yachmenev Oleg Yu., Master's Student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, 19970725dyuu@gmail.com

УДК 902(574.2)

Общие вопросы культурной атрибуции верхнепалеолитических индустрий Северного Тянь-Шаня (Казахстан)

Дмитрий Викторович Ожерельев¹, Талгат Базарбаевич Мамиров²

¹*Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия*

²*Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан*

¹dim_as_oj@mail.ru, ²mizhilin@yandex.ru

В статье обсуждаются общие вопросы развития верхнепалеолитической культуры на территории Северного Тянь-Шаня (хребет Заилийский Алатау). Исследования в данном направлении являются новыми и активно развиваются в последние годы (2018–2024) благодаря работам экспедиции Института археологии РАН (Москва) и Института археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). Среди объектов изучения – стоянки Майбулак, Рахат, Узынагаш 1-3, Сарыжазык 1-4 и некоторые другие. В основе представленной предварительной периодизации материалы многослойных стоянок Майбулак и Рахат. Культурные слои стоянок датируются временем от ~ 41 000 до 23 000 кал. л. н. На памятниках представлены каменные индустрии раннего, среднего и начала позднего этапов верхнего палеолита. Предлагается выделять новую культурную единицу «тяньшанский ориньяк». Также устанавливается наличие «граветтоидных» индустрий среднего верхнего палеолита и оригинальной культуры с геометрическими микролитами (асимметричные треугольники со скошенным нижним основанием) начала поздней поры верхнего палеолита. Эти данные указывают на тесные связи культур верхнего палеолита Северного Тянь-Шаня с комплексами западной части Евразии.

Ключевые слова: Тянь-Шань, верхний палеолит, Рахат, Майбулак, каменная индустрия

Благодарности: работа выполнена в рамках плановой темы № НИОКТР 122011200271-7 «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления».

General Issues of Cultural Attribution of the Upper Paleolithic Industries of the Northern Tien Shan (Kazakhstan)

Dmitry V. Ozherelev¹, Talgat B. Mamirov²

¹*Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Institute of Archeology named after. A. Kh. Margulana, Astana, Kazakhstan*

¹dim_as_oj@mail.ru, ²mizhilin@yandex.ru

The article discusses general issues of the Upper Paleolithic (UP) in the Northern Tien Shan (Trans-Ili Alatau ridge). Research in this area is new and has been actively developing in recent years (2018–2024) thanks to the work of a joint expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of

Sciences (Moscow) and the Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Ka-zakhstan). The objects of study include the sites of Maibulak, Rakhat, Uzynagash 1-3, Saryzhazyk 1-4 and some others. The presented preliminary periodization is based on the materials of the mul-tilayered sites of Maibulak, Uzynagash 1 and Rakhat. The cultural layers of the sites are dated to the period from ~ 41.000 to 23.000 calibrated years BP. The sites represent lithic industries of the Early UP, middle UP and early Late UP. It is proposed to distinguish a new cultural unit “Tien Shan Aurignacian”. The presence of “gravettian-like” industries of the middle UP and an original culture with geometric microliths (scalene triangles) of the early Late UP is also established. These data indicate close connections between the Upper Paleolithic cultures of the Northern Tien Shan and the UP complexes of the western Eurasia.

Keywords: Tien Shan, Upper Palaeolithic, Rakhat site, Maybulak site, lithic industry

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the planned theme No. NIOKTR 122011200271-7 “Development of material culture in the Stone Age on the territory of the Russian Plain and the Caucasus: general trends and local manifestations.”

Введение. Тянь-Шанская горная страна и прилегающие к ней обширные равнинные пространства казахстанских степей и пустынь расположены в контактной срединной зоне между Передней и Средней Азией с одной стороны и Сибирью и Восточной Азией с другой (рис. 1). Взаимные культурные импульсы и миграционные потоки древних людей не могли происходить вне вовлечения этого региона в единый процесс культурной и технологической трансформации. Археологические исследования последних лет (2018–2024), проводимые в предгорной зоне Северного Тянь-Шаня совместной экспедицией Института археологии РАН (Москва) и Института археологии им. А. Х. Маргулана (Казахстан), указывают на интенсивное заселение и развитие здесь верхнепалеолитической культуры древних *Homo sapiens*. Но следует сказать, что еще двадцать лет назад весь обширный регион от горных цепей и вплоть до озера Балхаш представлял собой «белое пятно» в археологии каменного века. К данному времени у северных склонов Заилийского Алатау – одного из крупнейших хребтов Северного Тянь-Шаня – открыто более десятка многослойных памятников верхнего палеолита, свидетельствующих, что человек периодически заселял эти места на протяжении практически всего верхнего палеолита. Среди этих памятников Майбулак, Рахат, Узынагаш 1-3, Сарыжазык 1-4 и некоторые другие. Практически все стоянки располагаются в схожих геоморфологических условиях – на правом или левом берегах небольших одноименных

рек при выходе их из ущелья на предгорную равнину. Выбор данных мест для поселений был неслучаен. С одной стороны, обитатели стоянок контролировали пути миграций животных из предгорной равнины в горную часть хребта и обратно. С другой стороны, наличие реки с галечником обеспечивало потребности в воде и каменном сырье для изготовления орудий.

Благодаря особенностям лёссового осадконакопления, когда на протяжении десятков тысяч происходил последовательный процесс отложения в предгорьях мелких пылеватых частиц из пустынь Мойынкумы, Бетпак-Дала, Таукумы и других, культурные остатки на стоянках верхнего палеолита оказывались захороненными в состоянии *in situ*. Культурные слои на исследуемых памятниках представляют собой остатки погребенных стоянок в виде древних уровней обитания с углистыми пятнами, прокалами, остатками кострищ, очагов. Иногда удается зафиксировать наличие небольших ям хозяйственного назначения. Находки каменных орудий и иногда костей травоядных млекопитающих залегают здесь на одном уровне рядом с очагами. Мощность культурных слоев по толщине не превышает 10–15 см. Каждый из памятников содержит несколько разновременных культурных слоев в рамках верхнего палеолита. Все обозначенные характеристики делают эти памятники уникальными в своем роде и чрезвычайно важными для изучения палеолитической истории не только Казахстана, но и всей Центральной Азии.

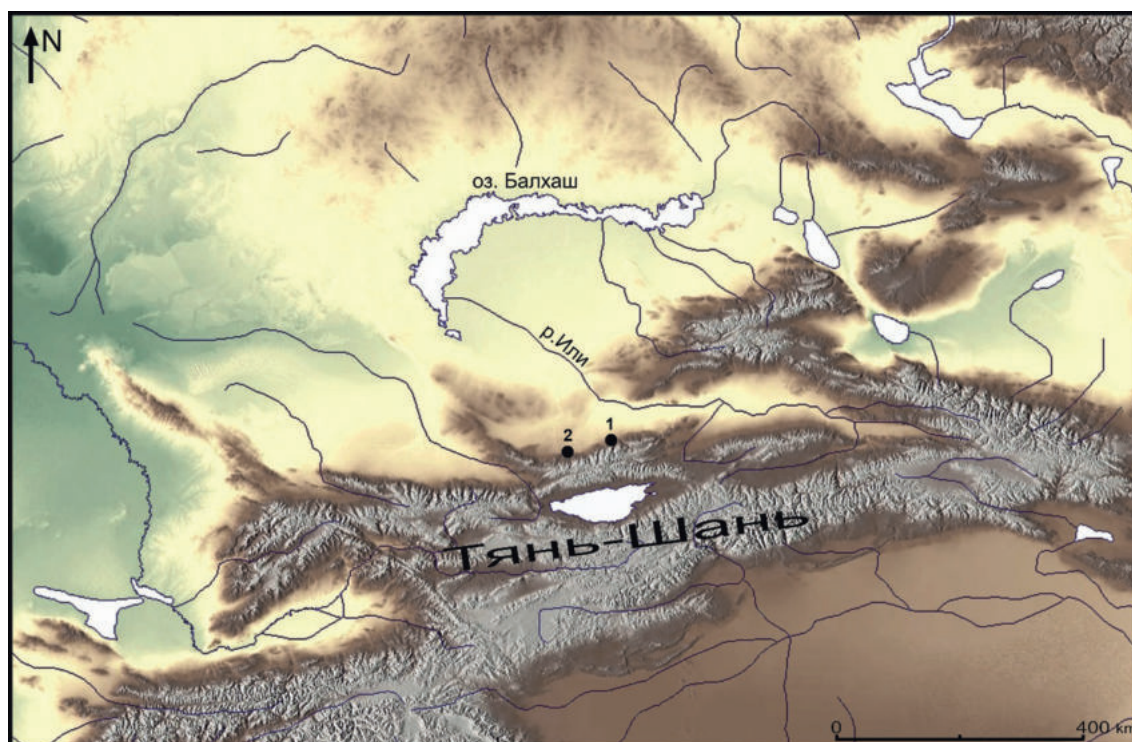

Рис. 1. Карта горной системы Тянь-Шань со стоянками верхнего палеолита Рахат (1) и Майбулак (2)

Ранний верхний палеолит и проблема ориньяка в Северном Тянь-Шане.

Первой в ряду открытий верхнего палеолита Юго-Восточного Казахстана явилась стоянка Майбулак (см. рис. 1). Стоянка была открыта еще в конце 1980-х гг. В. В. Сараявым и Ю. А. Мотовым. Находится она на правом берегу одноименной реки к западу от с. Фабричный (Каргалы) (Жамбылский район Алматинской области). Крупные археологические исследования стоянки Майбулак производились в 2004–2006 гг. Ж. К. Таймагамбетовым и Д. В. Ожерельевым, в менее значительных масштабах стоянка изучалась и позже. Стоянка является многослойной, содержит семь культурных слоев, объединенных в три комплекса. Общая коллекция каменных находок насчитывает свыше 2500 ед. [4]. Самая крупная коллекция происходит из слоев 3–7. Особый интерес вызывает слой 6, залегающий в нижней части разреза. Каменная индустрия слоя 6 содержала необычный инвентарь, основанный на микропластинчатом расщеплении. Среди находок представлены подпризматические, торцевые, кареноидные нуклеусы, кареноидные нуклеусы-резцы, мелкие пластины и пла-

стинки с ретушью, острия на прямых и слегка изогнутых пластинках (рис. 2, 1–9).

Согласно радиоуглеродным датам возраст культуры из слоя 6 около 41 000 кал. л. н. Стратиграфически этот инвентарь залегал под более «архаичной» по составу каменной индустрией (слои 3–5), включавшей изделия с ориньякоидным инвентарем (пластины с чешуйчатой ретушью, кареноидные нуклеусы-скребки, скребки с плечиками и т. д.) вместе с изделиями среднепалеолитического облика (дисковидные и леваллуазские нуклеусы, скребла, ножи с обушками). Предполагается, что развитая микропластинчатая культура из слоя 6 была интрузивной, привнесенной на территорию предгорий Северного Тянь-Шаня. Появление ее носителей здесь было частью культурного импульса, охватившего западную и центральную часть Евразии около 41 000–39 000 кал. л. н., эпицентром которого, по-видимому, была территория Леванта (ранний ахмариан) [5]. Схожие по своим характеристикам каменные индустрии отмечают на большей части Леванта, Иранского нагорья и Европы (прото-ориньяк, фуманиан, Кремс-Хундштайг, ранний козарникиан, спицынская

культура, ранний барадост, ростамиан) [7; 14; 15]. Они могут быть отнесены к кругу культур одних из первых *Homo sapiens*, стоявших у истоков других, более поздних культурных событий раннего верхнего палеолита, например, ориньяка. На стоянке Майбулак на этом уровне отмечается технологически разнообразная и диверсифицированная индустрия (слои 3–5) с явными ориньякскими характеристиками, что может говорить о тесной связи обитателей предгорий Северного Тянь-Шаня с носителями ориньякской культурной традиции, распространенной к западу от Центральной Азии.

Более того, подобные каменные индустрии были также обнаружены на стоянках Узынагаш 1–3 (раскопки 2022–2024 гг.), Кызылауз 2 (раскопки 2018 г.) и в нижнем слое (слой 12) стоянки Рахат [8; 11]. Возраст этой индустрии около 36 000–30 000 кал. л. н. В каменном инвентаре отмечается несколько технологических линий, направленных на получение крупной широкой пластины (призматическая техника) (рис. 3, 1), пластинок и микропластин (кареноидная и реже мелкая призматическая технологии), удлинённых отщепов/пластинчатых отщепов («леваллуазская» технология).

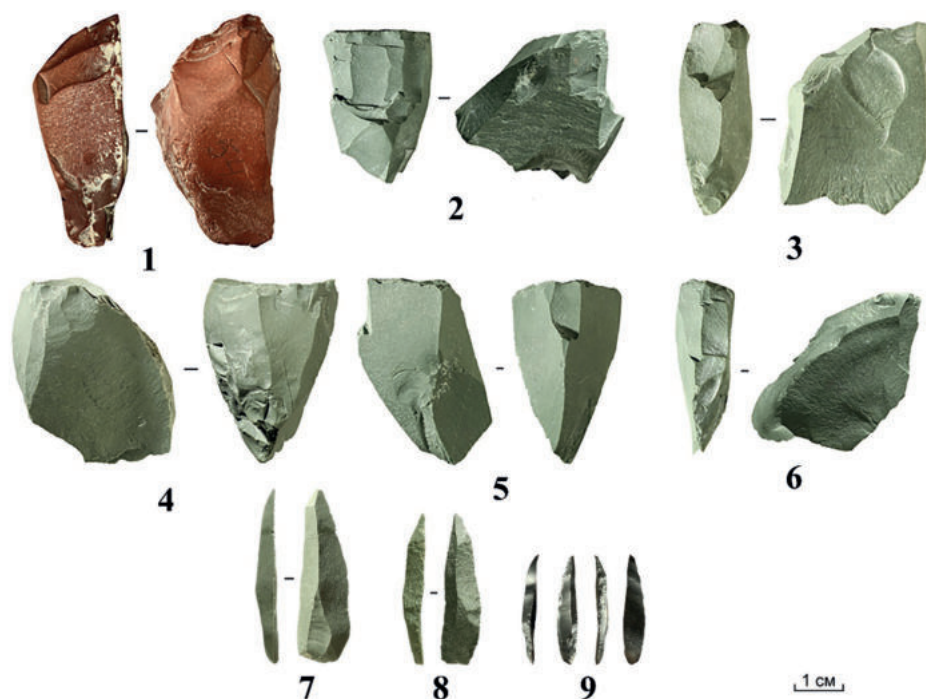

Рис. 2. Стоянка Майбулак. Каменные находки из слоя 6:
1 – кареноидный нуклеус-скребок; 2–6 – кареноидные нуклеусы-резцы (торцевые нуклеусы); 7–9 – острия на пластинках

В орудийном наборе представлены многочисленные разновидности скребков (концевые, веерообразные, скребки на ретушированных пластинах, скребки с плечиками и выемками, стрельчатые, двойные и т. д.) (рис. 3, 9–10), ретушированные пластины с выемками (рис. 3, 8), резцы, ножи на массивных отщепах и некоторые другие. В коллекциях многочисленны кареноидные нуклеусы-скребки различных форм (рис. 3, 2–3), скребки с «мордочкой» (рис. 3, 4), присутствуют кареноидные нуклеусы-резцы на массивных отщепах и полу-

ченные с них изогнутые пластинки. Пластинки иногда подправлялись ретушью с бруска (рис. 3, 5–7). Принимая во внимание единый возраст, широкое географическое распространение, схожесть технико-типологических параметров, можно говорить о наличии крупной культуры на территории предгорий Северного Тянь-Шаня (Заилийский Алатау и другие хребты) в период раннего верхнего палеолита. Номенклатурное наименование данной культуры предлагается обозначить как тяньшанский ориньяк.

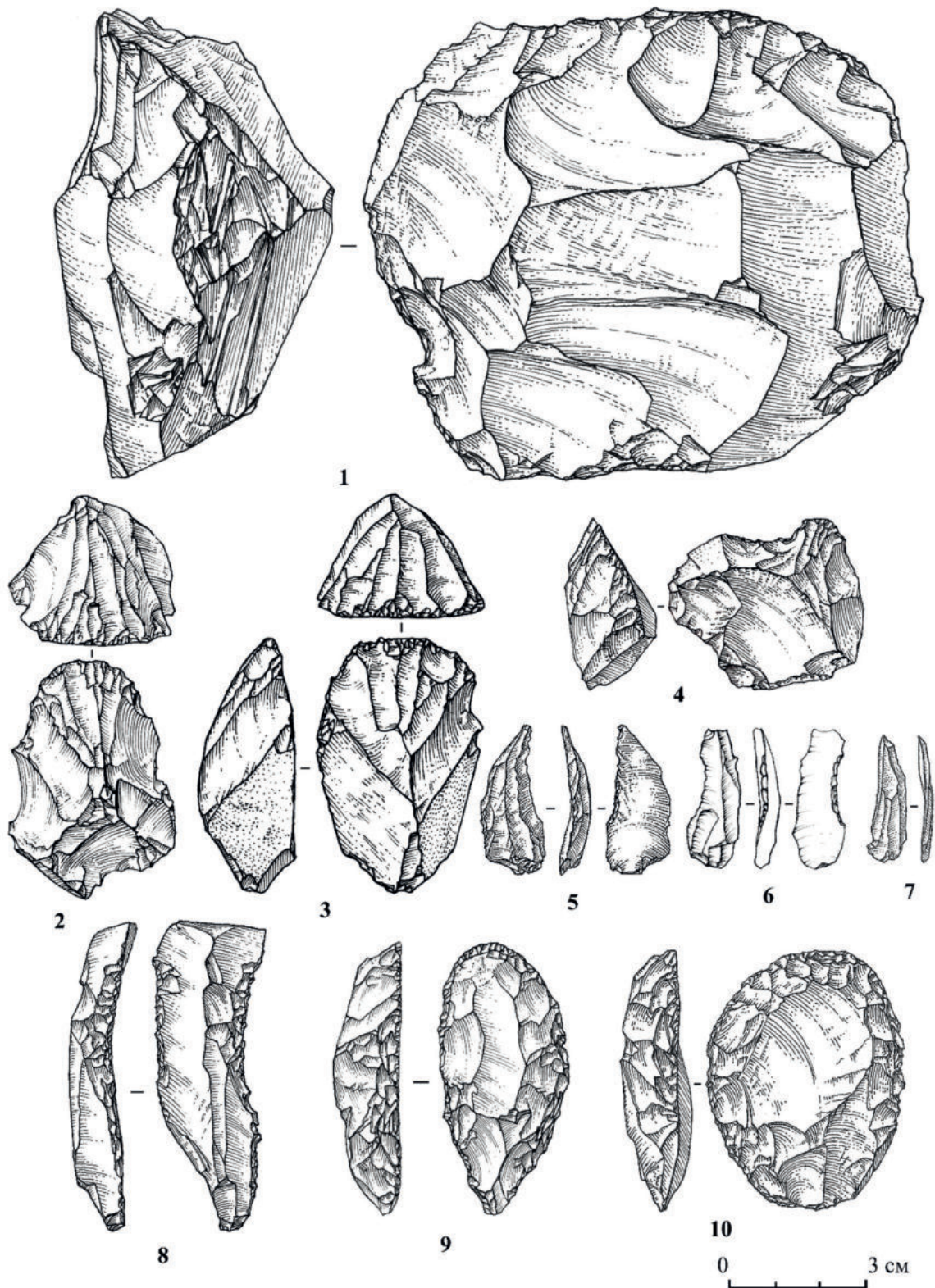

Рис. 3. Стоянка Узытагаш 1. Каменные находки из слоев 3–5:
 1 – подпризматический нуклеус; 2–3 – кареноидные нуклеусы-скребки; 4 – скребок с «мордочкой»;
 5–6 – пластинки с непрямым профилем с ретушью на брюшке; 7 – пластинка; 8 – ретушированная
 пластина с выемкой; 9–10 – скребки

Трансформация культуры среднего верхнего палеолита на стоянке Рахат в условиях максимума последнего похолодания. Дальнейший ход развития верхнепалеолитических культурных традиций предгорий Северного Тянь-Шаня можно проследить на материалах многослойной стоянки Рахат, расположенной в комплексе археологических памятников долины реки Рахат (Енбекшиказахский район Алматинской области) (см. рис. 1). Стоянка локализуется на правом берегу одноименной реки при выходе ее из ущелья в предгорную зону. Впервые памятник был обнаружен в 2006 году. Однако первые полно-

ценные археологические раскопки на Рахате были начаты в 2018 г. и продолжаются до настоящего времени [2; 3; 12]. Культурные слои памятника расположены на разных уровнях 13-ти метровой толщи лёссовидных суглинков, формировавшихся во второй половине позднего плейстоцена. В течение шести лет (2018–2023) на площади 60 м² была изучена вся эта культуросодержащая толща (рис. 4). Всего на стоянке было выявлено шестнадцать культурных слоев, в которых обнаруживаются многочисленные прокалы, углистые пятна, а также очажные ямы, самая крупная из которых достигает 1,5 м в диаметре (рис. 5).

Рис. 4. Стоянка Рахат. Вид на раскоп в 2021 г.

Всего на стоянке из всех слоев было получено свыше 8000 каменных находок. Следы самого раннего посещения стоянки обнаружены в культурном слое 12 (глубина -12,73/-12,85 м от условного нулевого репера) (рис. 6, 9). Возраст слоя 12 – порядка 30000 кал. л. н. По аналогии с индустрией стоянок Майбулак и Узынагаш 1–3 можно уверенно соотносить ее с концом ранней поры верхнего палеолита. В расположенных выше по разрезу культурных слоях 7, 8/1, 9, 10 (глубина -10,50/–

11,50 м) выявлена иная каменная индустрия, основанная на микропластинчатом расщеплении мелких подпризматических нуклеусов (рис. 6, 2–3). Культурными маркерами каменного инвентаря отсюда являются специфические формы острий трех разновидностей – мелкие листовидные острия; острия с частично выделенным черешком и острия с притупленным правым краем и V-образным скошенным основанием. Последние имеют размеры 20–30 мм в длину и 4–8 мм ширину и обнаруживают

Рис. 5. Стоянка Рахат, слой 4/3. Очаг с каменными находками и костными останками в процессе раскопок

Рис. 6. Стоянка Рахат. Находки из разных слоев:
1–3 – нуклеусы; 4, 9 – скребки; 5–8 – острия

определенные сходства с микрограветтийскими формами острий средней поры верхнего палеолита (рис. 6, 7–8). Возраст индустрии ~ 28 000 кал. л. н. Индустрия, содержащая подобные острия, является пока уникальной для Казахстана и Средней Азии и не имеет прямых аналогов на этой территории, но на общем культурно-стадиальном уровне может быть сопоставлена с памятниками Восточной Европы и Кавказа, содержащими т. н. микрограветтийские острия [6; 13]. Следующая индустрия, происходящая из культурных слоев 6 и 8/2 (глубина -9,80/-10,90 м), содержит архаичного облика уплощенные дисковидные нуклеусы, достаточно крупные нуклеусы с боковой обработкой (заужением) фронта, крупные отщепы, единичные орудия. В коллекции отсутствует микролитический инвентарь. Возможно, появление этой индустрии было обусловлено крупными климатическими изменениями (похолоданием) в период начавшегося последнего похолодания (26 000–19 000 л. н.), что выразилось в смещении ландшафтно-климатических зон к югу. Палеогеографические сдвиги могли повлечь смену флоры и фауны, что обусловило и хозяйственно-культурные перемены, выразившиеся в использовании более крупных заготовок для орудий и в самой технологии их получения. О наступившем климатическом коллапсе говорит и характер отложений, залегающих выше по разрезу на глубине -7,80/-9,80 м. Эта двухметровая толща включает плотный суглинок со следами оглеения, в котором встречаются лишь единичные каменные находки и, в отличие от других литологических слоев, отсутствует фауна наземных моллюсков. Данный суглинок накапливался в период последнего максимума похолодания (LGM) в условиях холодного климата. Вопрос проявления LGM в западной части Центральной Азии крайне слабо изучен. Согласно имеющимся данным, он может не соответствовать климатическим циклам, характерным для европейского LGM. Радиоуглеродные даты, полученные из выше- и нижерасположенных культурных слоев, однозначно датируют время формирования этого суглинка – 27 000–24 000 кал. л. н. Это время характеризует-

ся крайне редкими посещениями места стоянки. Долговременное или сезонное проживание на данной территории было тогда неблагоприятным. В период 24 000–23 000 кал. л. н. на стоянке Рахат фиксируются более благоприятные климатические условия, выразившиеся в формировании горизонта суглинка с признаками почвообразования. В этой пачке отложений (-6,40/-7,80 м) обнаруживается множество культурных слоев – многократных посещений стоянки. Революционной инновацией в обработке камня и изготовлении орудий является появление здесь первых серийных геометрических форм орудий – ассиметричных треугольников со скошенным нижним основанием (менее 3 см в длину) (рис. 6, 5–6). В целом отмечается общая микролитизация каменного инвентаря (рис. 6, 1,4). Если говорить об общих аналогиях каменному инвентарю из этой пачки стоянки Рахат, то они просматриваются в материалах слоя 2 стоянки Додекатим-2 (Средняя Азия), а также в памятниках раннего зарзиана (Иранское нагорье), кебарана и масракана (Левант) [1; 9; 10]. Такие аналогии говорят о широком культурно-стадиальном единстве развития верхнепалеолитических сообществ во время, следующее в этих регионах за максимумом последнего похолодания. Новые технологические решения, выразившиеся в массовом появлении геометрических стандартизированных орудий и вкладышей составных орудий, получили в этих регионах дальнейшее развитие в культурах поздней поры верхнего палеолита и эппалеолита. Для территории же Северного Тянь-Шаня поздняя пора верхнего палеолита совершенно не изучена.

Заключение. Таким образом, можно уверенно говорить, что предгорья Северного Тянь-Шаня активно заселялись в эпоху верхнего палеолита во время ~ 41 000–23 000 кал. л. н. Исследования находятся фактически в начальной стадии. Но к сегодняшнему моменту здесь уже открыто не менее десяти погребенных стоянок, практически все из которых являются многослойными. Наиболее изученными представляются ранняя и средняя поры верхнего палеолита. В верхнем палеолите на нескольких стоянках фиксируется единая

культура, схожая с культурой ориньяка (тяньшанский ориньяк). В среднем верхнем палеолите заметны технологические изменения в сторону появления микролитов-острий «граветтоидного» типа. И наконец, в силу климатического воздействия LGM в начале поздней поры появляется инновационная микролитическая культура с геометрическими формами (треугольники, scalene triangles). Развитие верхнего палеолита в регионе как культурного цело-

го находится в рамках единого для западной части Евразии тренда. В то же время в каменном инвентаре разных этапов верхнего палеолита отмечается и значительное своеобразие. Территория горных и предгорных областей Северного Тянь-Шаня, ранее представлявшаяся «белым пятном», наполняется многочисленными открытиями и приобретает важное значение для изучения верхнего палеолита Западной и Центральной Азии.

Список литературы

1. Кривошапкин А. И., Колобова К. А., Харевич В. М. Индустрия стоянки Додекатим-2 (Узбекистан): новые данные по верхнему палеолиту региона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2009. Т. 8, вып. 5. С. 74–97.
2. Ожерельев Д. В., Джасыбаев Е. А., Мамиров Т. Б. Первые данные о стратиграфии и культурной атрибуции многослойной стоянки верхнего палеолита Рахат (Юго-Восточный Казахстан) // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 57–70. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.254.57-70.
3. Ожерельев Д. В., Джасыбаев Е. А., Мамиров Т. Б. Особенности культурного слоя и поселенческие объекты на стоянке верхнего палеолита Рахат (слой 2) в Юго-Восточном Казахстане // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 262. С. 7–26. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.262.7-26.
4. Ожерельев Д. В., Успенская О. И., Таймагамбетов Ж. К. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // Stratum plus. 2023. № 1. С. 129–152. DOI: 10.55086/sp23112952.
5. Banks W. E., d'Errico F., Zilhão J. Human-climate interaction during the Early Upper Paleolithic: testing the hypothesis of an adaptive shift between the Proto-Aurignacian and the Early Aurignacian // Journal of Human Evolution. 2013. No. 64. P. 39–55. DOI: 10.1016/j.jhevol.2012.10.001.
6. Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // Antiquity. 2011. No. 85. P. 331–349. DOI: 10.1017/S0003598X0006779X.
7. Dinnis R., Bessudnov A. A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M. V., Sinitsyn A. A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // Journal of Human Evolution. 2019. No. 127. P. 21–40. DOI: 10.1016/j.jhevol.2018.11.012.
8. Kunitake S. The excavation of a newly discovered Upper Palaeolithic Kyzylaus-2 site in the Southern Kazakhstan // Proceeding International Scientific and Practical Conference “Methods and methodology of natural sciences in archaeological field research”, 18 september 2019. Almaty: Kazakh University, 2019. P. 148–149.
9. Nadel D. Ohalo II: A 23,000-Year-Old Fisher-Hunter-Gatherer's Camp on the Shore of Fluctuating Lake Kinneret (Sea of Galilee). Quaternary of the Levant: Environments, Climate Change, and Humans / ed. By Y. Enzel & O. Bar-Yosef. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 291–294.
10. Olszewski D. The Zarzian in the context of the Epipaleolithic Middle East // International Journal of the Humanities. 2012. No. 19. P. 1–20.
11. Ozherelyev D. V., Mamirov. T. B. A Complex of Stratified Upper Paleolithic Sites in the Foothills of the Northern Tien Shan: General Data and Research Perspectives // Archaeology. Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2023. No. 51. P. 67–74. DOI: 10.17746/1563-0102.2023.51.3.067-074.
12. Ozherelyev D. V. Asia, Steppe, East: Paleolithic Kazakhstan // Encyclopedia of Archaeology (Second Edition) / ed. by E. Nikita, T. Rehren. Academic Press, 2024. P. 350–359. DOI: 10.1016/B978-0-323-90799-6.00146-4.
13. Svoboda J. Pavlov I – Northwest. The Upper Paleolithic burial and its settlement context. Brno, 1997. 472 p.
14. Teyssandier N., Bon F., Bordes J.-G. Within projectile range: some thoughts on the appearance of the Aurignacian in Europe // Journal of Anthropological Research. 2010. No. 66. P. 209–229.

15. Tsanova T. The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros: taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran) // Journal of Human Evolution. 2013. No. 65. P. 39–64. DOI: 10.1016/j.jhevol.2013.04.005.

Информация об авторах

Ожерельев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел археологии каменного века, Институт археологии РАН, г. Москва, Россия, dim_as_oj@mail.ru

Мамиров Талгат Базарбаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан, tmamirov@mail.ru

Information about the authors

Ozherelev Dmitry V., Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Department of Stone Age Archeology, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, dim_as_oj@mail.ru

Mamirov Talgat B., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archeology named after. A. Kh. Margulana, Astana, Kazakhstan, tmamirov@mail.ru

РАЗДЕЛ 3

УДК 902

Археология Фуюй (Пуё): старые проблемы и новые задачи

Сергей Александрович Комиссаров

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Россия
sergai@mail.ru*

В статье представлен краткий обзор концепций, связанных с поиском археологического субстрата народа фуюй и созданного им раннесредневекового государства фуюй (пуё), о которых повествуют почти одновременные с ними китайские хроники, а также более поздние корейские письменные источники. Основной проблемой, вызывающей некоторые трудности, является определение эталонного комплекса характерных признаков для культуры фуюй. Как показывают материалы таких крупных памятников, как Лаохэшэн и Ламадонг, они содержат существенные смешения и/или влияния других культур (этнических групп), особенно сяньбэйцев. Такая же ситуация отмечается и для более ранних по датировке памятников культуры Ханьшу второго периода, которые китайские археологи связывают с предками фуюй. В последние годы большую работу в этом направлении проделал Марк Байингтон. Тем не менее проблема этнополитической атрибуции археологических памятников Маньчжурии и Северной Кореи в эпоху поздней античности – раннего средневековья остается актуальной для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Фую (Пуё), археология Маньчжурии (Дунбэй), Сяньбэй, Когурё, могильник Лаохэшэн

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-78-10121.

Archaeology of Fuyu (Puyǒ): Old Problems and New Purposes

Sergey Aleksandrovich Komissarov

*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
sergai@mail.ru*

The paper provides a brief overview of the concepts related to the search for the archaeological substrate of the Fuyu people and the early medieval Fuyu (Puyǒ) state created by them, which were narrated by Chinese chronicles that are almost simultaneous with them, and more later Korean written sources. The main problem which causes certain difficulties is to determine the reference site complex of the characteristic features for the Fuyu culture. As the materials of such large sites as Laoheshen and Lamadong demonstrate us, they contain some significant mixtures and/or influences of other cultures (ethnic groups), especially Xianbei. The same situation is noted for the earlier in dates relics of the Culture of Hanshu second period, which Chinese archaeologists associate with the ancestors of Fuyu. In the recent years the great deal of the work in this approach was made by Mark Byington. But, nevertheless, the problem of ethno-political attribution for the archaeological sites of Manchuria and North Korea within the Late Antiquity – Early Medieval Ages remains actual for further research.

Keywords: Fuyu (Puyǒ), archaeology of Manchuria (Dongbei), Xianbei, Koguryo, Laoheshen burial yard

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10121.

Народ («государство») фуюй, известный также под корейским названием пуё, впервые упоминается еще в «Исторических записках» Сыма Цяня в одной связке с ухуанями в контексте событий конца Чжаньго (ок. III в. до н. э.) [8, с. 303]. Для эпохи Хань уже имеется большой текст о Фуюй в главе («повествовании») об ухуанях, сяньбэйцах и восточных и, в разделе «История Вэй» летописи «Саньго чжи». Этот текст был тщательно выверен и переведен на русский язык Н. В. Кюннером [4, с. 228–231], поэтому постоянно использовался российскими учеными, писавшими о древнем прошлом Дальнего Востока. Дальнейшая история народа фуюй, создавшего самое раннее государство в регионе, вплоть до конца V в. неоднократно возникает на страницах других средневековых хроник. Его жизнедеятельность протекала в рамках современной пров. Цзилинь и северной части пров. Ляонин, а «домен» располагался в бассейне верхнего течения р. Сунгари. Это могло бы служить хорошей подсказкой при атрибуции археологических памятников данного региона в указанный период. Однако в ту же эпоху на территории Южной и Центральной Маньчжурии активно действовали и другие народы, прежде всего, сяньбэйцы и когурёсцы, которые постоянно взаимодействовали как с фуюй, так и друг с другом, поэтому атрибуция ряда важных объектов до сих пор носит дискуссионный характер.

Основным памятником, который авторы раскопок считали сяньбэйским, но впоследствии переключившись на фуюйский, стал богатый находками могильник Лаохэшэнь [13]. Поскольку через аналогии к этому памятнику был привязан целый ряд археологических объектов, то в настоящее время их также перевели в разряд фуюйских. Так, например, в настоящее время находки не только Лаохэшэнь, но и Сичагоу, Маоэр и др. выставляются в Музее пров. Цзилинь как принадлежащие к культуре Фуюй [7, с. 66–67]. Значительный вклад в выявление пуёского (фуюйского) субстрата на этих памятниках внесли корейские ученые (см., напр.: [9]).

Еще для одного представительного памятника Ламадун была проведена серия антропологических, включая палеоге-

нетические, исследований, которые выявили существенное отличие людей, захороненных в этих могилах, от сяньбэйской основной линии, связанной, в первую очередь, с табгачами. Создатели культуры Трех царств Янь (337–370, 384–407, 407–436 гг.) – сяньбэйские мужуны – оказались близки представителям, главным образом, дунбэйской (предположительно, фуюйской) и восточноазиатской (вероятно, ханьской) группы, но при некотором влиянии монгольской (сяньбэйской), а из числа современных этносов – монголоязычным даурам [12]. По мнению ряда китайских археологов, мужунская культура Трех Янь также сложилась на пересечении трех культурных традиций: сяньбэйской, фуюйской и ханьской; причем фуюй заимствовали у завоевавших их мужунов многие элементы образа жизни, в то же время сохранили некоторые особенности погребального обряда [2].

Существенной этноразличительной чертой является, на наш взгляд, поясная пряжка с изображением крылатого коня-единорога, связанным с сяньбэйской легендой, зафиксированной в «Вэй шу» [3]. Такие изделия нашли в могилах M56 и M105 в Лаохэшэнь и в Чжалайноре; их вероятная дата – эпоха Восточной Хань (I – начало III в.). Китайские авторы связывают легенду о миграции сяньбэй на юг, приведенную в китайской летописи, с племенами тоба (табгачей), основываясь на географии их распространения и маршрутах передвижения [11]. Изображения крылатого коня-единорога выявлены также на территории Южной Сибири и Монголии, что говорит о сяньбэйском влиянии или даже непосредственном проникновении в эти регионы [6].

Некоторые китайские авторы утверждают, что такие пряжки могли у сяньбэйцев перенять фуюй, но без каких-то дополнительных доказательств (см.: [5]), соответственно, сяньбэйская теория остается наиболее популярной.

На сегодняшний день наиболее полное обобщение археологических исследований памятников фуюй выполнено американским исследователем Марком Байнгином в его докторской диссертации, защищенной в 2003 г. и опубликованной в

форме монографии в 2016 г. [14]. Он связал становление культуры Пуё (Фуюй) с культурной общностью Ситуаньшань, но не прямо, а через промежуточные культуры, которые также подверглись яньско-ханьскому и сюнну-сяньбэйскому влиянию. К фуюйским памятникам он относит Лаохэшэнь, Маозршань, Ламадун и др., а также укрепленные поселения от Шанхэвань на севере до Цинъюань на юге. По его мнению, развитие фортификации свидетельствует о возникновении государства Пуё (Фуюй) уже в период Западной Хань (I в. до н. э.), на сто и более лет раньше, чем считалось до того; столицей служило поселение Дунтуаньшань.

Однако предложенная схема небесспорна, атрибуция некоторых памятников (в т. ч. базового Лаохэшэнь) нуждается в уточнении. Для воссоздания полной картины необходимо расширение круга источников, например, привлечение материалов культуры второго периода Хань-

шу. Этот памятник, датированный периодом от Чжаньго до Западной Хань включительно (т. е. в основном IV–III вв. до н. э.), содержит большое поселение и могильник, но в нем выделяются различные культурные слои при относительно бедном инвентаре. Очевидно, поэтому китайские авторы связывают культуру Ханьшу не только с жизнедеятельностью предков фуюй, но и, возможно, вэймо (ёмэк), а также с происхождением когурё, сушэнь и дунху [10]. Таким образом, в исследовании археологии фуюй сохраняется прежняя проблема, которую на примере аналогичных находок на смежной территории Внутренней Монголии сформулировал А. В. Варенов: перед исследователями «в полный рост встает проблема отделения сяньбийских (в широком смысле слова) памятников от памятников фуюй (пуё), сюнну (хунну) и других соседних народов» [1, с. 42], а для южных районов добавим: прежде всего, когурё.

Список литературы

1. Варенов А. В. Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2019. Т. 18, № 4. С. 30–50. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-4-30-50.
2. Вэй Чжэн, Синь Лун, Нин Янь. Миньцзу цзяожун шиесядэ шилуго муцзан = Погребения периода 16 государств с точки зрения слияния народов // Чжунъюань вэньу. 2022. № 4. С. 24–37. (На кит. яз.)
3. Комиссаров С. А. Сяньбэй – «племя единорога» // 100 лет гуннской археологии: номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: гуннский феномен: материалы междунар. конф. Улан-Удэ: [Б. и.], 1996. Ч. 1. С. 31–33.
4. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во Вост. лит., 1961. 391 с.
5. Ма Хун. Хай нэйвай соцзан има шэньшоу пайши цзунлань = Обзор пластин с изображением крылатого коня, хранящихся внутри и за пределами Китая // Шоуцзан куайбао. 2020. 29 июня. (На кит. яз.)
6. Миклашевич Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: материалы тематической науч. конф. / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: [Б. и.], 2004. С. 320–325.
7. Постников В. В. История Северо-Восточного Китая в экспозиции Музея провинции Цзилнь // Российско-китайские исследования. 2020. Т. 4, № 1. С. 64–73. DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(1).64-73.
8. Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: в 9 т. / пер. с кит., коммент., под ред. А. Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2010. 623 с. (Памятники письменности Востока XXXII, 9)
9. Хан Чжин Сон, Кан Ин Ук. Этнокультурная принадлежность могильника Сичагоу по материалам поясных блях культуры хунну // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2023. Т. 22, № 5. С. 79–94. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-5-79-94.
10. Ханьшу ичжи = Памятник Ханьшу. Текст: электронный // Байду байкэ (эл. энцикл.). 21.09.2022. URL: <https://baike.baidu.com/item/汉书遗址/9018535?fr=aladdin> (дата обращения: 15.06.2024). (На кит. яз.)
11. Цзя Икэнь. «Вэй шу. Сю цзи» цзай юму буцзу цянъси вэньти яньцзючжундэ цзячжи = Значение «Истории Вэй. Предисловия» в исследовании проблем миграции кочевых народов // Сиюй яньцзю. 2014. № 4. С. 16–22. (На кит. яз.)

12. Чжу Хун, Цэн Вэнь, Чжан Цюаньчао, Чэнь Шань, Чжоу Хуй. Лабадун саньянь вэньхуа цзюйминь шу вэньгидэ шэнью каогу каоча = Изучение с помощью биологической археологии вопросов, относящихся к населению культуры Трех Янь на памятнике Лабадун // Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао. 2012. Т. 52, № 1. С. 44–51. (На кит. яз.)

13. Юйшу лаохэшэнь = Могильник Лаохэшэнь в уезде Юйшу. Пекин: Вэнью чубаньшэ, 1987. 171 с.

14. Byington M. E. The Ancient State of Puyò in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. Cambridge; London: Harvard University Asia Center, 2016. Vol. XV. 398 p.

Информация об авторе

Комиссаров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, sergai@mail.ru

Information about the author

Komissarov Sergey A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, sergai@mail.ru

УДК 93194(470+571)(510)

Азиатская Россия и Китай: из прошлого в будущее

Дмитрий Георгиевич Коровушкин

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия
peka1963@mail.ru

Статья посвящена истории и перспективам межцивилизационного взаимодействия Азиатской России и Китая, представленным в осмыслении миграционных процессов, в том числе в период конца XIX – начала XXI в. Сибирь на протяжении столетий выступала своеобразным «мостом» между Европой и Азией, в конечном счете – между Россией и Поднебесной во всех их прошлых и нынешних ипостасях. Взаимодействие населения, проживавшего и проживающего на территории современных России и Китая в прошлом и настоящем, – многогранная тема с широкой исторической перспективой и значительным геополитическим будущим. В контексте трансграничного взаимодействия территорий сопряжения особый интерес представляет совместная история Поднебесной и Сибири как части евразийского пространства, воплощенного в Азиатской России. Для российской и китайской государственности учет всех составляющих этой истории – как прекрасной, так и наполненной горечью потерь – является вопросом обеспечения будущего наших народов и созданных ими цивилизаций с учетом взаимных интересов.

Ключевые слова: Азиатская Россия, Сибирь, китайцы, история взаимоотношений, мигранты, этническая демография, перспективы межцивилизационного взаимодействия

Asian Russia and China: from the Past to the Future

Dmitry G. Korovushkin

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia
peka1963@mail.ru

The article is devoted to the history and prospects of inter-civilizational interaction between Asian Russia and China, presented in the understanding of migration processes, including during the late XIX – early XXI centuries. For centuries, Siberia acted as a kind of “bridge” between Europe and Asia, ultimately – between Russia and the Middle Kingdom in all their past and current incarnations. The interaction of the population living and living in the territory of modern Russia and China in the past and present is a multifaceted topic with a wide historical perspective and a significant geopolitical future. In the context of cross-border interaction of the conjugation territories, the combined history of the Celestial Empire and Siberia, as part of the Eurasian space embodied in Asian Russia, is of particular interest. For Russian and Chinese statehood, taking into account all the components of this history – both beautiful and bitterness-filled losses – is a matter of ensuring the future of our peoples and the civilizations they have created, taking into account mutual interests.

Keywords: Asian Russia, Siberia, Chinese, history of relations, migrants, ethnic demographics, prospects for inter-civilisation interaction

Столетиями Сибирь выступала своеобразным «мостом» между Европой и Азией, в конечном счёте – между Россией и Поднебесной во всех их былых и текущих воплощениях. Взаимодействие населения, проживавшего и проживающего на территории современных России и Китая в прошлом и настоящем – многогранная тема, имеющая широкую историческую перспективу и значимое геополитическое будущее. В контексте межграничного взаимодействия территорий сопряжения особый интерес вызывает совокупная история Поднебесной и Сибири, как части евразийского пространства, воплощённой в Азиатской России.

Для российской и китайской государственности учёт всех составляющих этой

истории – и умирительно прекрасных, и наполненных горечью потерь – вопрос обеспечения будущего наших народов и созданных ими цивилизаций с учётом взаимных интересов.

Древность и средневековье. Говорить о сибирско-китайских (Сибирь и Китай как исторически сложившиеся территории) контактах и взаимодействиях, уходящих далее эпохи железного века, мы не имеем полноценных доказательных оснований. Но археология первой половины I тысячелетия н. э. совершенно чётко их иллюстрирует. Дабы не уходить от своих материалов, стоит проиллюстрировать их наличие лишь двумя иллюстрациями по итогам раскопок Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН на р. Ангаре (рис. 1, 2).

Рис. 1. Монета «кай-юань тун-бао», бронза. Стоянка Кода-2 [12, с. 34]

Рис. 2. Курительная трубка, серебро. Стоянка Парта [12, с. 108]

Назвать находки случайными нельзя, поскольку они вполне иллюстрируют взаимную заинтересованность тогдашнего населения и наличие товарного оборота двух описываемых историко-культурных пространств в этот исторический период. Если бы мы имели дело с монетой из драгоценного металла, внеплатёжная случайность могла бы иметь место, но наличие стандартного платёжного средства, не имеющего иной ценности, демонстрирует упорядоченную основу «товар – деньги – товар» как части устоявшейся системы товарно-денежного обращения. Безусловно, что основная доля товарного предложения тогдашней Сибири китайскому рынку состояла из продуктов животного происхождения: пушнины, внутренних органов, пантов и рогов. То же относится и к лекар-

ственным дикороссам. Драгоценные и полудрагоценные металлы и минералы доказуемо имели место, но в крайне незначительных объёмах.

Новое время. Вхождение сибирских земель в состав общерусского государства, формально начатое Иваном III Васильевичем в 1483 году и ярко продолженное спустя столетие Ермаком Тимофеевичем, открыло новую эпоху китайско-русских взаимодействий, всё ближе и включённее развивавшихся по мере сближения географических границ. Россия и русские (как надэтнический конгломерат), завоёвывая и присоединяя некогда ордынские территории, всё чаще сталкивались со следами исторического присутствия на сибирских просторах представителей Поднебесной.

Доказательства такого взаимодействия были обнаружены, в частности, Д. Г. Мессершмидтом [14, с. 300] и Ф. И. Страленбергом [15, с. 360]. К сожалению, по европейской привычке, Д. Г. Мессершмидт основательно преувеличивал китайское влияние на культуру автохтонного населения Сибири, преуменьшая их, «аборигенов», способности и достижения. Безусловно, возможности, знания и навыки народа хань, развивавшегося в иной, значительно более развитой и многолюдной культуре, превосходили то, чем владели и обладали представители относительно малочисленных групп населения, погруженного в иные хозяйственно-климатические условия, не имевшие, как правило, своей письменности и нередко государства. Упомянув Д. Г. Мессершмидта и его экспедиции, необходимо отметить значимость и значительность его и соратников достижений, опередивших своё время и ставших основой для сибиреведческих исследований на более чем столетие.

Говоря о начале реальных межгосударственных отношений между Россией и Китаем, следует упомянуть Е. П. Хабарова, ставшего истинным завоевателем будущего российского Приамурья – на тот момент чжурчжэньских (маньчжурских) владений. Именно действия Ерофея Павловича и вверенных ему отрядов впервые столкнули Российское царство (далее – Российскую империю) и империю Цин, созданную как раз маньчжурами. К сожалению, вооружённые столкновения между русскими и маньчжурскими отрядами продолжились и далее, причём не в пользу русских, вскоре вытесненных с Амура. Следует заметить, что ханьцы, веками ассоциировавшиеся у русских с Китаем и называемые нами китайцами, по сути, ещё не стали участниками этого исторического процесса межцивилизационного взаимодействия.

Попытка нормализовать отношения отправкой в Пекин Н. Г. Спафария фактически провалилась. Двадцать лет ожесточённой борьбы за Приамурье окончились подписанием Нерчинского договора, полтора векового действие которого так и не привело к удовлетворению сторон и развитию обоюдывыгодных контактов, в том чис-

ле связанных с миграциями, попавшими под жёсткий взаимный запрет.

Новая эра русско-китайских контактов и относительная свобода миграций были обусловлены Айгунским договором 1858 г. и Пекинским трактатом 1860 г. Последний, к сожалению, заложил ту мину в русско-китайских взаимоотношениях, которая сработала через 109 лет на о. Даманском...

Договоры открыли возможность для жителей Китая появляться в России, также в состав Российской империи вошли земли, ранее принадлежавшие Империи Цин и имевшие постоянное китайское население [11, с. 72]. При этом основная часть «китайцев» фактически была этническими маньчжурами.

Следует отметить важную деталь: от региона к региону проникновение подданных Цинской империи в российские владения было абсолютно нетождественным – если на территории Приморья основными были представители рабочих специальностей, то в Иркутске, Красноярске, Минусинске наиболее ярко проявились немногочисленные китайские купцы [Там же, с. 73].

С освоением и развитием Дальнего Востока миграция китайских подданных стала ощутимо нарастать. При этом подавляющая часть прибывающих маньчжур и ханьцев не стремилась приобретать российское подданство, что, в итоге, зафиксировала Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г.

Новейшая история. Исходя из представлений автора, что новейшая история начинается с конца XIX века – времени формирования глобального общечеловеческого мира как культурно-исторического пространства – далее будут приведены данные всех всеобщих переписей населения на территории Российской империи, СССР и Российской Федерации. Начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской империи (ВПН-1897) – как точки отсчёта. Объектом нашего анализа станут китайцы – как ханьцы, так и маньчжуры – подданные и граждане России во всех её воплощениях, и китайские подданные различной этнической принадлежности, проживавшие на территории Азиатской России в 1897–2020 гг.

Следует пояснить, почему результаты именно всеобщих переписей населения России стали основным источником по расселению и численности китайцев в Азиатской России. Только всеобщие переписи населения дают возможность увидеть полную картину населения изучаемой территории. Именно всеобщие переписи населения являются основным источником, фиксирующим расселение и численность любого народа (этноса или этнической группы) в государстве, и позволяющем определять тенденции развития этнических процессов с их участием. Следует заметить, что подходы к определению национальной принадлежности в различных переписях не одинаковы. Поскольку Первая всеобщая перепись населения 1897 года не содержала вопроса о национальности, обобщенные данные по расселению и численности китайцев в Азиатской России в 1897 г. получены на основе сведений о родном языке (табл. 1).

Далее приводятся данные по расселению и численности китайцев в Азиатской России, содержащихся в итогах Всесоюзной переписи населения 1926 г. на основании сведений из графы «народность» (табл. 2). При сравнении таблиц видно, что общее количество китайцев в стране и регионах значительно снизилось. Перечисление и анализ причин этого – задача специального исследования,

не предусмотренного рамками данной публикации.

Перепись 1939 г. зафиксировала значительное увеличение китайского населения СССР по сравнению с данными 1926 г.: до 312,5 % в целом по стране, а в Азиатской России – до 372,7 % (табл. 3). Количество китайцев в Казахской ССР увеличилось в 16 раз. Последнее объясняется массовой депортацией и вынужденной миграцией их из приграничных с государством Маньчжоу-Го территорий.

В весьма кратких итогах Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 годов содержатся данные о численности населения по национальности лишь по областям, краям и республикам в составе СССР (для переписей 2002 и 2010 гг. – Российской Федерации), без разделения по половому признаку. Поэтому данные по расселению и общей численности китайцев в СССР и их доле в населении регионов и страны в целом сведены воедино (табл. 4).

В таблице 5 показана общая численность китайцев, учтенных Всероссийскими переписями населения 2002 г. и 2010 г. в Российской Федерации, Азиатской России, находящихся на её территории Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах и входящих в их состав областях, краях и республиках, расположенных в границах исторической Сибири. Те же территории отражены в табл. 6.

Таблица 1

Расселение и численность лиц, считающих китайский язык родным, в Азиатской России (городское и сельское население) по результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (по: [13])

Территориальная единица	Всё китайское население Численность (чел.)		
	муж.	жен.	Всего
Российская империя	47 431	10 028	57 459
<i>Азиатская Россия</i>	38 717	2 317	41 034
Амурская область	5 967	1 849	7 816
Енисейская губерния	19	–	19
Забайкальская область	2 317	25	2 342
О-в Сахалин	146	–	146
Приморская область	30 262	442	30 704
Томская губерния	6	1	7
Туркестанское генерал-губернаторство	8 594	7 698	16 292
Акмолинская область	–	1	1
Самаркандская область	8	2	10

Окончание табл. 1

Территориальная единица	Всё китайское население Численность (чел.)		
	муж.	жен.	Всего
Семипалатинская область	2	–	2
Семиреченская область	7 398	6 732	14 130
Сырдарьинская область	286	223	509
Ферганская область	900	740	1 640

Таблица 2

Расселение и численность китайцев (городское и сельское население) в Азиатской части СССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. (исчислено по: [1])

Территориальная единица	Все китайское население Численность (чел.)		
	муж.	жен.	Всего
СССР	9 479	768	10 247
РСФСР	8 391	672	9 063
Бурято-Монгольская АССР	291	51	342
Дальне-Восточный край	3 515	300	3 815
Амурский округ	805	51	856
Владивостокский округ	1 028	149	1 177
Зейский округ	292	4	296
Камчатский округ	44	2	46
Николаевский округ	152	16	168
Сахалинский округ	45	1	46
Сретенский округ	310	8	318
Хабаровский округ	286	39	325
Читинский округ	553	30	583
Сибирский край	1 360	49	1 409
Ачинский округ	15	–	15
Барабинский округ	13	1	14
Барнаульский округ	32	3	35
Бийский округ	13	–	13
Иркутский округ	493	12	505
Каменский округ	14	2	16
Канский округ	29	1	30
Киренский округ	2	–	2
Красноярский округ	78	2	80
Кузнецкий округ	65	1	66
Минусинский округ	47	6	53
Новосибирский округ	164	6	170
Ойратская АО	2	–	2
Омский округ	189	8	197
Рубцовский округ	7	–	7
Славгородский округ	57	4	61
Томский округ	102	1	103
Тулунский округ	38	1	39

Таблица 3

Расселение и численность китайцев (городское и сельское население) в Азиатской части РСФСР по результатам Всесоюзной переписи населения 1939 г. (исчислено по: [2; 3])

Территориальная единица	Все китайское население Численность (чел.)		
	муж.	жен.	Всего
СССР	28 535	3 488	32 023
РСФСР	19 942	2 575	22 517
Алтайский край	90	29	119
в т. ч. Ойротский авт. округ	1	6	7
Бурят-Монгольская АССР	1 366	132	1 498
Иркутская область	1 021	164	1 185
в т. ч. Усть-Ордынский нац. округ	49	7	56
Красноярский край	811	91	902
в т. ч. Таймырский авт. округ	84	–	84
в т. ч. Хакасская авт. обл.	90	34	124
Новосибирская область	320	78	398
в т. ч. Нарымский округ	11	3	14
Омская область	97	19	116
в т. ч. Тарский округ	1	1	2
в т. ч. Тобольский округ	1	1	2
в т. ч. Ханты-Мансийский нац. Округ	1	–	1
в т. ч. Ямало-Ненецкий нац. округ	–	1	1
Приморский край	252	99	351
Хабаровский край	4 395	722	5 117
в т. ч. Амурская область	2 772	400	3 172
в т. ч. Еврейская авт. область	5	1	6
в т. ч. Камчатская обл.	91	14	105
в т. ч. Корякский нац. округ	10	3	13
в т. ч. Нижне-Амурская область	22	2	24
в т. ч. Сахалинская обл.	160	15	175
Читинская область	5 694	321	6 015
Якутская область	1 303	74	1 377

300 лет научных исследований в Забайкалье

Таблица 4

Расселение и численность китайцев в Азиатской части СССР по результатам Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. (исчислено по: [5–7; 9])

Территориальная единица	ВПН 1 959		ВПН 1 970		ВПН 1 979		ВПН 1 989	
	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР
СССР	25 781	100	14 681	100	12 021	100	11 355	100
РСФСР	19 097	74,1	7 987	54,4	5 743	47,8	5 197	45,7
Азиатская часть СССР	13 647	52,9	11 531	78,5	9 069	75,4	8 728	76,9
Алтайский край	н. д.	н. д.	109	0,7	78	0,6	69	0,6

Продолжение табл. 4

Территориальная единица	ВПН 1 959		ВПН 1 970		ВПН 1 979		ВПН 1 989	
	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР
<i>в т. ч. Горно-Алтайская авт. обл.</i>	н. д.	н. д.	7	<0,1	10	<0,1	н. д.	н. д.
Амурская область	1 061	4,1	501	3,4	265	2,2	200	1,8
Бурятская АССР	1 077	4,2	409	2,8	219	1,8	191	1,7
Иркутская область	1 540	6	780	5,3	562	4,7	472	4,2
<i>в т. ч. Усть-Ордынский нац. округ</i>	н. д.	н. д.	46	0,3	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Камчатская область	н. д.	н. д.	52	0,4	37	0,3	25	0,2
<i>в т. ч. Корякский нац. округ</i>	н. д.	н. д.	4	<0,1	2	<0,1	н. д.	н. д.
Кемеровская область	н. д.	н. д.	120	0,8	90	0,7	86	0,8
Красноярский край	1 841	7,1	1 153	7,9	788	6,6	554	4,9
<i>в т. ч. Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ</i>	н. д.	н. д.	8	<0,1	4	<0,1	н. д.	н. д.
<i>в т. ч. Хакасская авт. обл.</i>	215	0,8	154	1	128	1,1	н. д.	н. д.
<i>в т. ч. Эвенкийский нац. округ</i>	н. д.	н. д.	1	<0,1	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Магаданская область	н. д.	н. д.	60	0,4	48	0,4	43	0,4
<i>в т. ч. Чукотский нац. округ</i>	н. д.	н. д.	7	<0,1	7	<0,1	н. д.	н. д.
Новосибирская область	224	0,9	199	1,4	131	1,1	129	1,1
Омская область	227	0,9	236	1,6	180	1,5	157	1,4
Приморский край	207	0,8	214	1,5	168	1,4	159	1,4
Сахалинская область	н. д.	н. д.	61	0,4	43	0,4	34	0,3
Томская область	н. д.	н. д.	40	0,3	24	0,2	39	0,3
Тувинская АССР	н. д.	н. д.	15	0,1	12	0,1	11	<0,1
Тюменская область	н. д.	н. д.	31	0,2	45	0,4	69	0,6

Окончание табл. 4

Территориальная единица	ВПН 1 959		ВПН 1 970		ВПН 1 979		ВПН 1 989	
	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР	Численность (чел.)	% от общего числа китайцев СССР
в т. ч. Ханты-Мансийский авт. округ	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	21	0,2	н. д.	н. д.
в т. ч. Ямало-Ненецкий авт. округ	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Хабаровский край	1 226	4,8	1 011	6,9	849	7,1	784	6,9
в т. ч. Еврейская авт. обл.	н. д.	н. д.	53	0,4	36	0,3	н. д.	н. д.
Читинская область	1 155	4,5	518	3,5	260	2,2	168	1,5
в т. ч. Агинский нац. округ	51	0,2	23	0,2	18	1,5	н. д.	н. д.
Якутская АССР	621	2,4	420	2,9	329	2,7	329	2,9

Таблица 5

Расселение и численность китайцев в Азиатской России по результатам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.* (исчислено по: [4; 8])

Территориальная единица	2 002		2 010	
	Всё население мужчины и женщины	В т. ч. китайцы	Всё население мужчины и женщины	В т. ч. китайцы
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	145 166 731	34 577	142 856 536	28 943
Уральский федеральный округ	н. д.	н. д.	12 080 526	2 054
Тюменская область	3 264 841	75	3 395 755	90
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1 432 817	30	1 532 243	56
Ямало-Ненецкий автономный округ	507 006	11	522 904	3
Сибирский федеральный округ	20 327 961	4 639	19 256 426	9 075
Республика Алтай	202 947	13	206 168	7
Республика Бурятия	981 238	635	972 021	1 014
Республика Тыва	305 510	18	307 930	33
Республика Хакасия	546 072	199	532 403	103
Алтайский край	2 607 426	205	2 419 755	450
Забайкальский край	н.с.	н.с.	1 107 107	632
Читинская область	1 155 346	295	н.с.	н.с.
Агинский Бурятский автономный округ	72 213	12	н.с.	н.с.
Красноярский край	2 966 042	665	2 828 187	2 439
Таймырский (Долгано-ненецкий) автономный округ	39 786	-	н.с.	н.с.
Эвенкийский автономный округ	17 697	1	н.с.	н.с.

Окончание табл. 5

Территориальная единица	2 002		2 010	
	Всё население мужчины и женщины	В т. ч. ки- тайцы	Всё население мужчины и женщины	В т. ч. китайцы
Иркутская область	2 581 705	1 409	2 428 750	1 118
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	135 327	31	н.с.	н.с.
Кемеровская область	2 899 142	152	2 763 135	193
Новосибирская область	2 692 251	415	2 665 911	1 926
Омская область	2 079 220	306	1 977 665	753
Томская область	1 046 039	283	1 047 394	407
Дальневосточный федеральный округ	6 718 022	9 679	6 293 129	8 788
Республика Саха (Якутия)	949 280	891	958 528	926
Камчатский край	н.с.	н.с.	322 079	38
Камчатская область	358 801	29	н.с.	н.с.
Корякский автономный округ	25 157	2	н.с.	н.с.
Приморский край	2 071 210	3 840	1 956 497	2 857
Хабаровский край	1 436 570	3 815	1 343 869	3 898
Амурская область	902 844	851	830 103	672
Магаданская область	182 726	18	156 996	237
Сахалинская область	546 695	131	497 973	76
Еврейская автономная область	190 915	102	176 558	84
Чукотский автономный округ	53 824	-	50 526	-

Примечание: здесь и далее: н. с. – «данная территориальная единица, которая не существовала на момент проведения переписи».

Таблица 6

Расселение и численность китайцев в Азиатской России по результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. (составлено по: [10])

Территориальная единица	Всё население мужчины и женщины	В т. ч. китайцы		
		всё население	мужчины	женщины
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	147 182 123	19 644	14 790	4 854
Уральский федеральный округ				
Тюменская область (вся)	3 823 910	5 646	2 506	3 140
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1 711 480	26	18	8
Ямало-Ненецкий автономный округ	510 490	1	-	1
Сибирский федеральный округ				
Республика Алтай	210 924	3	3	-
Республика Тыва	336 651	223	210	13
Республика Хакасия	534 795	41	27	14
Алтайский край	2 163 693	70	42	28
Красноярский край	2 856 971	651	538	113
Иркутская область	2 370 102	504	320	184
Кемеровская область	2 600 923	201	149	52
Новосибирская область	2 797 176	532	405	127
Омская область	1 858 798	2 470	2 334	136

Территориальная единица	Всё население мужчины и женщины	В т. ч. китайцы		
		всё население	мужчины	женщины
Томская область	1 062 666	218	164	54
Дальневосточный федеральный округ				
Республика Бурятия	978 588	407	292	115
Республика Саха (Якутия)	995 686	3 544	2 453	1 091
Забайкальский край	1 004 125	889	817	72
Камчатский край	291 705	48	29	19
Приморский край	1 845 165	1 644	1 444	200
Хабаровский край	1 292 944	667	482	185
Амурская область	766 912	1 089	798	291
Магаданская область	136 085	30	23	7
Сахалинская область	466 609	35	24	11
Еврейская автономная область	150 453	43	25	18
Чукотский автономный округ	47 490	-	-	-

Необходимо отметить, что расселение и численность китайцев в России с 1989 по 2002 гг. и в последующем претерпела значительные изменения. В 2002 г. общая численность учтенных китайцев по стране составила 304,5 % от показателя 1989 года, а по Азиатской России – 164,7 %. Большинство китайцев Азиатской России – 67,3 % – проживало на Дальнем Востоке. В Сибирском федеральном округе, а также в областях, краях и республиках Дальневосточного федерального округа, кроме граничащих с КНР Приморского (2415,1 % от численности 1989 г.) и Хабаровского (486,6 % от численности 1989 г.) краев и Амурской области (425,5 % от численности 1989 г.), численность китайцев по сравнению с 1989 г. изменились не столь значительно.

Разительные изменения показывает сравнение данных ВПН-2010 и ВПН-2020: общая численность китайцев по стране в них указана в 28943 (2010) и 19644 (2020). Именно эти данные демонстрируют итоги двух процессов, поставивших жирную точку на бытовавшее в конце 1990-х – начале 2000-х годов алармистское восприятие действительности у многих россиян: «Китайцы захватили всё!», «Сибирь – уже Китай!», «В Сибири все жители – китайцы!»

С одной стороны, для многих «китайцев» (напомню, что под этим расхожим наименованием «прячутся» и маньчжуры, и ханьцы, и хуэйцы) современная Россия на текущем этапе перестала быть страной

маннны небесной. С другой стороны, немало тех, кто ранее обозначал себя как «китайцы», натурализовались, не говоря уже об идущих им на смену поколениям, воспринимающих себя и, соответственно, обозначающих себя как «русские» в переписных анкетах. Благо, что в отличие от советских времён национальная принадлежность – ныне сугубо личностная прерогатива человека, определяющего себя по своему представлению.

Итоги и перспективы. Подводя итоги, стоит обозначить следующее:

История российско-китайских взаимоотношений долга и насыщена. Насыщена она и добром, и злом, причинённым друг другу не народами, а правительствами и конкретными чиновниками, ими управлявшими.

Говоря об исторически недавних событиях, следует обозначить их содержательную хронологию.

1. Времена сосуществования Русского государства (впоследствии Российской империи) и Империи Цин продемонстрировали баланс противостояний: Нерчинский договор и сменившие его договоры 1858 и 1860 гг.: от немногочисленных охотников и искателей женьшеня к обширной, в первую очередь нелегальной, иммиграции выходцев из Китая в Азиатскую, и далее всю Россию.

2. Становление Советской власти и существование СССР с репатриациями и

участием китайских мигрантов в гражданской войне; последующее обучение кадров для китайской революции, участие китайцев в колхозах Дальнего Востока; аресты, депортация и репатриация китайцев. Полное отсутствие китайской иммиграции в СССР в 1938–1951 гг., ограничения в перемещении китайцев даже с советским гражданством. 1951–1964 гг.: обучение китайских специалистов в СССР; приезд немногочисленных рабочих по специальным соглашениям. 1964–1986 гг.: отсутствие иммиграции ввиду напряженного характера советско-китайских отношений, фактическая война на р. Амур в 1969 г. 1986–1991 гг.: нормализация межгосударственных отношений, возобновление экспорта рабочей силы из Китая.

3. Россия после распада СССР: 1992–1993 гг. – введение безвизового режима на границе с Китаем; почти бесконтрольное перемещение разнообразных групп мигрантов; 1993–2010 гг. – отмена безвизового режима, ужесточение мер контроля над мигрантами; 2011 и до настоящего времени – утрата интереса подданных КНР к переезду в Россию и Сибирь, как её часть, ввиду возросшего уровня жизни на родине.

История... Знание её реального содержания и тонких особенностей, учёт взаимных интересов и уважение к особенностям партнёра, недопущение пренебрежения своим и чужим – реальная основа к благополучному и великому будущему двух народов, двух стран, двух цивилизаций.

Список источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. V. 390 с., 2 л. карт.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. 208 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. / РФ, Фед. служба гос. статистики. Офиц. изд. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Статистика России, 2012. Кн. 1. 847 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ РСФСР, 1963. 284 с.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4: Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973. 648 с.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Госстатиздат ЦСУ РСФСР, 1989. Т. 4: Национальный состав населения СССР. Ч. 1: Распределение населения СССР, союзных, автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Кн. 1. 478 с.; кн. 2. 280 с.; кн. 3. 258 с.
8. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Кн. 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. 946 с.)
9. Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1991. 158 с.
10. Национальный состав населения. Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками. Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.07.2024).
11. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 72–80.
12. Коровушкин Д. Г. Ангара: древняя, уходящая, живая. Новосибирск: Научно-исследовательский фонд «Наследие Сибири», 2017. 274 с.
13. Коровушкин Д. Г., Коровушкин И. Д. Китайцы в Азиатской России: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2016. № 4. С. 97–122.
14. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1721–1722. Berlin: Akad.-Verl., 1962. Vol. VIII. 379 s.
15. Strahlenberg Ph. I. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. [26], 438, [16] s.

Информация об авторе

Коровушкин Дмитрий Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия, peka1963@mail.ru

Information about the author

Korovushkin Dmitry G., Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia, peka1963@mail.ru

УДК 2:908(571.52)

**Некоторые аспекты изучения религиозной жизни населения Тувы
в середине 1940-х – начале 1950-х годов**

Алиссия Витальевна Монгуш

*Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия;
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Россия
alismon@inbox.ru*

Статья освещает религиозную жизнь населения Тувы после ее вхождения в состав СССР на правах автономной области. В советском правовом и социокультурном пространстве ее новые граждане (тувинцы) безрезультатно прилагали усилия по официальному возрождению буддизма в крае путем регистрации религиозного общества согласно их новообретенным конституционным правам. Несмотря на отказы местной власти в их юридическом оформлении, буддисты, как и другие представители конфессий, относительно свободно и нелегально проводили традиционные для них обряды, празднества и традиции в рамках активизации религиозного движения в регионе и стране в целом в послевоенный период. Интерес представляет и описание их главного культового объекта в виде юрты в буддийском центре в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района Тувинской автономной области.

Ключевые слова: СССР, Тува, Тувинская автономная область, религиозная жизнь, тувинцы, буддизм, религиозные обряды

Благодарности: работа подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117).

Aspects of the Religious Life of the Population of Tuva in the Mid-1940s – Early 1950s.

Alissia V. Mongush

*Altai State University, Barnaul, Russia;
Tuva Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government
of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia
alismon@inbox.ru*

This work highlights the religious life of the population of Tuva in the mid-1940s after its entry into the USSR as an autonomous oblast. The new members of the Soviet legal and socio-cultural space, the Tuvinians, made efforts to revive Buddhism in the region. Tuvans have made attempts to officially register religious societies, using the constitutional right to freedom of religion, but their attempts have not been successful. Despite the refusals of the local authorities to formalize them legally, Buddhists, like other followers of faiths, relatively freely and illegally conducted their traditional rituals, festivals and other traditional events. In the post-war period, a revitalization of the religious movement took place in the region and the country as a whole. Also, the article describes the main Buddhist cult object of that period – huree (temple) in the form of a yurt in the area of Kyzyl-Chyraa, which was the Buddhist center of the Dzun-Khemchik district of the Tuvan Autonomous Oblast.

Keywords: USSR, Tuva, Tuvan Autonomous Oblast, religious life, Tuvans, Buddhism, religious rites

Acknowledgments: *the work was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the position of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia” (No. 23-18-00117).*

Тува является одним из регионов Центральной Азии, вызывающих интерес и у исследователей государственно-конфессиональных отношений. В XX в. в ее истории происходят значимые и переломные вехи в контексте глобального процесса трансформации традиционных обществ. Специалисты рассматривают особенности взаимоотношения власти и религиозных обществ края на разных этапах его исторического развития.

Трансформационные процессы продолжались и с момента вступления Тувинской Народной Республики (ТНР) в состав СССР на правах автономной области. Население региона с 1944 г. включалось в советское правовое и социокультурное пространство, в рамках которого и шел процесс новых преобразований в его общественно-политической жизни, но и активизации религиозной. Советская государственно-конфессиональная политика послевоенного времени коснулась граждан и нового советского субъекта.

Религиозная ситуация в Туве в советский период частично рассмотрена в работах таких авторов, как О. М. Хомушку [7, с. 24–28], М. В. Монгуш [5, с. 119–139], У. П. Опей-оол [6, с. 69–80], П. К. Дашковский, А. В. Монгуш [3, с. 1152–1166; 4, с. 94–100] и др. Тем не менее не все аспекты религиозной жизни общин региона, можно сказать, отражены в контексте советской системы государственно-конфессиональных отношений.

В данной работе предпринята попытка изучения религиозной жизни населения Тувы в середине 1940-х – начале 1950-х гг. В качестве источниковой базой исследования послужили исторические документы, хранящиеся в Государственном архиве РФ (ГА РФ).

Еще в период ТНР, несмотря на ее жесткую антирелигиозную политику, религиозные обряды и традиции продолжались тайно проводиться ее жителями, в основном их старшим поколением людей. В новых сложившихся условиях в регионе

естественным для верующей части населения, но нежелательным для его местной власти явлением стала активизация религиозной жизни и религиозного движения. Приверженцы всех религиозных направлений Тувинской автономной области, как и представители конфессиональных образований других советских субъектов, подавали ходатайства на официальное открытие своих культовых объектов согласно статье № 124 Конституции СССР 1936 г. [2]. Руки партийно-государственных деятелей в стране и новой области сдерживало положение Советского Союза в послевоенный период, который был заинтересован в налаживании отношений со странами и решении своих политических нужд на мировой арене в целом, в том числе и за счет международных связей советских религиозных организаций [3].

Государственные органы при Правительстве СССР (Совете Министров СССР), ответственные за религиозную обстановку в стране, от своих уполномоченных в регионах для регуляции религиозного движения требовали тщательного и всестороннего изучения религиозных процессов на местах. В Государственном архиве РФ отложился весьма богатый на факты информационный отчет уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Г. Михайлова за 1951 г., дающий ценные сведения о религиозной жизни региона [1, Д. 587, л. 27–41]. Г. Михайлов на тот момент совершил специальные выезды в районы области с целью тщательного обследования деятельности общин буддийского, старообрядческого и протестантского направлений. Не затронуты его взором объединения верующих русской православной церкви в г. Туране и г. Кызыле, сумевших и успевших получить право на официальное существование в период временной благоприятной государственно-конфессиональной политики в сталинское послевоенное время [4, с. 99]. В данной работе освещаются лишь сведения

отчетного документа, относящиеся к обрядам и традициям в жизни новых советских граждан – тувинцев, имевших (и имеющих по сей день) буддийско-шаманское мировоззрение и культуру [1, Д. 587, л. 27–41].

Наиболее активную и постоянную деятельность среди буддийских общин Туvinской автономной области вела та, которая находилась в молитвенной юрте в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района [1, Д. 587, л. 21; 7, с. 24; 6, с. 71]. Буддийский центр области в исследуемый период своей деятельностью охватывал, согласно архивному документу, Дзун-Хемчикский, Барун-Хемчикский, Бай-Тайгинский, Сут-Хольский, Овюрский, Чаа-Хольский и Тандынский районы [1, Д. 588, л. 3].

Интерес в информационном отчете за 1951 г. представляет описание своеобразного буддийского культового объекта, который по размерам был несколько больше, чем обычная юрта. Его параметры и убранство, по мнению Г. Михайлова, в противопожарном и санитарном отношении не позволял проведение в нем каких-либо религиозных собраний [Там же, Д. 587, л. 30]. Причины несоответствия молитвенной юрты как культового объекта буддистов заключались в том, что половину ее внутреннего пространства, начиная от входа, занимали культовые предметы и в ней могли поместиться лишь 10–15 человек. При этом архивные источники исследуемого периода свидетельствуют о всяческом отказе буддистам области построить стационарное здание храма в разных местностях Западной Тувы [Там же, л. 21–22; 29, 34]. В почетной части юрты был алтарь, украшенный различными культовыми атрибутами [Там же, л. 31]. При этом на ее стенах среди образов Будд в рамке был установлен портрет И. В. Сталина, а пол устлан войлочными коврами. Кроме этого, антисанитарию в культовом объекте, согласно отчетному документу, вызывал и «смрад» от *чула* – тлеющих масляных лампадок. Количество лам на момент командировки регионального уполномоченного было 12 человек, если считать их вместе с главой буддийского духовенства области Амыртаа Хомушку и его заместителем Чамдылай Тюлюш [Там же].

Верующие из разных районов Туvinской автономной области и днем, и ночью обращались к священнослужителям буддийского центра для удовлетворения индивидуальных запросов и религиозных нужд, особенно по поводу проведения обрядов жизненного цикла (рождение, отпевание и др.) [Там же, л. 31–32]. При этом следует отметить, что шаманизм в отчетных документах того периода относили к «разновидностям буддизма» [7, с. 24].

Если говорить о коллективных обрядах, то в 1947 г. при молитвенной юрте нелегально состоялся относительно большой культовый молебен *Оваа*, а в июле 1948 г. уже «массовое богослужение проходило на холме Кызыл-Тайга, на которое съезжались верующие 9 районов области» [1, Д. 587, л. 32]. Кызыл-Тайгу в данном документе называют не тайгой, а холмом, чтобы, по нашему мнению, принизить значимость священного для тувинцев природного объекта. В Бурят-Монгольской АССР в исследуемый исторический отрезок времени аналогично проходили массовые молебствия *обо* с участием лам [Там же, Д. 540, л. 2]. При этом власти республики под жесткий контроль ставили вопрос проведения данных религиозных мероприятий незарегистрированными (бродячими) ламами, поскольку даже официально действовавшими священнослужителями заранее (за две недели) в исполкомах аймсоветов республики оформлялся разрешительный документ.

В феврале 1951 г. в Туvinской автономной области в буддийском центре в течение трех дней тувинцами проводился традиционный для них праздник *Шагаа* – Новый год по лунному календарю [Там же, Д. 587, л. 32]. В Бурят-Монголии в рассматриваемый период ее население тоже праздновало *Сагаалган* [Там же, Д. 542, л. 273]. Здесь можно отметить деятельность бурятской местной власти по наблюдению и оценке процесса подготовки жителей региона к Новому году по наличию приобретения в торговых точках продуктов питания, сладостей и пошива одежды, а также по их прогулу рабочего времени. Кроме этого, известно, что тувинцами проводились традиции, связанные с освящением родовых мест, природных объектов – не

только обряд *тайга дагыры* (освящения тайги), но и *оваа дагыры* (освящения оваа), *кожээ дагыры* (освящения кожээ), хам ыяш дагыры (освящения дерева-шамана), *суг бажы дагыры* (освящения истока воды) и др. [1, Д. 587, л. 32]. Месторасположение священных мест и факты проведения населением названных религиозных обрядов власть тувинской области определяла по подвязанным ими на деревьях *чалама* (ритуальным ленточкам) и иным приметам.

Таким образом, после вхождения Тувы в состав СССР ее население было втянуто

в общесоюзное религиозное движение и вело в регионе относительно свободную религиозную жизнь благодаря советскому законодательству и условно благоприятной государственно-конфессиональной политике в стране в сталинский послевоенный период. Буддисты Тувинской автономной области в новых реалиях нелегально проводили традиционные для них культовые обряды, празднества и традиции, как и представители иных конфессий, несмотря на всяческие отказы местной власти в юридическом оформлении их духовенства и общины.

Список источников и литературы

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6991. Оп. 3.
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Текст: электронный // Конституция РФ. НПП «Гарант-сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676 (дата обращения: 05.05.2024).
3. Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // *Oriental Studies*. 2023. № 16. С. 1152–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166.
4. Дашковский П. К., Монгуш А. В. Начальный этап становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве в середине 1940-х гг.: к постановке проблемы // Этнические меньшинства в истории России: материалы IV Междунар. науч. конф. (27–28 окт. 2023 г.) / отв. ред. В. Н. Шайдунов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 94–100.
5. Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
6. Опей-оол У. П. К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожуун) с 1946 по 1960 г. // История и современность Тувы: сб. науч. ст. к 80-летию В. П. Дьяконовой / сост. А. О. Дыртык-оол. Кызыл: Тываполиграф, 2007. С. 69–80.
7. Хомушку О. М. Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: научно-информационный сборник. 1988. № 1. С. 24–28.

Информация об авторе

Монгуш Алиссия Витальевна, научный сотрудник сектора религиоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Россия; аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия, alison@inbox.ru

Informathion about the author

Mongush Alissia V., Researcher in the Religious Studies Sector of the Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl, Russia; Graduate Student of Altai State University, Barnaul, Russia, alison@inbox.ru

Научное издание

300 лет научных исследований в Забайкалье

Сборник публикуется в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства

Верстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 12.09.2024.
Формат бумаги 60×84 1/8. Бумага ксерографическая.
Способ печати оперативный.
Гарнитура Arial.
Усл.-печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 13,9.
Тираж 90 экз. Заказ № 24026.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30